

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

72

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 598

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

72

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*

Зам. ответственного редактора — кандидат историч. наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (ответственный секретарь),
П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Л. И. КАШТАНОВ, А. П. СМЕРНОВ

ИЗ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

В истории развития общества большую роль сыграла эпоха бронзы — эпоха обширных межплеменных связей и сложения больших этнических общностей, развития скотоводства, земледелия и широкого распространения металлических орудий. Изделия из бронзы появились даже там, где не было своего металла.

Как показывают исторические данные и этнографический материал, производство металлических изделий долгое время составляло секрет отдельных племен. Metallургия была тесно связана с религией, тайна производства тщательно охранялась. Так, например, в Египте металл считался собственностью фараона. Во главе каждого металлургического производства стояли сыновья фараона, высшие государственные сановники и жрецы. У вавилонян запасы металла хранились в храмах, а у ассирийцев — в подвалах дворцов, куда поступал и весь захваченный во время войны металл. При Селевкидах даже и горные промыслы были собственностью царя. Германцы¹ и древние народы Кавказа считали металлургию священной наукой и сохраняли тайну производства².

Б. А. Колчин³ указывает, что в письменных источниках Киевской Руси нет упоминаний о металлургии, в том числе и металлообрабатывающем ремесле. Первый трактат о металлургии, принадлежащий Агриколе, в котором описывались технология выплавки металлов из руд, свойства металлов и их сплавов, появляется в Европе только в середине XVI в.

Бронзовые изделия получают широкое распространение в середине II тысячелетия до н. э. на огромных пространствах Евразии. Сейминские копья и кельты можно найти в Сибири. Вещи западного происхождения обнаружены на Оке.

Второе тысячелетие характеризуется не только межплеменным обменом, охватившим огромные пространства, но и передвижением самих племен. Можно напомнить продвижение племен — носителей срубной культуры с Волги на запад, в Приднепровье, андроновской — на Волгу; абашевские памятники появляются на Урале.

Таким образом, на обширной территории от Восточного Урала до Западного Поволжья появились общие культурные элементы.

¹ Записки Ю. Цезаря и его продолжателей о галльской войне. Перевод акад. М. М. Покровского. М.—Л., 1948, стр. 21.

² М. Джаванашвили. Абхазия и абхазцы. Тифлис, 1884, стр. 53.

³ Б. А. Колчин. Техника обработки металла в древней Руси. М., 1953, стр. 45.

На Среднем Урале в это время господствует горбуновская культура. В составе металла характерных для этой культуры изделий⁴ есть примесь сурьмы и отсутствуют никель и цинк.

Область обитания племен — носителей приказанской культуры охватывает территорию Поволжья от Ветлуги на западе, по левобережью Волги, до р. Утки на юге и на восток от Вятки. Спектроскопические исследования, проведенные Казанским филиалом АН СССР⁵, показывают довольно пеструю картину состава металла. Из семи исследованных образцов два содержат никель и алюминий, а остальные их не содержат. Свинец встречен только в трех образцах, олово — в четырех.

Отмеченная пестрота в технологии бронзы может свидетельствовать о том, что на территории, занятой племенами — носителями приказанской культуры, как бы произошел стык отдельных металлургических культур, что находит объяснение в исторической обстановке того времени. Приказанская культура, как установлено рядом исследований⁶, связывается с финно-угорскими племенами Прикамья. В середине II тысячелетия до н. э. на эту территорию проникают племена — носители срубной, андроновской⁷ и абашевской⁸ культур.

Очень интересен факт присутствия алюминия в ряде бронз. Анализ некоторых бронзовых изделий X—XIV вв. н. э., принадлежавших финно-уграм⁹, показал довольно большие примеси алюминия, доходившие до 14%. Примесь алюминия (2%) в бронзах сейминского типа¹⁰ была обнаружена С. Ф. Мейнандером¹¹.

Как будет показано ниже, все бронзовые изделия племен Прикамья содержат алюминий. Здесь мы можем говорить об особой металлургии у этих племен, которые в шихту добавляли криолит. Видимо, отдельные финно-угорские племена Прикамья добавляли в шихту различные количества криолита, так как количество алюминия у отдельных финских племен подвержено значительному колебанию. Прием добавления в шихту криолита, по-видимому, идет от приказанской культуры.

В табл. 1 приведены результаты аналитических исследований металлоизделий приказанской культуры, указывающие на присутствие алюминия. Эти данные совпадают с выводами, сделанными на основании спектроскопического анализа, произведенного Казанским филиалом АН СССР.

Небезынтересен образец № 1, близкий по своему составу металлу андроновской культуры; образец № 6 типичен для сплавов, известных по материалам карасукской культуры.

Все остальные предметы содержат алюминий в разной степени: от следов до 0,20%.

⁴ Л. И. Каштанов и А. А. Патушинская. Бронза III—I тысячелетий до н. э. Западной Сибири, Алтая и Казахстана. Труды Московского Инженерно-экономического института (в печати).

⁵ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 220.

⁶ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 54; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 28, 1952, стр. 205.

⁷ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 190 и 206.

⁸ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 63; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 238.

⁹ Л. И. Каштанов и М. Я. Каштанова. Химический состав древних финских цветных сплавов. Труды Института истории естествознания и техники, т. VI, 1955, стр. 209.

¹⁰ Есть все основания относить создателей сейминской культуры, как и турбинской к числу финно-угорских племен. Эти культуры легли в основу материальной культуры части чуждских племен русской летописи.

¹¹ С. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finland. Helsinki, 1954.

Исследование образцов металла сейминско-турбинской культуры, приведенное С. Ф. Мейнандером¹², показало содержание олова в сейминских кельтах от 0,1 до 10%; свинца — от 0,1 до 0,2%; алюминия — от следов до 0,1%; никеля — в пределах 0,1%. Цинк, сурьма и мышьяк отсутствуют.

Другие результаты опубликованы О. Н. Бадером¹³, который приводит спектроскопические анализы турбинского кельта и двух ножей из Сейминского могильника.

Ни в одном из этих образцов не обнаружено присутствия алюминия. Кельт содержит 6% олова, менее 0,5 свинца, 1,1% железа и следы никеля; ножи — 0,2% олова, от 0,5 до 1,0% свинца, 0,2% железа, от 0,5% до 1,0% никеля. Во всех образцах обнаружены следы сурьмы и мышьяка.

Таким образом, данные, опубликованные О. Н. Бадером, расходятся с данными С. Ф. Мейнандера, который анализирует металл, не только найденный на территории Финляндии, но и на Севере СССР и в Татарской АССР. Во всех анализах им отмечен алюминий.

В табл. 2 приводятся данные химического состава бронзовых вещей сейминско-турбинской культуры. Первые два образца сейминского происхождения, третий — турбинского.

Наши данные подтверждают результаты, полученные С. Ф. Мейнандером. В сейминских бронзах найдены алюминий и никель. Этот тип сплавов распространен на севере, западе Европейской части СССР и на территории Финляндии.

Карельская и каргопольская культуры весьма бедны металлом. В собрании Государственного Исторического музея имеется всего один образец (слиток) из Карелии и два бронзовых предмета (рыбка и кельт), относящиеся к каргопольской культуре, которые и были проанализированы¹⁴.

Судя по данным, приведенным в табл. 3, металлы этих вещей разные. В карельских есть никель, следы цинка и нет сурьмы. Металл близок образцам со среднего Урала. В каргопольском присутствует сурьма и кремний, железо представлено в большем количестве, чем в слитке, и отсутствует никель. Сплавы очень близки по составу к металлу, характерному для горбуновской культуры, но, судя по содержанию олова, более позднего происхождения. Можно предполагать, что исследованные образцы попали с востока на север Европейской части СССР.

Ананьинская культура, характеризующая племена Приуралья раннего железного века, неоднородна на всем протяжении. Разноплеменный состав ее носителей подтверждается и антропологическими данными¹⁵.

Исследования образцов бронз свидетельствуют о различных культурных заимствованиях этих племен.

Отметим, что приводимые нами аналитические данные хорошо согласуются с анализами Мейнандера ананьинских кельтов, происходящих с Волги.

Приведенные в табл. 4 образцы металла № 1, 2 и № 4 включают примесь алюминия; № 5 (колокольчик) по составу металла уральского происхождения, а № 3, 6 и № 7 можно сближать с изделиями поздне-андроновского типа (возрастает количество олова).

Такой состав бронз находит объяснение в культурных связях племен Среднего и Нижнего Поволжья. Еще в эпоху бронзы на них оказали силь-

¹² С. Ф. Meinander. Указ. соч.

¹³ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). Ученые записки Госуд. университета им. А. М. Горького, т. IX, вып. 3. Пермь, 1953, стр. 3.

¹⁴ Анализ бронз сейминско-турбинской (табл. 2), каргопольской и карельской культур проведен Л. И. Каштановым.

¹⁵ Т. А. Трофимова. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры. МИА, № 42, 1954, стр. 500 и сл.

ное влияние и племена восточного Урала и носители андроновской культуры. Эти связи в эпоху раннего железа усилились. В частности, о связях с Сибирью свидетельствует находка предметов тагарской культуры в Пермской области¹⁶. Пьяноборская культура является естественным развитием ананьинской.

Как показали исследования А. Бертеле¹⁷ и Ф. Фелленберга¹⁸, бронзы отдельных культур могут ориентировочно датироваться по содержанию в сплаве олова: чем меньше олова, тем древнее сплав.

Эта закономерность прослеживается и в бронзах Приуралья, точно так же, как в более поздних вещах замечено больше алюминия в сплаве. Так, в металле приказанской, сейминской и турбинской культур конца II тысячелетия до н. э., алюминий содержится в небольших количествах (около 0,1%), в ананьинском его значительно больше (до 0,5%). Более поздние сплавы пьяноборских изделий дают еще большее содержание алюминия — до 12%; в сплавах же X—XIV вв. он достигает 14%.

Интересен Коршуновский клад XIII—XII вв. до н. э. из Пермской области, анализы предметов которого даны в табл. 6. В этом кладе копье и плоский топор относятся к изделиям абашевского типа¹⁹ и содержат до 2% никеля; заметна в них и примесь цинка. Сравнение металла Коршуновского клада с металлом центрального Урала (табл. 7) указывает на их близость по химическому составу. Характерно, что ни в одном из предметов клада не обнаружено присутствие алюминия. Коршуновские изделия близки по химическому составу к бронзам Усть-Тайвинского могильника²⁰, в которых также много никеля, цинк представлен в небольших количествах, а алюминий отсутствует.

Приведенные данные показывают, что металл Среднего Урала несколько отличается по составу от металла Камского бассейна: в нем меньше никеля и цинка.

Металл финно-угорских племен Поволжья VII—VIII вв. н. э., как можно видеть из табл. 8, неоднороден.

Особо следует отметить образец № 4, содержащий следы висмута и в заметном количестве золото.

Интересный материал дает изучение бронзовых изделий сарматов на Волге. Как видно из табл. 10, сплавы № 6 и № 8 ближе к Средне-Уральским; бронзы № 1 и № 3 аналогичны андроновским вещам; образцы № 9 и № 23 по наличию алюминия сближаются с изделиями Приуральских финно-угров. Предметы № 10, 11, 12 и № 19 по присутствию золота и висмута близки вещам с Южного Урала.

Некоторые сплавы сильно ликвированы (неоднородны), что говорит о низкой технике выплавки, в особенности при отливке зеркал (отдельные прослойки меди и олова).

Волжские болгары, по-видимому, в какой-то степени пользовались привозным металлом. Бронза № 1 (табл. 11) по значительному содержанию никеля приближается к сплавам камского типа. Остальные образцы, за исключением № 11, содержат цинк, свинец и олово, т. е. близки славянским. Это обстоятельство находит объяснение в материале последних раскопок в городе Болгары²¹, установивших тесные связи болгар со славянами.

¹⁶ I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877.

¹⁷ A. Bertelè. Ages de cuivre et du bronze. Paris, 1905.

¹⁸ F. Fellenberg. Wagners Journal. 1859, стр. 80.

¹⁹ Л. И. Каштанов и А. А. Патушинская. Указ. соч., стр. 302.

²⁰ О. Н. Бадер. Указ. соч.

²¹ А. П. Смирнов. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография. МИА, № 42, 1954, стр. 302; Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 141.

РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К РАЗЛИЧНЫМ КУЛЬТУРАМ

Т а б л и ц а 1

Приказанская культура

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	Zn	Al	Место находки
1	Тесло с несомкнутой втулкой	99,95	Сл.	—	—	—	—	—	ТАССР
2	Обломок металла	99,92	„	—	Сл.	Сл.	—	Сл.	У озера Степного, ТАССР
3	Височная подвеска	99,78	„	—	0,11	Сл.	—	0,09	Балымское поселение
4	Бляха	99,22	—	—	0,37	0,12	—	0,15	То же
5	Нож	99,25	Сл.	—	0,54	—	—	0,20	„ „
6	„	99,97	„	—	0,05	Сл.	—	—	„ „
7	Бусы	99,80	0,10	—	0,08	—	—	Сл.	„ „

Т а б л и ц а 2

Сейминско-Турбинская культура

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Bi	Ni	Al	P	As	Sb	Место находки
1	Нож	99,32	0,5	Сл.	Сл.	—	—	0,12	Сл.	—	—	—	Сейминский могильник
2	Кельт	94,56	5,11	—	„	—	—	0,21	0,08	—	—	—	(из коллекции Сидорова)
3	Топор	96,72	2,62	—	0,55	—	—	—	—	0,05	—	—	Тетюшинский район

Т а б л и ц а 3

Каргопольская и Карельская культуры

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	Sb	As	Si	Zn	Место находки
1	Рыбка	93,02	6,27	—	0,11	—	Сл.	—	0,42	—	Вологодская обл., Каргопольская культура. Белое озеро, стоянка Вадоба
2	Кельт	92,96	6,87	Сл.	0,13	—	Сл.	—	Сл.	—	Стоянка в устье р. Хинемае
3	Кусок металла	97,25	2,35	—	Сл.	0,35	—	—	—	Сл.	Карельская культура, стоянка Талица

Ананьинская культура

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Fe	Pb	Al	Ni	Sb	As	Zn	Место находки
1	Височное кольцо	85,16	13,01	0,90	—	0,41	0,48	Сл.	Сл.	—	Пермская обл. с. Ананьино
2	Стрела	86,75	12,07	0,31	—	0,22	0,57	Сл.	—	—	То же
3	"	82,12	17,81	Сл.	—	—	—	—	—	—	" "
4	"	98,33	0,90	"	—	0,47	Сл.	—	—	—	" "
5	Коло-кольчик	97,00	2,91	"	—	—	—	—	—	—	Луговский могильник
6	Височное кольцо	87,20	12,75	"	Сл.	—	—	Сл.	—	—	То же
7	Бляшка	71,51	26,01	"	0,38	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	" "

Т а б л и ц а 5

Пьяноборская культура

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	Zn	Ag	Au	Al	Bi	Место находки
1	Накладка	96,10	3,81	—	Сл.	—	—	—	Сл.	—	—	Удмуртская АССР
2	Пластинка	99,68	0,30	Сл.	Сл.	—	—	—	—	—	—	Устье р. Белой
3	Спираль	94,70	5,28	"	Сл.	—	—	—	—	—	—	Могильник Чеганда
4	Проволока	92,56	5,41	"	Сл.	1,59	0,41	—	—	—	—	Могильник Чеганда, раскопки 1954 г.
5	Кольцо	98,59	Сл.	—	1,12	Сл.	—	—	—	0,29	—	То же
6	Спираль	89,47	8,37	Сл.	1,09	"	—	—	—	1,04	—	" "
7	Пластинка	82,70	13,28	"	2,00	"	—	—	—	1,98	—	" "
8	Подвеска	72,86	23,11	"	—	—	—	—	—	—	—	Могильник Чеганда, раскопки 1953 г.
9	Браслет	93,65	2,36	"	Сл.	3,95	Сл.	—	—	—	—	То же
10	Накладка	85,97	13,93	—	Сл.	Сл.	—	—	—	0,10	—	" "
11	Обоймочка	99,21	Сл.	—	Сл.	"	Сл.	—	—	0,57	—	" "
12	Фибула	94,45	Сл.	Сл.	Сл.	"	—	—	—	5,33	Сл.	" "
13	Кокошник	96,90	0,10	—	Сл.	—	—	—	—	2,99	Сл.	" "
14	Накладка	89,51	9,47	—	0,10	Сл.	—	—	—	0,92	Сл.	" "
15	Бляшка	72,75	15,07	Сл.	Сл.	"	—	—	—	12,14	Сл.	" "
16	Серьга	85,14	11,42	—	0,86	—	2,46	—	—	—	—	Пермская обл.
17	Обоймочки	87,51	3,99	0,94	Сл.	Сл.	—	—	—	7,54	—	Елабужский район, могильник
18	Бляшка	63,99	9,71	15,60	"	"	—	—	—	10,70	—	Могильник Чеганда, раскопки 1953 г.
19	Прялочки	94,05	4,87	0,92	"	"	—	—	—	0,13	Сл.	То же
20	Височная подвеска	96,69	1,73	1,47	"	"	—	—	—	0,11	Сл.	" "

Таблица 6

Вещи из Коршунковского клада

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Ni	Au	Место находки
1	Пробойник с круглым концом	97,78	Сл.	—	0,85	1,27	Сл.	—	Пермская обл.
2	Большой нож	96,90	1,62	—	Сл.	0,48	1,97	—	То же
3	Копье	99,75	Сл.	—	„	0,20	Сл.	—	„ „
4	Плоский топор	97,62	„	—	„	0,13	2,28	—	„ „
5	Малый нож	97,83	0,57	—	„	0,58	1,01	—	„ „
6	Широкий пробойник	93,71	3,60	—	1,69	Сл.	Сл.	Сл.	„ „

Таблица 7

Вещи из памятников Среднего Урала

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	Zn	Ag	Au	Bi	Место находки
1	Зеркало	91,52	7,74	—	Сл.	0,18	0,52	—	—	—	Свердловская обл., „Карсий исток“
2	Бляха	86,88	12,11	—	Сл.	0,27	0,72	—	—	—	Пермская обл., Гляденовское костище

Таблица 8

Изделия из памятников финно-угорских племен Поволжья

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Al	Ni	Au	Ag	Bi	As	Sb	Место находки
1	Височное кольцо	93,80	2,61	1,75	0,55	1,26	Сл.	—	—	—	—	—	Рязанская обл., Курмчанский могильник
2	Височное кольцо	83,71	13,54	—	0,62	2,10	—	—	—	—	—	—	Тамбовская обл., Кошбеевский могильник
3	Височное кольцо	88,73	9,72	1,53	Сл.	—	—	Сл.	—	—	—	—	Рязанская обл., Кузьминский могильник
4	Обойма	97,15	2,54	0,12	0,11	—	—	0,04	—	Сл.	—	—	Рязанская обл., Кузьминский могильник
5	Пронизка	94,54	2,90	0,42	1,52	1,57	Сл.	—	—	—	—	—	Рязанская обл., с. Борки, раскопки В. А. Городцова
6	Пронизка рубчатая	91,44	7,42	0,51	0,63	—	—	—	—	—	—	—	Рязанская обл., Кузьминский могильник

Савроматская культура

№ п.п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Ni	Sb	As	Ag	Au	Bi	Al	P	Место находки
1	Бляшка сбруи	82,84	15,30	1,75	—	—	—	0,08	—	—	—	—	—	—	Село Колчановка, устье р. Еруслан
2	Зеркало	99,85	—	—	Сл.	—	0,11	—	—	—	—	—	—	—	Местечко Пролейка, район г. Камышина
3	Бляшка сбруи	98,95	3,05	—	„	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Город Степной, могильник „Три брата“
4	Стрела	83,55	13,02	2,23	„	—	Сл.	—	—	—	0,78	0,39	—	—	Зап. Казахстан, Джансам
5	„	86,51	13,00	0,31	0,16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Город Камышин, с. Жерновка
6	„	95,26	4,39	0,18	0,12	Сл.	—	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан, верхнее течение
7	„	85,65	13,90	0,23	0,18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Город Камышин, Терновское городище
8	„	93,30	6,20	0,16	0,07	—	0,25	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан
9	„	82,42	16,85	Сл.	0,63	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	—	—	—	Река Б. Караман
10	„	99,28	0,28	0,42	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	—	Саратовской обл., р. М. Узень
11	„	98,74	0,58	0,44	Сл.	—	—	0,21	—	—	—	—	—	Сл.	Зап. Казахстан, Кара-Оба
12	„	89,74	9,90	0,16	Сл.	—	0,18	—	—	—	—	—	—	—	Аткарский район, местечко Ковиловка

Позднесарматская культура

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Ni	Sb	As	Ag	Au	Bi	Al	P	Место находки
1	Стрела	97,95	1,38	—	Сл.	—	0,63	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан, могильник у с. Бережновка
2	Игла	99,98	Сл.	—	Сл.	—	0,18	—	—	—	Сл.	—	—	—	Район Сталинграда, правый берег Волги
3	Стрела	99,95	—	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан, с. Салтово
4	Пряжка	99,50	—	—	Сл.	—	0,48	—	—	—	—	—	—	—	Город Степной, могильник „Три брата“
5	„	99,31	0,10	—	Сл.	—	0,56	—	—	—	Сл.	—	—	—	То же
6	Стрела	85,32	14,00	—	0,59	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан, могильник у с. Бережновка
7	„	85,17	14,50	Сл.	0,33	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	—	То же
8	Зеркало	75,22	20,00	1,07	1,09	—	Сл.	—	—	—	1,60	1,01	—	—	Зап. Казахстан, могильник Кара-Оба
9	Ручка зеркала	98,32	—	0,30	0,25	—	0,57	—	—	—	—	—	0,54	—	Левобережье Волги, с. Быково
10	Зеркало	92,30	5,21	0,38	0,15	—	Сл.	—	—	—	0,52	1,38	—	—	Река Еруслан, могильник у с. Бережновка
11	„	87,15	10,22	1,08	Сл.	—	Сл.	—	—	—	0,27	0,98	—	—	Бассейн реки Хопра, Верхний Камышлей
12	„	91,73	7,42	0,72	Сл.	—	Сл.	—	—	—	0,34	0,50	—	—	Река Еруслан, могильник у с. Бережновка
13	„	97,84	1,54	—	0,10	—	0,52	—	—	—	—	—	—	—	То же
14	Браслет	88,75	Сл.	0,12	0,21	10,86	0,02	—	—	—	—	—	—	—	Нижняя Волга
15	Зеркало	90,28	9,62	—	Сл.	—	—	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	Село Шипово

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Ni	Sb	As	Ag	Au	Bi	Al	P	Место находки
16	Бляшка	99,22	Сл.	Сл.	0,51	—	0,32	—	—	—	—	—	—	—	У г. Камышина
17	Обоймочка	99,50	Сл.	Сл.	0,14	—	—	Сл.	—	—	—	0,35	Сл.	—	То же
18	Зеркало	76,11	23,35	Сл.	Сл.	—	0,42	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	—	" "
19	Обоймочка	99,50	Сл.	Сл.	0,14	—	—	Сл.	—	—	0,35	Сл.	—	—	" "
20	Зеркало	61,22	31,90	5,97	Сл.	—	0,76	—	—	Сл.	—	—	—	—	" "
21	"	75,00	21,70	3,10	Сл.	—	Сл.	—	—	Сл.	—	—	—	—	Река Еруслан
22	Обоймочка	97,05	2,89	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	У г. Камышина
23	Зеркало	73,25	17,36	6,68	0,67	0,15	0,05	—	—	—	—	1,55	0,9	—	То же
24	"	82,42	16,83	Сл.	0,63	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан
25	Стрела	73,76	26,63	0,49	Сл.	—	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	—	—	У г. Камышина
26	"	86,12	13,22	Сл.	0,42	—	0,12	Сл.	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан
27	Удила	99,76	0,12	—	0,08	—	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	Нижняя Волга
28	Стрела	99,28	0,28	0,42	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	Сл.	Саратовская обл., Н. Узенский район
29	Котел	99,30	0,12	0,31	0,14	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан
30	Кольцо	70,55	23,74	3,76	0,27	—	Сл.	1,66	Сл.	—	—	—	—	—	Река Б. Караман
31	Стрела	89,74	9,90	0,16	Сл.	—	0,18	—	—	—	—	—	—	—	Река Аткаренко, местечко Ковыловка
32	Браслет	83,59	0,52	Сл.	Сл.	15,86	—	—	—	—	—	—	—	—	С. Шипово
33	"	99,90	Сл.	Сл.	0,09	—	—	—	—	—	—	—	—	Сл.	Верхний Камышлей
34	Бляшка	99,95	—	—	Сл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Река Еруслан
35	Нож	99,83	Сл.	Сл.	—	—	0,16	—	—	—	—	—	—	—	Верхний Камышлей

Вещи из памятников волжских болгар

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	Zn	Bi	Место находки
1	Зеркало	72,12	22,45	3,55	0,26	1,39	—	—	Гор. Болгары
2	Зеркало *	72,01	18,29	4,99	Не определялось				Район Саратова
3	"	66,70	19,04	9,16	"	"			То же
4	"	70,00	22,51	3,34	"	"			" "
5	Яйцевидный бубенчик	81,20	7,06	2,37	0,10	—	7,24	—	" "
6	Зеркало	72,65	21,14	6,09	0,02	—	—	1,15	Район Казани
7	Бубенчик	77,59	9,02	1,11	0,13	—	12,14	—	То же
8	Пластинка	73,56	Сл.	—	Сл.	—	6,42	—	" "
9	Кольцо	90,93	0,05	0,05	"	—	8,96	—	" "
10	Сетка	88,80	0,04	—	"	—	11,42	—	" "
11	Рукоятка от котла	94,73	2,19	3,03	"	—	—	—	" "

* Данные по предметам № 2, 3, 4 взяты у В. В. Челинцева (см. Труды Саратовской ученой комиссии 1913 г., вып. 30, стр. 147).

Р. В. ФЕДОРОВА

ПРИМЕНЕНИЕ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(Доклад, прочитанный на сессии ИИМК АН СССР 1955 г.)

Заслуга первого использования спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях принадлежит В. С. Доктуровскому¹. Позднее этот метод применялся Д. А. Герасимовым, С. Н. Тюремновым, Г. А. Благовещенским, И. М. Покровской и др. В археологии его широко использовали А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер, М. Е. Фосс, Е. И. Крупнов и др. К настоящему времени известно много работ, в которых показано значение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях. Но все же нельзя не отметить, что в археологии он применялся от случая к случаю, и преимущественно при изучении лесной зоны. Это объясняется тем, что само возникновение спорово-пыльцевого анализа связано с изучением истории лесов по торфяным и озерным отложениям, имеющим хорошо сохранившуюся пыльцу и широко распространенным в лесной зоне. Теперь, с усовершенствованием спорово-пыльцевого метода, появились широкие возможности применения его и при изучении южных районов.

В палеоботанике этот метод занимает особое место благодаря тому, что он может применяться для характеристики самых различных геологических отложений независимо от их литологии и принадлежности к тем или другим фациям.

Преимущества его перед другими палеоботаническими методами обеспечиваются тем, что находки пыльцы растений в ископаемом состоянии более вероятны, чем других растительных тканей. Растения производят пыльцу в огромном количестве и она может сохраняться в течение очень длительного времени. Отметим и слабые стороны этого метода. В некоторых отложениях (преимущественно алювиальных) спорово-пыльцевые спектры могут иметь примеси пыльцы, вымытой из каких-либо других отложений, что в некоторых случаях затрудняет интерпретацию этих спектров. Не исключена возможность находок в любых спектрах пыльцы дальнего ветрового заноса, что иногда может создавать трудности в палеоэкологической интерпретации результатов анализа. Эти особенности спорово-пыльцевого анализа уже получили освещение в специальной литературе. В частности выявлено, что пыльца, найденная во вторичном залегании, может быть выделена из смешанного спектра по большей минерализации оболочек пыльцевых зерен, худшей их сохранности, а также при критиче-

¹ В. С. Доктуровский. Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе. Тр. Антропол. ин-та при ИМГУ, 1925, вып. 1. Приложение к Русск. антрополог. журн., т. 14, вып. 1—2, стр. 83—84.

ском разборе всего комплекса пыльцы и спор растений. Однако и эти наблюдения, конечно, не исключают отдельные затруднительные случаи при рассмотрении таких спектров. В отношении второго вопроса — о ветровом заносе пыльцы и спор — важно отметить, что споры и пыльца травянистых растений — преимущественно продукция местных растений, так как они переносятся на очень ограниченные расстояния. Наиболее далекий занос пыльцы воздушным путем установлен для хвойных древесных пород, в особенности сосны и ели, и мелколиственных — ольхи и березы; для широколиственных пород Русской равнины показано ограниченное распространение пыльцы. Но возможность заноса единичных пыльцевых зерен и спор далеко от ареалов растений следует все же учитывать. Однако в большинстве случаев, путем фитоценологического анализа полученных спектров, можно вполне уверенно выделить компоненты, связанные с дальним заносом.

В последнее время все чаще производятся определения видов растений по пыльце, но они еще прочно не вошли в практику спорово-пыльцевого анализа. Необходимость таких определений вполне очевидна и в этом направлении уже имеется много достижений: составлены определители пыльцы для некоторых родов древесных пород (сосны, ели, березы, граба, орешника, дуба и др.), для полыней, вересковых и травянистых растений (лебедовых, зонтичных и т. д.) и созданы коллекции препаратов пыльцы многих растений. Особо следует отметить необходимость определений пыльцы злаков и сорняков — растений, связанных с деятельностью человека, начиная с ранних ступеней развития человеческого общества.

Спорово-пыльцевой анализ, по количественным соотношениям пыльцы и спор, найденных в тех или других отложениях, дает представление о растительном ландшафте, а в сочетании с видовыми определениями появляется возможность более детально судить о растительном покрове и, следовательно, о физико-географических условиях того или иного периода.

Спорово-пыльцевой анализ стал применяться недавно, но уже получил высокую оценку со стороны многих ученых. Так, например, А. Н. Криштофович в предисловии к статье Р. Крайзеля (1932) отмечал, что «метод анализа пыльцы, поставил изучение болот и их хронологию, и вместе с тем хронологию четвертичного периода, на необычайную высоту в отношении полноты и точности, в которых соединяются выводы в отношении палеоботаники, геологии, археологии и антропологии»². Штрака (G. Straka) считает, что пыльцевой метод, в качестве вегетационно-климатическо-исторического метода, превосходит все другие³, а Кларк говорит, что в некоторых случаях, при археологических исследованиях, для установления дат — это единственный метод⁴.

Совершенно очевидно, что в интерпретации спорово-пыльцевых анализов должна соблюдаться большая осторожность: для наибольшей надежности результаты их следует подкреплять данными других методов исследования.

Отмечая исключительно большое значение спорово-пыльцевого анализа для археологии, мы считаем, что наиболее достоверные результаты могут быть получены путем всестороннего изучения. Достаточно детальную характеристику природных условий, в которых существовал человек, можно получить при применении комплекса методов — археологического, геоморфологического, спорово-пыльцевого и др. Следует также привлекать

² Р. Крайзель. Методы палеоботанического исследования. Руководство для изучения ископаемых растений и образованных ими горных пород. Перевод с немецкого А. Н. Криштофовича. Л., 1932.

³ G. Straka. Die Auswertung pollenanalytischer Ergebnisse. Botanisches Institut der Universit. Naturwiss. Rundschau, v. 8, N 12, 1955.

⁴ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953.

данные палеозоологии, детально изучать литологический состав пород, угли, костные остатки, погребенные почвы, культурные слои поселений и т. д.

Необходимость сочетания, по крайней мере трех способов исследования: археологического, геологического и спорово-пыльцевого, вытекает из того, что каждый из них в отдельности не может дать исчерпывающие сведения об объекте исследования, а иногда даже может повести к неправильным выводам. Так, например, датировка поселений по типологически выделенным предметам не всегда может быть дана с достаточной уверенностью. Топографическое положение поселений в большинстве случаев соответствует их возрастной характеристике; как правило на более молодых геоморфологических ступенях — на пойменных террасах — располагаются более молодые поселения. Но только один этот признак не может быть положен в основу датировки, так как не исключена возможность поселения человека на древних террасах в любое последующее время.

Вопросы, которые могут быть освещены для археологических целей с помощью спорово-пыльцевого анализа, мы делим схематически на две группы.

1. Восстановление природных условий обитания человеческого общества и хронология различных периодов существования человека.

2. Взаимоотношения древнего человека с природной средой и его воздействие на природу, главным образом влияние на естественный растительный покров. Появление и развитие земледелия.

Первая группа вопросов освещена достаточно широко исследованиями в СССР и в других странах.

По второй группе данных гораздо меньше, причем большая их часть относится к зарубежным странам.

Достаточно полно охарактеризовано спорово-пыльцевыми анализами поздне- и послеледниковое время, для которого есть хорошо разработанная схема климатических периодов с характеристикой истории лесов и колебаний уровня Балтийского моря. Изданы сводные работы о голоцене (по послеледниковому времени) М. И. Нейштадта⁵, значение которых заключается в том, что в них показана история лесов, изученная по спорово-пыльцевым анализам, для всей территории СССР, подразделенной на 26 районов, причем отдельные этапы послеледникового времени датированы и сопоставлены с результатами изучения территорий западно-европейских стран.

Исследования М. И. Нейштадта открывают большие возможности применения спорово-пыльцевого анализа при археологических работах на территории СССР.

До настоящего времени этот анализ наиболее широко применялся для изучения Европейской части СССР, но в последние годы появилось несколько работ по районам Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Наибольшее количество поселений, изученных в СССР, относится к неолитическому периоду и датируется атлантическим, суббореальным или субатлантическим периодами, но в некоторых районах известны и более древние — палеолитические стоянки, относящиеся к межледниковому периоду.

Во второй группе вопросов исследование такой проблемы, как организованное воздействие человека на природу в начальных стадиях общественной жизни, представляет большой интерес. Дж. Г. Д. Кларк, например, считает, что, рассматривая взаимоотношения человека и природной среды, в которой он существовал, можно в какой-то степени говорить,

⁵ М. И. Нейштадт. Палеогеография природных зон СССР в голоцене. Изв АН СССР, сер. геогр., 1955, № 5.

связывая экологические изменения с экономическими, о экономике первобытного общества. Борьба человека с природой в ранний период его существования выразилась главным образом в уничтожении (выжигании) лесов и расчистке земель для пашни. Особенно энергично этот процесс происходил в зоне смешанных лесов, где были более благоприятные условия для земледелия. Наиболее широко расселение человека происходило в послеледниковое время, характеризующееся климатическим оптимумом. В этот же период наблюдаются большие изменения в растительном покрове: леса идут на убыль и постепенно заменяются полями. Изменения происходят под влиянием двух факторов: климатических и антропогенных. Влияние человека на окружающую природную среду в тот период подтверждается пыльцевыми анализами и аналогиями с современными процессами изменений в растительном покрове под влиянием деятельности человека. Так, например, исследования ботаников показали увеличение ксерофитизации растительного покрова под влиянием пожаров, пастбищ скота и выкашивания трав. Существует мнение, что «до активного вмешательства человека в жизнь растительного покрова граница лесостепи и сплошных лесов проходила южнее»⁶.

К. К. Марков⁷ считает, что задача дальнейшего исследования о взаимоотношении леса и степи — это вопрос о влиянии человеческого общества на природный растительный покров. По мнению К. К. Маркова, в лесостепной и степной зонах Европейской части СССР, в послеледниковое время, физико-географические условия были более стабильными, чем на севере и северо-западе, и ландшафты оставались более или менее постоянными до тех пор, пока деятельность человека не начала вносить в них серьезные изменения.

Применение спорово-пыльцевого анализа при изучении района Ергеней, Ставрополя и в ближайшей к ним части Прикаспийской низменности свидетельствует, что и в дальнейшем — в историческое время, вплоть до последних столетий, растительный покров здесь сильно преобразился под влиянием деятельности человека. Эти изменения выразились главным образом в уничтожении лесов⁸.

Влияние человеческого общества на природную среду особенно сильно сказалось в тот период, когда земледелие стало одним из основных источников существования и главным образом в лесной зоне: уничтожались леса (пожары и вырубки), исчезали отдельные древесные породы и лесные массивы, появлялись ксерофиты, сорняки и культурные растения (злаки).

Об изменениях в растительном покрове, происходящих под воздействием деятельности человеческого общества, опубликовано сравнительно ограниченное число работ. Однако приведенные в них факты показывают, что спорово-пыльцевой анализ может быть с успехом применен для этого рода исследований.

Остановимся на некоторых результатах таких исследований. И. Иверсен, например, используя спорово-пыльцевой метод для изучения десятиметровой толщи торфяника, находящегося в Дании⁹, восстановил изменения, происходившие в растительном покрове позднеледникового времени. В придонных слоях этого разреза была найдена главным обра-

⁶ А. Ф. Мешков. Очерк истории флоры и растительности Черноземного центра. Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та, т. XIII, вып. 19, № 1, 1954, стр. 67.

⁷ К. К. Марков и др. Взаимоотношения леса и степи в историческом освещении. Вопросы географии, сб. 23. М., 1950.

⁸ Р. В. Федорова. Лесные фазы в растительном покрове Ергеней и Ставрополя в позднем голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа). Труды Института географии АН СССР, т. 63. Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР, вып. 13, 1955.

⁹ I. Iversen. The influence of Prehistoric man on vegetation. Danmarks Geologiske Undersegelse IV Rackke. Bd. 3, N 6, 1949.

зом пыльца видов растений, характерных для открытых ландшафтов, а из древесных пород — преимущественно береза. Затем, выше по разрезу, появились спектры лесного ландшафта — лесов с преобладанием сосны и орешника, которые в более благоприятный период климата сменились лиственными породами (дубом, вязом, а затем липой и ольхой).

С развитием здесь неолитической культуры и земледелия количество пыльцы древесных пород снизилось и резко увеличился процент пыльцы и спор растений, типичных для открытых ландшафтов: разнотравья, вересковых (*Calluna*), сфагнома и папоротника (вероятно, орляка). Появление земледелия подтверждается также присутствием пыльцы сорного растения *Plantago lanceolata*, особенно широко распространенного на пастбищах, а также полыней и лебедовых. Пыльца *P. lanceolata* (по Иессену) известна только в суббореальных и более молодых отложениях. Находки пыльцы *P. lanceolata* до 5% общего состава пыльцы и спор растений, К. Иессен¹⁰ относит к фазе, как он пишет, «оккупаций» земли человеком, хорошо выраженной в Дании вследствие появления земледельческого населения в суббореальное время.

В Ирландии этот процесс не происходил и обширные леса оставались нетронутыми. Данные палеоботанического анализа показали повторные циклы освоения земель, т. е. прекращение распашки на период, необходимый для восстановления леса, и затем новое, повторное выжигание.

И. Иверсен придает большое значение находкам пыльцы сорных растений. Он считает, что сорные растения, которые, как правило, ветроопыляемы и обладают большой пыльцевой продукцией, могут служить хорошим показателем наличия культурных земель. Правда, он отмечает, что некоторые сорные растения непосредственно не связаны с культурными землями и могут существовать до их появления, но вместе с тем выделяет определенную группу сорных растений, возникающих при земледельческой культуре. К этой группе относятся: *Plantago lanceolata*, *Artemisia*, *Chenopodiaceae*, виды *Rumex* и *Polygonum*, *Urtica dioica* и *Pteridium*.

Пыльца *Artemisia* и *Chenopodiaceae* для морских побережий, где эти растения широко распространены и не могут считаться показателями культурного влияния, И. Иверсенем не учитывалась.

Наибольшее значение для Дании И. Иверсен¹¹ придает подорожнику. Он отмечает, что кривая, показывающая увеличение пыльцы подорожника всегда соответствует падению кривой дубового леса: во всех диаграммах в одно в то же время подорожник достигает максимума, а дубовый лес минимума. В таком ходе кривых он находит лишь одну причину: расчистку земель от леса и их распашку. Появление подорожника в Швеции также связано с развитием земледелия¹².

История лесов в Швеции была изучена по отложениям, сохранившим следы пожара. В обуглившемся слое наблюдалось резкое уменьшение пыльцы древесных пород (т. е. концентрации пыльцы — *P. Ф.*), которое не отмечалось в слое глины синхронного этому горизонту. Выше обуглившегося слоя при бедном содержании пыльцы древесных пород высокое значение, а затем максимум приобрела пыльца травянистых растений. В этой группе встречены пыльцевые зерна подорожника и культурных злаков, показывающие, что сокращение леса произошло вследствие использования этой площади под земледельческие культуры. В последующих анализах (выше по разрезу) наблюдалось быстрое возрастание пыльцы древесных пород. Восстановление леса шло главным образом за счет березы, а затем ольхи и орешника, т. е. так, как это в Дании происходит и

¹⁰ K. Iessen. Studies in late Quaternary deposits and flora-history of Ireland. Proceedings of the Royal Irish Academy, v. 52, Sec. 13, N 6, 1949.

¹¹ I. Iversen. Указ. соч.

¹² I. Iversen. Указ. соч.

в современных условиях при возобновлении леса после пожара. Такие же явления отмечены И. Иверсеном в тех частях Дании, где поселялся человек. Восстановить картину изменений, которые происходили под воздействием человеческого общества, по мнению Иверсена, можно только в общих чертах. Поселившиеся здесь люди не оставались надолго. Они продвигались к неосвоенным участкам леса, которые было легче выжигать, потому что в них было много валежника и сухостоя. Наряду с земледелием они занимались скотоводством; для пастбищ использовались травы, кустарники и поросли деревьев, особенно быстро растущие после пожаров.

Исследования И. Иверсена подтверждаются данными археологии. Учитывая опыт такого содружества, Иверсен придает особо большое значение сочетанию археологических исследований с палеоботаническими.

Н. Штрака, изучавший торфянистые отложения, находит в пыльцевых анализах отражение деятельности человеческого общества на территории Германии. Торфяные слои он подразделяет на ряд зон, причем последнюю — XII зону — выделяет как стадию с культурным спектром, хотя некоторые признаки человеческой культуры отмечаются и в предшествующей. Увеличение пыльцы травянистых растений в культурной стадии он относит за счет раскорчевки лесов под пашни. Это время характеризуется увеличением в торфе количества пыльцы злаков и некоторых других растений: подорожника, полыни и др. Пыльца культурных (хлебных) злаков появляется в спектрах, датированных приблизительно III тысячелетием до н. э.¹³

Ф. Фирбас¹⁴ использовал пыльцевой анализ для выяснения истории земледелия, изучив пыльцу большого количества (более 200 видов) злаков. Строение пыльцы злаков очень разнообразно, видовые различия выражены слабо. Пыльцевые зерна имеют круглую, эллиптическую или яйцевидную форму, одну пору и околопоровый валок.

Ф. Фирбас, изучив морфологию пыльцы семейства злаковых и применив статистический метод, обосновал возможность определения пыльцы культурных растений, руководствуясь большей величиной их пыльцевых зерен и некоторыми другими морфологическими признаками. Изучая ископаемую пыльцу, он пришел к выводу, что пыльца культурных злаков, а также сопутствующих им сорняков, появляется только в тех отложениях, где имеются признаки древних поселений человека.

Определение пыльцы культурных злаков, как это видно из исследований Ф. Фирбаса, несомненно имеет большое значение не только для восстановления ареалов сельскохозяйственных районов, но даже для установления местонахождения земельных участков.

Изучение распространения пыльцы культурных злаков воздушным путем показало, что в основной своей массе она оседает в пределах посевов¹⁵. За их пределы ветрами выносятся лишь небольшое количество пыльцевых зерен, которые отлагаются главным образом на ближайшем (до 500 м) расстоянии. Поэтому пыльца культурных злаков, найденная в ископаемом состоянии, может служить прямым доказательством существования земледелия в ближайшей местности.

Без особых затруднений злаки по величине и морфологии пыльцы могут быть подразделены на две группы: культурных и дикорастущих. В группе культурных злаков, без всяких сомнений, при условии хорошей сохранности в ископаемом состоянии, может быть определена пыльца ржи,

¹³ Н. Штрака. Указ. соч.

¹⁴ F. Fibras. Der pollenanalytische Nachweis des Getreides aus. Zeitschrift für Botanik. Band 31, Hf. 7/8, 1937.

¹⁵ Р. В. Федорова. Распространение воздушным путем пыльцы злаков. Доклады АН СССР, т. 107, № 6, 1956.

кукурузы и пшеницы. Не исключена возможность определения и некоторых других видов.

В пыльцевой лаборатории Института географии АН СССР проводится изучение морфологии пыльцы злаков главным образом культурных видов. Для этой цели составлена коллекция пыльцы, в которую входят не только современные культурные растения, но и некоторые их ближайшие дикорастущие сородичи. Коллекция собрана преимущественно на опытных посевах Всесоюзного института растениеводства (г. Пушкин), в Средней Азии, в Подмоскowie и т. д. Причем для некоторых видов уже сделаны описания¹⁶.

Интересно, что при изучении погребений и других археологических памятников с помощью спорово-пыльцевого анализа можно выявить некоторые детали природных явлений, которые другими методами не выявляются.

Так, например, М. И. Нейштадт¹⁷ упоминает о находке остатков меда в погребении Верхнего Египта, относящегося к III тысячелетию до н. э. Пыльцевой анализ показал, что мед собирался главным образом с двух видов деревьев. По составу пыльцы современный египетский мед не сходен с медом, найденным в погребении. Из этого следует, что пища пчел, а, следовательно, и растительность Египта, сильно изменились за последние пять тысяч лет.

Нами были произведены анализы содержимого сосудов из погребений эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) близ с. Ачикулака, расположенного в Прикаспийской низменности. В одном из сосудов сохранилось большое количество пыльцы медоносных растений — липы и герани¹⁸. По-видимому, сосуд, поставленный в погребение, был наполнен медом. В другом случае, в могильнике Луговом¹⁹ (I тысячелетие до н. э.) на дне сосуда была найдена пыльца рогоза и нимфейных, что свидетельствует о наличии этих растений в местных водоемах того времени.

Эти отдельные факты сами по себе, может быть, не имеют особого значения, но взятые в комплексе с другими данными, способствуют воссозданию более полного представления о природе изучаемых районов²⁰.

В заключение остановимся на некоторых практических предложениях, которые важно учитывать при сборе образцов для спорово-пыльцевого анализа. В этом есть свои трудности; образцы могут быть засорены посторонним материалом, внесенным в период создания могильников и других сооружений, или во время раскопок. Поэтому из любого археологического памятника следует брать для взаимного контроля несколько однородных (повторных) проб. Пробы отбираются в зависимости от задач, поставленных исследователем, но нужно учитывать, что наибольший эффект могут дать анализы материала, сохранившего явные следы существования человека. В таких местах для анализа отбираются тонкие слои (менее 1 см) грунтов поверхностного слоя из стоянок или погребений, из-под костей человека или животных, из-под орудий труда человека и других предметов. Содержание сосудов, находимое обычно в виде сцементированных пород, лучше не разрушать для того, чтобы в лабораторных условиях можно было взять для анализа придонный слой.

¹⁶ Р. В. Федорова. О различиях пыльцы дикорастущих и культурных злаков. Доклады АН СССР, т. 108, № 1, 1956.

¹⁷ М. И. Нейштадт. Пыльца в меду. «Природа», № 9, 1952.

¹⁸ Р. В. Федорова. Результаты исследования спорово-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. Известия Грозненского областного краеведческого музея, вып. 5, 1953.

¹⁹ Материалы для анализа были представлены Е. И. Крупновым (ИИМК АН СССР).

²⁰ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954.

Особенно тщательно следует отбирать образцы из культурного слоя и ископаемых погребенных почв. Обычно в погребенных почвах содержится небольшое количество пыли и спор растений и генетические горизонты в разрезах бывают выявлены недостаточно четко. Поэтому образцы отбираются тонкими пластами (2 см) сплошным шурфом без интервалов. Это необходимо для того, чтобы не пропустить при отборе проб поверхностного слоя погребенной почвы, наиболее богатого растительными остатками. При любых таких исследованиях для того, чтобы имелась возможность сравнить спорово-пыльцевые спектры, полученные для изучаемого памятника, с современными, необходимо из района исследования взять для анализа верхний слой современной почвы, сохранившей естественный растительный покров.

В заключение отметим, что установление тесного сотрудничества археологов со специалистами спорово-пыльцевого анализа и других областей науки, при полевых исследованиях и при камеральной обработке материалов, позволит уточнить датировки археологических памятников и получить более полные сведения о физико-географических условиях существования человека в различные периоды и о воздействии его на природу. При археологических исследованиях спорово-пыльцевой анализ необходимо ввести как обязательный элемент работы.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ДВЕ СТАТУЭТКИ КОНЯ ИЗ ПОБУЖЬЯ

В Государственном Эрмитаже хранится небольшая фигурка коня из бронзы, привезенная в 1909 г. С. С. Гамченко из с. Кринички, расположенного южнее р. Савранки, притока Ю. Буга¹.

Статуэтка (высота 5,7 см) установлена на двухслойном пьедестале: нижняя часть — низкая усеченная пирамида, верхняя — прямоугольная плита. Голова коня слегка повернута, одна передняя нога высоко поднята и опирается на столбик, хвост длинный, круто изогнут. Грива ниспадает по обе стороны шеи, а на лбу переходит в большой пучок волос, возвышающийся над ушами. Детали волос шкуры и гривы прочерчены острым инструментом после литья. Судя по технике литья (восковая модель), это произведение не принадлежало к предметам массового производства (рис. 1—1).

Находка особо интересна тем, что это весьма редкий образец импортных бронз на территории лесостепной полосы Побужья, заселенной славянскими племенами возможно уже в первой половине I тысячелетия н. э. Изучение этой бронзовой фигурки позволяет сделать ряд, заслуживающих внимания, сопоставлений и выводов.

В государствах древнего мира и в частности в Римской Империи большим успехом пользовались гонки лошадей. Гонки устраивались и в основных центрах Империи и в далеких, только что завоеванных областях.

В различных музеях и собраниях хранятся многочисленные изображения коней — победителей гонок. Образ призовой лошади воспроизводили на лампах² и глиняных сосудах³, в камне⁴ и металле⁵. В бронзовых фигурах должен был навсегда сохраниться облик коня-призера⁶.

Обычно конь изображался стоящим с высоко поднятой передней ногой; хвост и шея — круто изогнуты. В ряде случаев, чтобы подчеркнуть, что изображены призеры гонок, их сопровождают атрибуты: перед конем или за его крупом помещался венок или пальмовая ветвь — награда победителям. Известны геммы с фигурой коня с пальмовой ветвью в зубах. Иногда

¹ Коллекция Государственного Эрмитажа № ДН. 1909 6/1. Опубликовано в ОАК за 1909—1910. СПб., 1913, стр. 213—214, рис. 243; С. С. Гамченко. Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре. Архив ЛОИИМК АН СССР № 85-а/1909. См. также дело ИАК № 85/1909 в том же архиве.

² С. Ginzrot. Die Wagen und Fuhrwerke der alten Völker besonders der Griechen und Römer. Bd. II, стр. 322; табл. LXX, 2.

³ F. Behn. Römische Keramik mit Einschluss der hellenistischen Vorstufen. Kataloge des göm.-germ. Central-Museums. Mainz, 1910, стр. 45, рис. 4, 5 а.

⁴ С. Ginzrot. Указ. соч., стр. 323; табл. LXX, 6.

⁵ С. Ginzrot. Указ. соч., стр. 322; табл. LXX, 5.

⁶ С. H. Smith. Bronzes antiques Greck, Roman etc. Paris, 1913, табл. LI, 81.

1

2

Рис. 1. Статуэтки коня

1 — бронзовая из с. Кринички; 2 — глиняная с поселения возле устья
р. Б. Корабельна

он стоит перед столбом, от которого начиналось состязание. Ажурная бляха с изображением коня с поднятой ногой, упирающейся в столб, подобно скульптуре из Криничек была украшением гоночной колесницы⁷.

Эти сопоставления доказывают, что фигурка из Криничек изображает коня — победителя гонок.

Некоторые специфические черты исследуемой нами скульптуры позволяют отнести ей хронологически определенное место. Однако хорошо датированные аналоги отсутствуют. Изделий подобного рода, зафиксированных в комплексах, нам выявить не удалось за исключением стилистически близкого произведения торевтики из Армази, о котором речь будет ниже.

Среди бронз, хранящихся в Государственном Эрмитаже, есть близкая аналогия, но у коня отломан пьедестал и нижняя часть ног; время и место происхождения скульптуры неизвестны⁸, как и сходных терракотовых фигурок коней из бывших собраний Пицатти и Запорожского⁹.

Терракотовая фигурка коня из Таволии около Трои, похожая, судя по рисунку, на описанную нами, также не датируется. Правда, ее отличают от нашей несколько большие размеры (высота 13 см), наличие седока, отсутствие столбика, в который упирается нога коня. Издавший рисунок Ф. Винтер упоминает лишь, что большинство терракот этой группы относится к «позднему времени»¹⁰. В краткой же заметке о раскопках в Таволии сообщается о нахождении вещей от IV в. до н. э. до «римского времени» включительно. Причем римские находки в Таволии не редкость¹¹.

В большинстве публикаций авторы ограничиваются только тем, что отмечают при описании статуэток «римскую работу». Иногда речь идет о «позднеримской работе», как сказано, например, об изображении коня с поднятой передней ногой и пальмовой ветвью в зубах, вырезанном на сердолике¹².

Для определения датировки фигурки из Криничек очень важно изображение коня на чаше из Армази. Черты их сходства заключаются в пропорциях, сравнительно крупной голове и немассивном, схематически показанном туловище, со слабо моделированными столбообразными ногами с большими копытами. Так же круто изогнута шея, хвост — в виде буквы «S». В отличие от изображения из с. Кринички перед конем — жертвенник, а поза коня, стоящего на всех четырех ногах, гораздо спокойнее и величественнее. Дата чаши (начало III в. н. э.) устанавливается по монетным находкам¹³.

Рассмотрение изображений коня на монетах этого и предшествующего времени позволяет определить время изготовления и район, из которого происходит публикуемая статуэтка. При изучении их видны отличия в деталях, но в то же время черты сходства. Монеты с близким схематически трактованным изображением коня в знакомой нам статичной позе с нешироко расставленными задними ногами, высоко поднятой одной передней и «столпообразной» другой, с узкой, почти заостренной мордой и S-образ-

⁷ M. Biber. Die Skulpturen und Bronzen des königl. Museum Fridricanum in Cassel. Marburg, 1915, табл. XLVII, 271; A. Ridder. Bronzes antiques du Louvre, v. I, Paris, 1913, табл. 58, 928; Известия на Българския археологически Институт, т. V, София 1929, стр. 376, рис. 249; Скульптура в собрании Гос. Эрмитажа, коллекция № В-1590.

⁸ Фонды Гос. Эрмитажа, коллекция В-1590.

⁹ Фонды Гос. Эрмитажа, коллекции Г-144, Г-2549.

¹⁰ F. Winter. Die Typen d. figürlichen Terrakoten. Bd. III, Teil II, № 2. Berlin-Stuttgart, 1903, стр. 301, рис. 3, стр. LVIII—LIX.

¹¹ Fr. Calvert und H. Thiersch. Beiträge zur Topographie der Troas. Mitteilungen der Deutschen Archeologischen Institut in Athen, XXVII, 1902, стр. 242.

¹² F. Imhoof-Blumer u. O. Keller. Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertum. Leipzig, 1889, стр. 101, табл. XVI, рис. 39.

¹³ Я. Амиронашвили. Две серебряные чаши из раскопок в Армази (Грузия). ВДИ, 1950, № 1, стр. 94, рис. 4 и стр. 100.

ным длинным хвостом — все происходят из центров Балканского полуострова, из Македонии, Истраса и Тиры. Монеты с наиболее сходным со скульптурой из с. Кринички изображением (рис. 2) чеканились при Александре Севере (231—235 гг. н. э.).¹⁴ Они позволяют датировать статуэтку коня серединой III в. н. э. и отнести ее к кругу балканских бронз.

На монетах эллинистического времени с этих же и соседних территорий изображения коня близки по своей позе исследуемой статуэтке, но стилистически сильно отличаются, что не позволяет считать их за синхронные¹⁵.

Предложенную датировку подкрепляет и обзор других находок, относящихся к первым вв. н. э. с многослойного поселения в с. Кринички, где прослежены разновременные слои; в том числе черняховской культуры первой половины I тысячелетия н. э. Разбор неопубликованных материалов первых вв. н. э., хранившихся в фондах Государственного музея этнографии, позволил установить примерные хронологические границы времени существования поселения этой эпохи.¹⁶ По материалам импорта из Причерноморья (амфориск и обломки амфор примерно III в. н. э.) и по сходству местной посуды с керамикой липицкой культуры (имею в виду миски с цилиндрическими плечиками и круглым объемистым туловом¹⁷ и обломки горла кувшина с краем, выделенным уступом¹⁸) поселение существовало не позже III или, может быть, начала V в. н. э.

Рис. 2. Монеты времени Александра Севера (231—235) из Македонии и Тиры

В период существования черняховского поселения и попала сюда скульптура коня.¹⁹

Менее выразительной оказалась находка из лежащего южнее района Побужья. На территории поселения, расположенного на правом берегу речки Б. Корабельна, при впадении ее в Ю. Буг, в 1950 г. мною найдена поломанная обожженная глиняная статуэтка коня (высота 7,3 см) темно-серого, почти черного цвета. Это фигурка коня в той же позе, что и вышеописанная бронзовая. Она была установлена на овальном в плане пьедестале с продольным ребром посередине и скатами по обе стороны. На скатах подставки нанесены мелкие выемки, изображающие шероховатую землю или травяной покров (рис. 1—2). Терракота весьма своеобразна. От описанной выше скульптуры ее отличают: большая объемность, ноги с маленькими копытами, коротко подрезанный хвост и моделированная грива, состоящая из изогнутых треугольных прядей. За исключением

¹⁴ F. Imhoff-Blumer. Griechische Münzen. München, 1890, табл. V, 8; H. Gaebler. Die Antiken Münzen von Makedonia und Paionia. Berlin, 1906, табл. V, 5; B. Pick. Die Antiken Münzen Nord-Griechenlands (Dacien und Moesien), Bd. 1. Berlin, 1899, табл. III, 9; Н. А. Мушмов. Античные монеты на Балканския полуостровъ и монеты на българскитѣ царе. София 1912, табл. IV, 2; Хр. Хр. Гиль. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. СПб., 1896, табл. XVIII, 13.

¹⁵ А. П. Манцевич. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. ВДИ, 1949, № 2, стр. 196—220.

¹⁶ См. коллекцию материалов С. С. Гамченко в фондах Государственного музея этнографии народов СССР № 4087, ныне переданную в Гос. Эрмитаж.

¹⁷ M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów, 1932, см. Липица, погребение № 5, стр. 119, рис. 1.

¹⁸ M. Smiszko. Указ. соч. См. Хрынув, погребение № 3, табл. X, 1; стр. 239.

¹⁹ С. С. Гамченко в своей рукописи указывает III в. до н. э. Возможно, что С. С. Гамченко просто допустил ошибку, поскольку он ссылается на А. А. Спицына, который писал о поселении III в. н. э.

Датировка статуэтки коня из Криничек подкрепляется находкой подобной же статуэтки в склепе III в. н. э. в Херсонесе, раскопанного В. В. Борисовой в 1952 году. (См. Доклад на пленуме ИИМК АН СССР, 25/IV 1956 г.).

хвоста и гривы, волосяной покров не показан. Трудно сказать, какова была морда коня и опиралась ли на столбик передняя поднятая нога, так как эти части статуэттки не сохранились.

Изготовлена терракота из двух половинок. Заметно, как тщательно пальцами вдавливали в форму сырую глину. При соединении половинок швы были тщательно заглажены и перед обжигом покрыты тонким слоем серого покрытия. Эта фигурка — образец массового производства. Она изготовлялась в простых формах, из более доступного, чем бронза, широко употребляемого материала. Но для районов Побужья, где была найдена терракота, глиняная скульптура — редкость. Здесь она уже не предмет массового употребления, а редкая привозная вещь.

Терракоту трудно датировать из-за скудности подъемного материала с поселения и отсутствия аналогий, которых мне найти не удалось. На поселении собраны обломки керамики двух типов — грубая лепная посуда и сделанная на круге, с лощеной и нелощеной поверхностью желтоватого и красноватого цвета. Можно определенно сказать, что этот материал явно отличается от керамики, собранной на поселениях черняховского типа. По-видимому, поселение в целом и описанная терракота относятся ко времени более раннему, чем материал с поселения в с. Кринички. Судя по не очень выразительным обломкам амфор, находки можно датировать последними веками до н. э. или началом нашей эры.

По-видимому, эти интереснейшие импортные бронзовые и терракотовые статуэттки попали в степную и лесостепную полосу в период активизации военных и торговых сношений так называемого варварского мира с Римской Империей (I—III вв. н. э.).

Возникает вопрос, имело ли какой-то смысл приобретение (в результате военного похода или путем торгового обмена) бронзовой или глиняной скульптуры гоночного коня-призера? Для чего могло понадобиться маленькое изображение коня жителю поселения III—IV в. н. э. в с. Криничках или более раннего, около устья речки Б. Корабельна? Эти фигурки не могли служить безделушками: для этого они слишком дорогостоящие. Использование их для украшения также сомнительно: для подвески они просто неудобны, да и следов такого применения незаметно. Не приспособлены эти изображения и для небольшой постройки жителя первых вв. н. э.; слабо освещенная, с земляным полом, она была неудобна для расстановки мелких скульптурных изображений.

Рассмотрение других античных импортных вещей, проникших из Причерноморья сравнительно далеко на север, говорит о преднамеренности отбора. По-видимому, не случайно импортировались или необходимые в быту предметы (посуда, украшения) или культовые изображения (статуэттки богов, фаллические амулеты и пр.).²⁰

Примеры обоюдного заимствования или нового осмысления древних культов в среде рабовладельческого общества, с одной стороны, и местного, неримского населения, с другой — хорошо известны, например, кельты почитали бога Беленуса в образе Аполлона. В Дакии местного бога Сармандуса отождествляли с римскими богами. Обоюдность этого процесса выражается в том, что в империи также хорошо прививались чужеземные культы и в частности поклонение тому же дакийскому боже-ству или богам Египта и Палестины.²¹

Образцами материального воплощения такого процесса могут служить многочисленные фигурки быков римской работы, найденные в рейнских и дунайских провинциях. Бык, символизирующий Юпитера или, что чаще,

²⁰ См. сводку импортных вещей в кн.: K. Majewski. Importy czysmskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949.

²¹ J. Jung. Roemer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck, 1887, стр. 121—122.

священное животное египетского культа Изи́ды — божественного Аписа, — нашел себе почитателей в весьма отдаленных от Рима областях²².

Почитание коня у многих народов, в том числе и у славян, относится к далеким временам. Обоожествление космических сил природы возрастало с усилением значения в хозяйстве земледелия. О почитании славянами солнца, одним из атрибутов которого был конь, свидетельствуют письменные источники рубежа I—II тысячелетий н. э. — русские летописи, арабские авторы (Аль-Масуди — X в.) и др.²³.

Западные авторы — Саксон Грамматик и Титмар (Дитмар) Мерзебургский (XI в) — рассказывают о связанных с культом солнца храмах у западных славян со священным белым конем и о гадании при посредстве его хода²⁴.

Данные археологии подтверждают свидетельства письменных источников. Примером могут служить находки стилизованных фигурок коня в Мартыновском кладе²⁵, изображение на Збручском идоле²⁶.

Этнографические и фольклорные материалы рассказывают о сказочных чудо-конях.

Не исключено, что описанные нами скульптуры были специально выбраны и попали в с. Кринички и на поселение возле устья р. Б. Корабельна. Они могли восприниматься местным населением как культовые изображения.

Изучение с этой точки зрения античных привозных вещей на неримских землях особенно важно потому, что о культовых представлениях населения лесостепной и степной Украины первых вв. н. э. (памятники культуры «полей погребений») до настоящего времени известно очень немного.

²² A. Furtwängler. Römisch — ägyptische Bronzen. Bonner Jahrbücher. Kleinschriften. Hf. 107, München, 1913, стр. 161. СПб., 1870, стр. 125.

²³ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 125.

²⁴ См. в кн.: А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 49; В. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, стр. 102; И. И. Срезневский. Об обожании солнца у древних славян. ЖМНП, № 7, 1846, стр. 40.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР, 1948, стр. 83; стр. 82, рис. 10.

²⁶ T. Reuman. Pąsag Światowita. Z ótchłani wieków. R. VIII, zeszyt 1—2. 1933, стр. 5, рис. 2.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. ЭБРУЕВА.

МОГИЛЬНИК МЕТЕВ-ТОМАК

В 1955 г. археологические работы в Башкирии проводили четыре отряда. Два из них вели раскопки в Караидельском и Гафурийском районах и два разведки (с небольшими раскопками) в Кушнаренковском и Кандринском районах.

Караидельский отряд (рук. Л. Я. Крижевская) заканчивал раскопки стоянки близ устья р. Юрюзани, где в нижнем культурном слое была вскрыта неолитическая мастерская каменных орудий и следы разрушенной неолитической стоянки, а в верхнем — обнаружены остатки поселения эпохи поздней бронзы. Кроме того, в верхних горизонтах культурного слоя найдены железные наконечники стрел и обломки глиняной посуды чандарского типа, относящиеся к середине I тысячелетия н. э.

Гафурийский отряд (рук. Г. В. Юсупов) производил раскопки селища Курман-тау и двух городищ (имени Касьянова и Михайловское) на правом берегу р. Белой, относящихся к IV—III вв. до н. э.

Селище Курман-тау было с трех сторон окружено скоплениями золы, местами образующими небольшие холмики. Здесь, кроме бронзовых и костяных наконечников стрел, найдены костяные орудия для обработки кожи; предметы, связанные с металлообработкой (тигель, шлаки, литейная форма, капли меди); железные ножи и шилья, обломки глиняной посуды и кости животных.

Городища им. Касьянова и Михайловское относятся к тому же времени, что и селище Курман-тау, причем на первом из них также найдены бронзовые наконечники стрел, железные предметы, литейные формы, часть бронзового сосуда, бронзовые украшения, кости животных и обломки глиняной посуды, среди которых интересны богато орнаментированные сосуды с примесью талька в глине. Сильно разрушенное Михайловское городище дало аналогичные находки.

Все эти памятники относятся к своеобразному восточному варианту ананьинской культуры. Раскопки Гафурийского отряда очень важны для изучения истории Башкирии второй половины I тысячелетия до н. э. В частности, они показывают, что в ананьинское объединение входили племена, жившие не только по нижнему, но и по среднему течению р. Белой.

Разведочный отряд (рук. А. П. Шокуров) обследовал берега р. Белой и впадающих в нее рр. Кармосана и Чермосана (Кушнаренковский район). Открыто свыше 40 разновременных археологических памятников, но преимущественно поселений эпохи бронзы. Всего обследовано: 25 стоянок, шесть селищ, три городища, шесть бескурганых и четыре

курганного могильника, а также четыре выхода костей ископаемых животных. Из памятников эпохи бронзы особенно интересны поселения, в материалах которых чувствуется влияние андроновской культуры, — из более поздних — Кушнаренковское селище, где вскрыта небольшая площадь, и двуслойные поселения.

Четвертый отряд (рук. А. В. Збруева) производил небольшие раскопки трех памятников эпохи бронзы: остатков поселения и могильника у дер. Старые Тукмаклы Кушнаренковского района, относящихся к срубной культуре, и могильника в дер. Метев-Томак Кандринского района. Последний интересен как памятник, сохранивший в погребальном обряде и инвентаре черты андроновской, срубной и абашевской культур и принадлежавший, по-видимому, смешанному населению.

Могильник в дер. Метев-Томак открыт колхозниками при рытье канавы для прокладки водопроводных труб на улице, у домов Х. Хайретдинова и С. Хайруллина. Возможно, что прежде здесь находился небольшой курган, поверхность которого была скрыта при устройстве улицы. На глубине около 1 м обнаружены остатки пяти скелетов, лежавших головами на север. При погребениях найдены большие известняковые плиты, обломки глиняных сосудов, кости животных, бронзовый нож, бронзовые пронизки, костяной наконечник стрелы.

Ученик местной школы Ш. Файзуллин сообщил об этих находках в Башкирский музей краеведения, сотрудником которого (Р. Б. Ахмеровым) осмотрено место находок, собран подъемный материал и вещи, хранившиеся у колхозников. Кроме упомянутых предметов, им были найдены: бронзовое шило, три костяных наконечника стрел, целый глиняный сосуд и орнаментированный глиняный кружок с отверстиями (крышка)¹. Р. Б. Ахмеров обнаружил, что кроме разрушенных погребений некоторые могилы могли быть повреждены лишь частично, так как в стенках канавы наблюдались темные пятна.

В 1955 г. были заложены небольшие раскопы по обе стороны канавы там, где в разрезе наблюдались темные пятна, ясно заметные на фоне желтой глины (рис. 3).

Стратиграфия памятника следующая: сверху, до глубины 0,6 м, залегает чернозем; ниже, до глубины 1 м — сероватый гуммированный слой (с песчанистыми пятнами — следами ходов сусликов), который подстилается светлым суглинком или желтой глиной.

Вскрыто четыре могилы — две по одну сторону канавы и две — по другую. Но лишь одна могила № 3, находившаяся в стороне от канавы, оказалась более или менее не потревоженной. Могилы четырехугольной формы и вытянуты с севера на юг. Они огорожены поставленными вертикально каменными плитами (высотой от 0,4 до 0,6 м) слегка врытыми в землю, и лишь в могиле № 3 плиты стояли только по коротким сторонам четырехугольника. Все могилы покрыты толстыми деревянными плахами толщиной в 15—20 см, расположенными с востока на запад, т. е. поперек оси могилы. Особенно толстое покрытие оказалось над могилой № 4.

Находок в слое чернозема очень мало. Здесь изредка попадались отдельные предметы, мелкие черепки или кости. На участке V—V¹/₂ на глубине 0,4 м обнаружены два каменных орудия — пест и терка. Пест, массивный, в форме неправильной пирамиды; следы работы в виде мелких выбоин покрывают значительную часть его поверхности; верхняя и нижняя плоскости заполировались в процессе работы; высота орудия — 7 см, толщина около 5 см. Терка — довольно плоская, неправильно-овальная галька с сильно стертими поверхностями на коротких концах; длина ее — 9,5 см, ширина — 4,6 см, толщина около 2 см. На участке VI¹/₃, на глубине

¹ Все находки хранятся в Башкирском музее краеведения в г. Уфе.

0,55 м, найдена часть черешкового костяного наконечника стрелы с обломанным острием.

Из обломков посуды наиболее интересны фрагменты черного лощеного сосуда с орнаментом из меандров, лежавшие над могилою № 3 на глубине 0,6 м на участке III/1 (рис. 4—2).

В том же слое, на глубине 0,4 м, обнаружены остатки тризны: человеческий череп плохой сохранности и вокруг него кости животных: ниж-

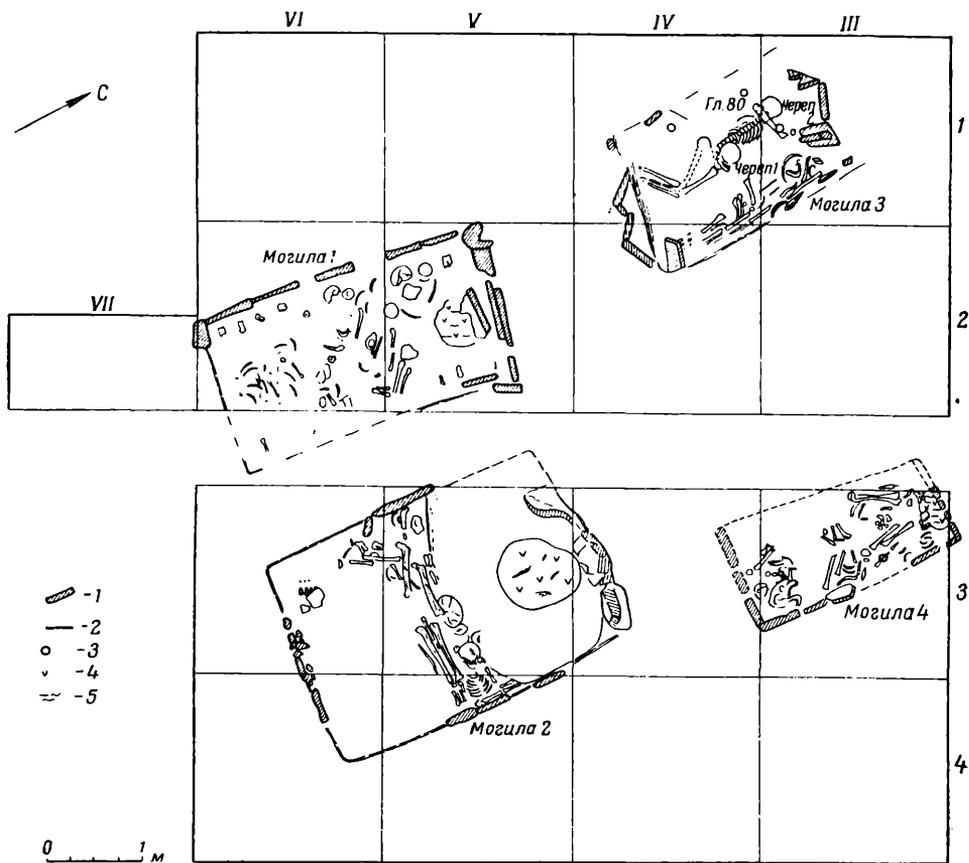

Рис. 3. Могильник Метев-Томак. План расположения могил

1 — каменные плиты; 2 — дерево; 3 — сосуды; 4 — уголь; 5 — зола

ние челюсти коровы, частично обожженные кости мелкого рогатого скота и свиньи. Второе скопление полубоженных костей животных обнаружено на участке III/4 на той же глубине. Здесь лежали крупные угли, челюсти коровы, кости свиньи, лошади и позвонки других животных. По-видимому, здесь совершались погребальные жертвоприношения или поминки. Следы погребальных костров заметны на деревянных покрытиях всех могил. Особенно большой погребальный костер был над могилою № 4, где обожженные толстые куски дерева были видны в стене канавы начиная с глубины 0,4 м и шли до камней, ограничивающих могилу.

Могила № 1. Верхняя часть плит показалась на глубине 0,8 м, под слоем деревянных плах. Яма (3,0 × 1,4 м, глубина 1,2—1,3 м) была запол-

нена перемешанным темным слоем. На подстилающей глине вскрыты остатки трех скелетов (женского и двух детских) разбитых и нарушенных, по-видимому, при обвале деревянного перекрытия.

Женское погребение находилось в северной части могилы. Раздавленный череп лежал близ западной стенки; около него в беспорядке кости рук, ребра, кости таза. Часть таза и длинные кости ног лежали ближе к восточной стенке. К северу от черепа обнаружены обломки раздавленного горшка, а к северо-востоку — черепки другого горшка и небольшой бронзовый крючок (рис. 5—3). У костей ног лежал бронзовый перстень из четырех оборотов спирали со спиральными завитками на концах (рис. 5—2). Раздавленный череп второго (детского) скелета обнаружен у западной стенки в средней части могилы, а близ него — остатки раздавленного горшка. Кости скелета лежали в беспорядке, далеко от черепа. Возле нижней челюсти найдены мелкие круглые бронзовые бусы

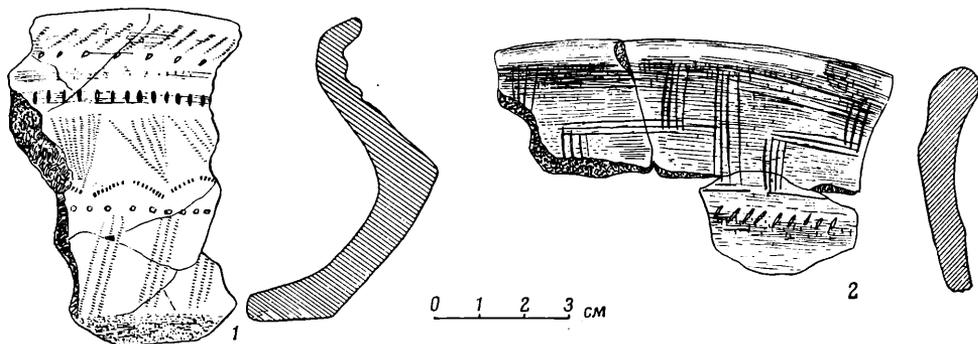

Рис. 4. Метев-Томак. Части сосудов из слоя над могилами

(рис. 5—4), а к югу от черепа — костяной кружок с отверстием в центре (рис. 5—1). Кружок этот, возможно, относился к третьему погребению маленького ребенка; обломок детского черепа и мелкие косточки разбросаны в юго-восточной части могилы. Кости скелетов очень плохой сохранности. У западной, восточной и южной стенок могилы находились кости животных, главным образом фаланги барана и тельца. В северном конце могилы наблюдались следы костра: угли, зола, обожженное дерево и земля. По-видимому, костер горел в могиле, может быть, как очистительный огонь перед захоронениями.

Сосуды из первого погребения удалось реставрировать. Оба они плоскодонные и сделаны из глины с примесью дробленой раковины. Один из них — горшок высотой 11,5 см, с короткой шейкой и слабо выпуклыми стенками. Внутренняя поверхность его неровная, покрыта многочисленными мелкими щербинками, заглажена зубчатым штампом. В верхней части горшка расположен орнамент, состоящий из трех рядов каннелюр (на шейке) и пояса горизонтальной елочки, (на плечах) нанесенной среднезубчатым штампом (рис. 6—1).

Второй сосуд — небольшая толстостенная банка, со слегка загнутыми внутрь краями. Внутренняя поверхность неровная, со множеством мелких щербин, внешняя — заглажена тряпкой или кожей. В верхней части сосуда четыре сквозных отверстия. Орнамент отсутствует. Высота — 7 см (рис. 6—2).

Близ детского черепа находились небольшие обломки раздавленного горшка из глины с примесью дробленой раковины. Большое количество фрагментов его найдено в выбросе из канавы. Это был плоскодонный

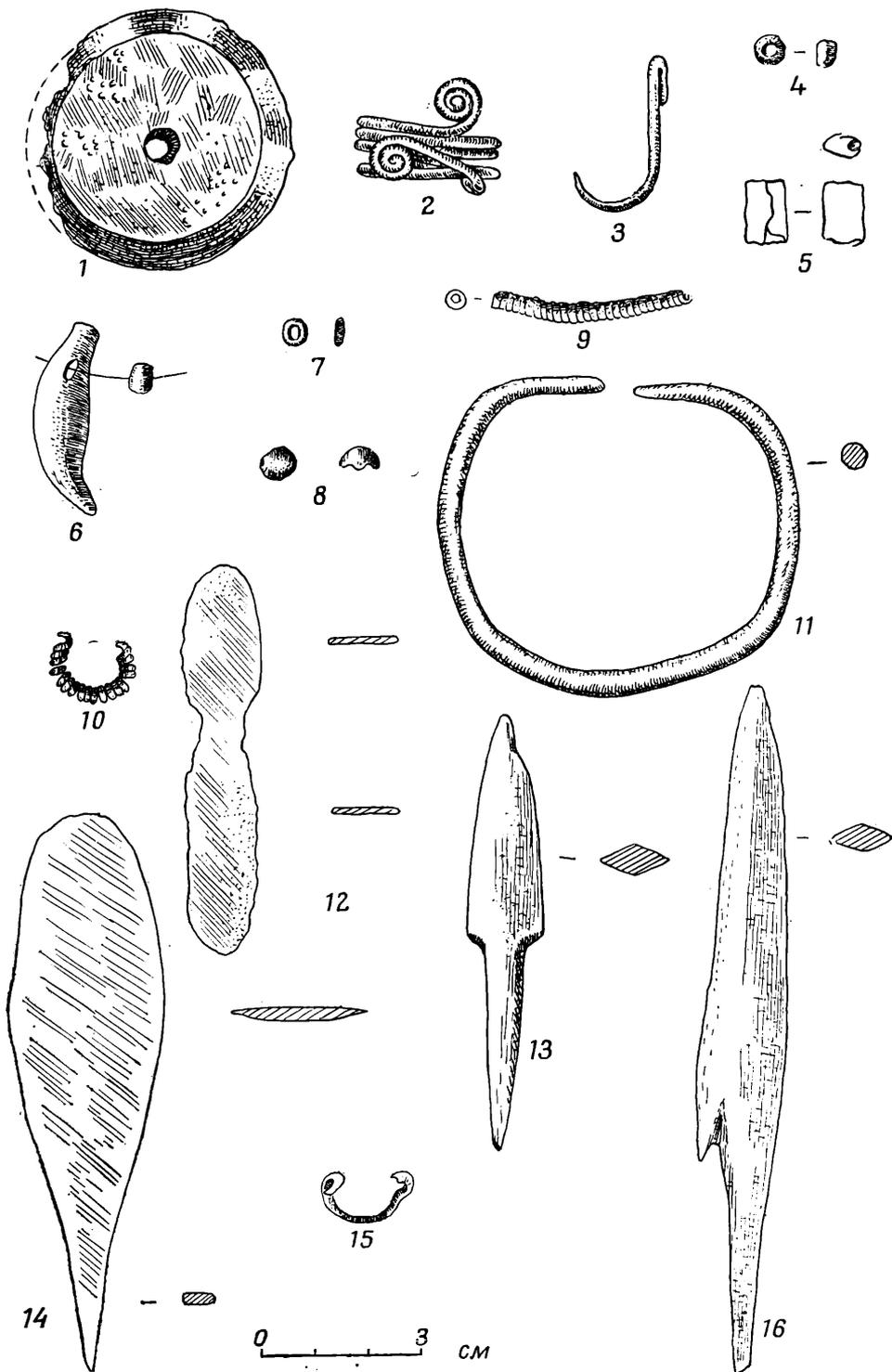

Рис. 5. Метев-Томак. Находки в могилах

1 — костяной кружок; 2 — бронзовый перстень; 3 — бронзовый крючок; 4, 7 — бронзовые бусы; 5, 9, 10 — бронзовые произки; 6 — клык собаки и бронзовая бусина; 8 — бронзовая бляшка; 11 — бронзовый браслет; 12, 14 — бронзовые ножи; 13, 16 — костяные наконечники стрел; 15 — обломок бронзовой поделки.
 1—4 — из могилы № 1; 5, 7—10, 14 — из могилы № 3; 6 — из могилы № 2;
 11—13, 15, 16 — из могилы № 4

горшок высотой около 13 см, с невысоким отогнутым краем и слабо выпуклыми стенками, с неровной, плохо заглаженной внутренней поверхностью; внешняя поверхность заглажена лучше (тряпкой или кожей). На шейке и плечах мелкозубчатым штампом нанесен орнамент, состоящий на

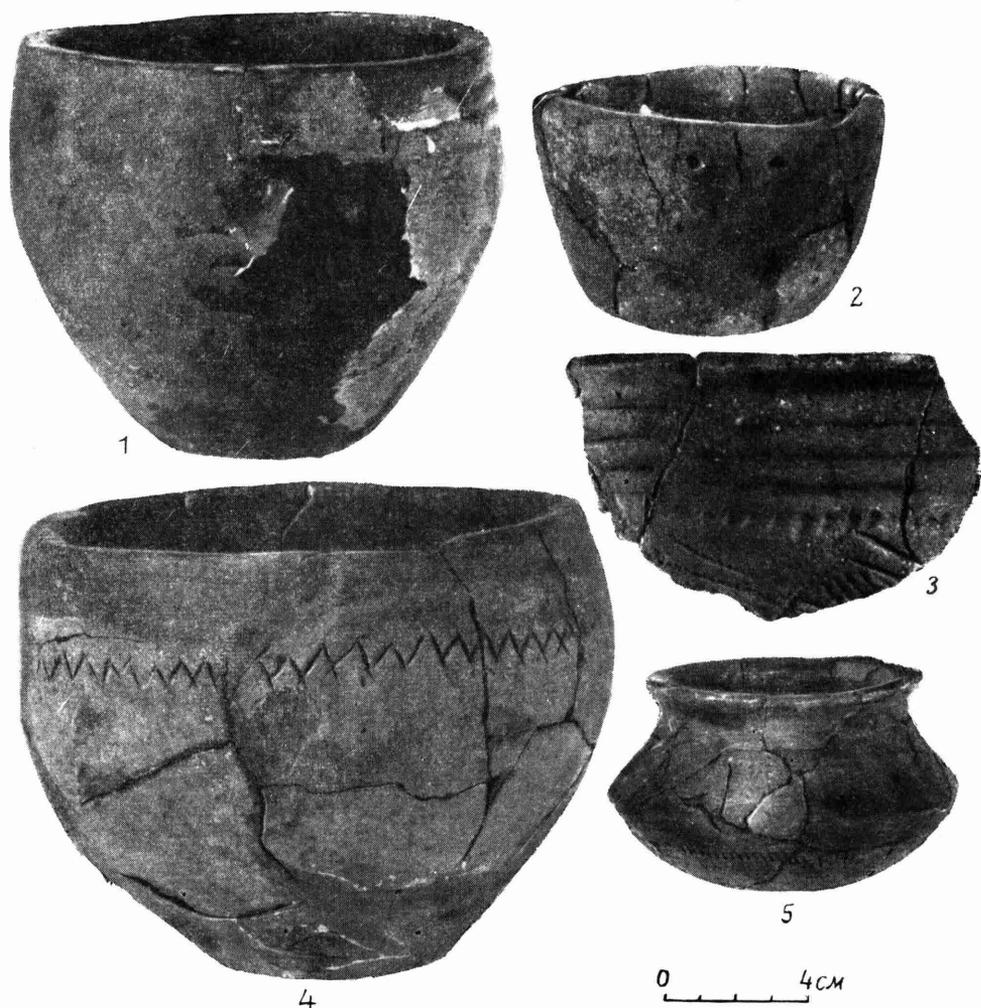

Рис. 6. Метев-Томак. Сосуды из погребений

1, 2 — из могилы № 1; 3—5 — из могилы № 3

шейке из двойной и тройной горизонтальной елочки и полосы заштрихованных ромбов, окаймленной внизу полоской такой же елочки. Найдено также несколько обломков верхней части четвертого горшка с примесью раковины в глиняном тесте. Поверхности сосуда заглажены при помощи тряпки или кожи. Орнаментирован он несколькими рядами каннелюр.

Могилы № 2. Упомянутые выше череп человека и скопление костей животных (отчасти обгоревших), обнаруженные на глубине 0,4 м, очевидно следует отнести к заупокойной жертве или тризне в честь людей, погребенных в этой могиле. На глубине 0,6 м показались верхние части каменных плит, крупные угли и обожженная земля, а на глубине 0,8 м открылись углистые полосы; они ограничивали юго-западный угол могилы

и лежали в средней части западной стенки возле камней. Глубже, от 0,8—1,0 м, вся поверхность могилы состояла из черного углистого слоя с пятнами, по-видимому, от сгоревшего перекрытия, а в северо-восточной ее части наблюдался слой углей, зола и обожженная земля, очевидно, от горевшего на этом месте костра.

Могила частично обложена известняковыми плитами. В промежутках между ними местами лежали сгоревшие деревянные плахи. Северо-западный угол разрушен канавой². Остатки погребений находились на глубине 1 м. В середине восточной стенки у крупной каменной плиты лежали части двух скелетов (детский и взрослого человека). Детский сохранился почти полностью. Он лежал на спине, головой на запад, ноги отогнуты к северу. Скелет взрослого человека находился в беспорядке. Около руки, под тазовой костью, найдено костяное кольцо и два перстня из свернутых в спираль полосок бронзы со спиральными завитками (такой же, как на рис. 5—2). Близ юго-западного угла лежали позвонки и ребра маленького ребенка, а в средней части могилы разбросаны мелкие обожженные обломки детского черепа, среди которых найдено ожерелье, состоящее из мелких круглых бронзовых бус и просверленных клыков собаки (рис. 5—6).

В южной и отчасти в северной части могилы встречены кости животных: коровы, лошади, овцы, бобра; возможно, на костях сохранились следы краски.

Могила № 3. Над захоронением, на глубине 0,6 м (участок III/1) найдены обломки сосуда с орнаментом из меандров (рис. 4—2), а на глубине 0,7—0,8 м (участок IV/1) обломки небольшого острореберного орнаментированного сосуда, который удалось реставрировать (рис. 6—5). Здесь же появились камни, ограничивавшие могилу с севера и юга. Размеры ее — 2,2 × 1,5 м. Следы поперечного деревянного перекрытия наблюдались в средней части могилы. На метровой глубине найдены кость человека и обломки глиняного горшка. Погребения находились на глине, на глубине 1—1,2 м. Скелет взрослого человека лежал в центре могилы скорченно, на левом боку, головой на север, часть костей смещена. Череп, найденный на костях таза, обращен лицевой частью вниз.

Второй скелет — детский. Он лежал, видимо, в вытянутом положении, но часть костей смещена, а от черепа сохранилась лишь нижняя челюсть.

При скелете взрослого найдены два глиняных сосуда, один к востоку от черепа, второй несколько южнее, с другой стороны. У костей стоп встречены мелкие бронзовые украшения, состоявшие из цилиндрических и дуговидных рубчатых пронизок, сплюснутых пронизок из листовидной бронзы, мелких полушарных бляшек с двумя отверстиями и очень мелких кольцеобразных бус. Все это служило, очевидно, украшением обуви (рис. 5—5, 7—10).

К востоку от детского скелета, примерно у пояса, лежал бронзовый листовидный нож с заостренным черенком (рис. 5—14) и альчики.

Небольшой острореберный сосуд (высота 6 см), найденный на глубине 0,7—0,8 м, изготовлен из глины с примесью дробленой раковины. Внутренняя поверхность его сглажена тряпкой или кожей, а внешняя — лощеная. Она почти сплошь покрыта орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом. Орнамент на венчике состоит из полосы отдельных оттисков, идущей поперек края; шейка украшена тремя валиками с насечками; ниже, до границы острого ребра, нанесены высокие, узкие равнобедренные треугольники, заштрихованные горизонтальными вдавлениями, а ниже острого ребра — полоса с рисунками из широких низких

² Отсюда в 1955 г. взяты: глиняный острореберный орнаментированный сосуд, бронзовое шило, три костяных наконечника стрел и орнаментированный кружок — крышка.

треугольников, заштрихованных косыми вдавлениями; еще ближе к днищу — горизонтальная лента с поперечными насечками и два пояска высоких заштрихованных треугольников. Днище небольшое, немного вогнутое, гладкое (рис. 6—5).

К востоку от черепа лежал плоскодонный горшок (высота 13,7 см) с загнутым внутрь краем, выпуклыми стенками и небольшим дном. В глиняном тесте его примесь раковины, обе поверхности заглажены тряпкой или кожей и кое-где, особенно внутри, расслоились. На наружной поверхности сосуда нанесен орнамент из двух каннелюр, ниже которых расположена резная елочка (рис. 6—4). В верхней и средней части горшка — сквозные отверстия, связанные, вероятно, с починкой сосуда.

Сосуд, обнаруженный к юго-западу от черепа, не удалось реставрировать. Это был плоскодонный горшок, с отогнутым краем и примесью раковины в глиняном тесте. Обе поверхности его заглажены тряпкой или кожей. Снаружи заметны следы лощения. Орнамент состоит из четырех рядов каннелюр под шейкой; ниже расположена горизонтальная полоса овальных ямок, а еще ниже — поясок из заштрихованных ромбов, окаймленных сверху (и, вероятно, снизу) двойной горизонтальной елочкой, нанесенной среднезубчатым штампом (рис. 6—3).

Могила № 4. Сильно разрушена канавой. На глубине 0,8—1,0 м обнаружены сохранившаяся восточная и часть южной каменной обкладки. Западная сторона разрушена.

Над могилой (0,4—0,55 м) лежали кости коровы, ниже которых, до глубины около 0,6 м, на всей поверхности шел углистый слой с крупными углями и следами сгоревших балок от перекрытия. Изредка встречались мелкие кости животных и черепки. На глубине 0,8—0,9 м, также по всей поверхности, появился сплошной слой крупных углей, а в северной части, около камней, наблюдалось зольное пятно. Длина могилы — 2,3 м, ширина сохранившихся северной и южной частей — 1,0 и 1,3 м. Каменная обкладка была разной высоты и местами прерывалась.

Погребения находились на глубине 1,0—1,2 м. Близ северной стенки лежали части черепа со следами воздействия огня, а в юго-восточном углу фрагменты двух раздавленных черепов. В северо-западной части погребения найдена большая берцовая кость взрослого человека; остальные кости были разбросаны в разных местах могилы.

Вдоль восточной стенки лежали в беспорядке кости детского скелета; череп, вероятно, находился среди обломков костей со следами воздействия огня. Возле берцовой кости взрослого обнаружен костяной четырехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 5—13), бронзовые проволочные спиральные и цилиндрические пластинчатые пронизки (см. рис. 5—5, 9), кольцеобразные, мелкие одинарные и двойные бусы и обломки мелких бронзовых предметов (рис. 5—15). В средней части могилы найдена бронзовая бусинка; близ кости бедра ребенка — бронзовый пластинчатый листовидный нож с длинным черенком, длиной 5,5 см (рис. 5—12), а на костях детской руки — небольшой бронзовый несомкнутый браслет из толстого четырехгранного дрота диаметром 4,5—5 см (рис. 5—11) с утоншающимися концами.

Из находок в слое на глубине 0,6—0,7 м обращают на себя внимание обломки небольшого, лощеного богато орнаментированного острореберного сосуда (рис. 4—1), близкого выше описанному, лежавшему над могилой № 3.

В выкиде из канавы найдены обломки глиняной посуды и костяной наконечник стрелы. Наконечник четырехгранный, черешковый, с небольшим жалом с одной стороны; черешок оканчивается острием, длина наконечника — 9,9 см. (рис. 5—16). Среди обломков посуды интересны части одного из двух небольших острореберных сосудов с орнаментом, нанесен-

ным мелкозубчатым штампом, а также фрагменты шейки горшка, скрепленные бронзовой полоской и орнаментированные каннелюрами.

К какому времени относятся захоронения в дер. Метев-Томак и к какой культуре принадлежит могильник?

Погребения в могилах, обставленные каменными плитами, известны из раскопок С. А. Теплоухова в Новоселовском могильнике³ и в таких же могилах, прикрытых деревянным накатом, из раскопок Г. П. Сосновского в улусе Орак в 1925 г.⁴ В обоих случаях это андроновские могильники. Скелеты находились в скорченном положении, головой на юго-запад. В могильнике улуса Подкунинского (раскопки В. П. Левашовой)⁵ скелет подростка лежал вытянуто, как в могиле № 3 Метев-Томакского могильника. Таким образом, можно полагать, что обряд погребения здесь сходен с андроновским, хотя ни накида из камней, ни оградки, типичных для таких погребений, на поверхности не сохранилось.

В погребальном инвентаре андроновских погребений, изученных ранее, наблюдались остатки ткани и медные бусы на костях ног⁶, как в могиле № 3 в Метев-Томаке, в которой у костей стоп лежали мелкие бронзовые украшения из пронизок, полушарных бляшек и кольцеобразных бус.

Мелкие бронзовые (или медные) круглые бусы, спиральные и реберчатые пронизки, перстни со спиральными завитками и несомкнутые браслеты, известны также по погребениям Алексеевского могильника⁷. Но глиняная посуда, кроме обломков черного лощеного сосуда с меандровым орнаментом, отлична. Да и этот сосуд имеет под шейкой выпуклый валик, чего на андроновских горшках не встречается. В могиле № 2, над могилой № 3 и среди подъемного материала Метев-Томакского могильника найдены два целые сосудика и части еще двух таких же, которые по форме идентичны сосудикам из Верхне-Кизилского клада⁸, Мало-Кизилского селища⁹ и близки сосуду из селища Баланбаш¹⁰ — памятникам абашевского типа. Но сосуды из могилы № 1 и № 3 — неорнаментированная банка и горшок со слегка загнутыми внутрь краями и с орнаментом из каннелюр и резной елочки — по форме, типичны для срубной культуры.

Метев-Томакский могильник предварительно можно определить как памятник смешанной культуры и датировать концом II тысячелетия до н. э.

Костный материал, обнаруженный в могилах и в слое над ними, принадлежит следующим домашним животным: крупному рогатому скоту (89 костей от 16 особей), мелкому рогатому скоту (28 костей от 12 особей), свинье (23 кости от 12 особей), лошади (23 кости от 6 особей) и собаке (16 клыков). Из костей диких животных в могилах № 2 и № 3 найдены резцы бобра, а в слое — его челюсть¹¹.

Древнее население, хоронившее своих умерших в Метев-Томакском могильнике, имело всех домашних животных, характерных для средних широт: коров, овец, свиней, лошадей, собак, но, очевидно, кроме скотоводства занималось и охотой, о чем можно судить по находкам костей и зубов бобра и наконечников стрел.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, Л., 1927, стр. 77—78.

⁴ Архив ИИМК за 1925 год, № 168.

⁵ Архив ИИМК за 1932 год, № 118.

⁶ Н. П. Сосновский. Отчет о раскопках 1927 г. около улуса Орак. Архив ИИМК за 1927 год, № 128.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948.

⁸ N. N. Bortwin. The Verkhny-Kizil Find. ESA, III, Helsinki, 1928.

⁹ К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XLV, 1952, рис. 24.

¹⁰ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 г. М—Л., 1941, стр. 131—136 и табл. XX—XXII.

¹¹ Определение В. И. Цалкина.

А. Е. А Л И Х О В А

МОГИЛЬНИК КОШИБЕЕВСКОГО ТИПА
У С. ПОЛЬНОЕ-ЯЛТУНОВО

Во второй половине I тысячелетия н. э. бассейн р. Цны (приток Мокши) был густо заселен мордовскими племенами, оставившими большое количество могильников. Жила ли здесь мордва издревле или передвинулась сюда в связи с неизвестными нам историческими событиями, сказать пока нельзя из-за неизученности соседних областей. В более же древнее время (I—III в. н. э.) в нижнем течении Цны обитали племена, оставившие своеобразные могильники так называемого кошибеевского типа.

Следует заметить, что могильники этой группы, слабо изученные и не освещенные в литературе, за исключением Кошибеевского, были распространены, по мнению П. П. Ефименко¹, от Старой Рязани (Шатрищенский могильник) и до г. Сергача (Сергачский могильник), а по выводам А. П. Смирнова² — и далее на восток, до г. Ядрина и р. Цивиль.

Относительно этнической принадлежности данной группы еще нет твердо установившегося мнения. А. П. Смирнов склонен ее связывать с предками чувашского народа³.

П. П. Ефименко, подробно изучавший эти могильники, не высказывает ничего определенного относительно их этнической принадлежности. И это вполне понятно, поскольку материал Кошибеевского могильника лишен ярких черт, позволяющих связывать его с какой-либо более поздней группой, этнический состав которой более или менее установлен. Только накопление большого материала из разных районов позволит разрешить этот пока неясный вопрос. Поэтому каждый вновь открытый могильник данного типа представляет большой научный интерес. И особенно, если памятник находится на территории, заселенной в последующее время уже вполне определенными этническими образованиями. К таким могильникам относится Польно-Ялтуновский, расположенный, как и Кошибеевский, на р. Цне, примерно — в 50 км к югу от него (считая по прямой).

Во время работ Рязанской экспедиции, проводившихся в с. Польное-Ялтуново в 1945 г. под руководством М. В. Воеводского, житель этого села П. М. Мишачев сообщил, что он лет 30 тому назад при окапывании своей усадьбы канавой нашел на склоне приблизительно на глубине 0,8 см «пику» (очевидно, наконечник копья), браслеты, бусы, долото или тесло. Близ этого места им же при выкапывании ямы для картофеля обнаружен

¹ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. СА, II, 1937, стр. 50.

² А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 135.

³ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 135.

примерно на глубине 2 м слой рыхлой земли и под ним скопление угля, по его мнению, костного.

Могильник расположен на левом высоком берегу р. Цны, на северном конце села, называемом «Московкой», к северу от Попова оврага, на бывшей усадьбе П. М. Мишачева. Раскоп 1945 г. был заложен близ склона против домов М. Горбуновой и Е. Карасевой, на расстоянии 150 м от них. Внешних признаков, как обычно, могильник не имел. Могильные ямы были выкопаны в рыхлом черноземном слое, простиравшемся здесь до глубины 0,7 м, и едва углублялись в чрезвычайно плотный серый суглинок. Поэтому их контуры не всегда можно было полностью проследить. Даже у наиболее глубоко залегавшего погребения № 4 яма прослеживалась скорее по консистенции заполнения, чем по цвету. Всего обнаружено четыре погребения, но расчищено только три. Четвертое погребение осталось не вскрытым. Могильные ямы вытянуты в направлении юго-восток—северо-запад. Ориентировка покойников определялась только в двух случаях: они лежали на спине, вытянуто, головой на юго-восток.

Погребение № 1. Обнаружено на глубине 0,68 м, т. е. на границе чернозема и суглинка, и яма прослеживалась только частично в ногах костяка. Ширина ее 0,75 м, углы несколько скруглены. Сохранность костяка чрезвычайно плохая. Он лежал вытянуто, головой на юго-восток, причем череп был на левом боку. У затылочной части черепа, рядом, с ним лежала бронзовая плоская бляха с круглым отверстием в центре и орнаментом из концентрических линий (рис. 7—2). Подобные бляхи довольно часто встречались в погребениях Кошибеевского могильника (погребения № 25, 29, 95, 96, 97)⁴. Там их обычно находили в области груди. Очевидно, в нашем случае она была положена отдельно, как и в Кошибеевском погребении № 8, где бляха несколько иного вида была найдена в изголовьи.

С обеих сторон черепа лежали два височных кольца, состоявшие из щитка и кольца в виде спирали в два с половиной оборота (рис. 8—6). Эти украшения характерны и для инвентаря Кошибеевского могильника⁵. Но употреблялись они различно: и как браслеты, и как украшение головного убора. Так, в трех погребениях (№ 46, 50, 53) кольца найдены надетыми на руки, в трех случаях лежали рядом со скелетом около костей рук (№ 42, 54, 58) и лишь в одном случае (погребение № 12) обнаружены по обеим сторонам головы близ ушей. П. П. Ефименко высказывает предположение, что они относятся к убору кос⁶ и отмечает их тождество с височными щитками Шатрищенского могильника, отличающимися лишь по размеру.

На шее умершей была надета толстая круглопроволочная гривна, типа распространенного в Кошибеевском (погребение № 10, 12, 97)⁷, Кузьминском (погребение № 21 и 69) и характерная для стадии «В» рязанских могильников⁸. Кроме того на шее было какое-то украшение или ожерелье, состоявшее из 17 красных пастовых бус, лежавших в одном месте. В их числе: четыре плоские прямоугольные (плитчатые), причем одна из них желтоватого цвета (рис. 8—7—9); одна небольшая зонная (рис. 8—10), две цилиндрических, так называемых рубленных (рис. 8—11), три бочкообразных (рис. 8—12) и семь зонных. Красные пастовые бусы были распространены в первой половине I тысячелетия н. э. в бассейне р. Оки, где в качестве ближайшей параллели можно указать на рязанские могиль-

⁴ А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. XIII, 8.

⁵ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XIII, 10.

⁶ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, рис. 6—6 и стр. 83.

⁷ А. А. Спицын. Указ. соч., рис. 2—20.

⁸ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XVII, 10.

ники (Борковский, Кузьминский), на цинские (Кошибеевский и описываемый) и на Саратовский могильник близ с. Армиева.

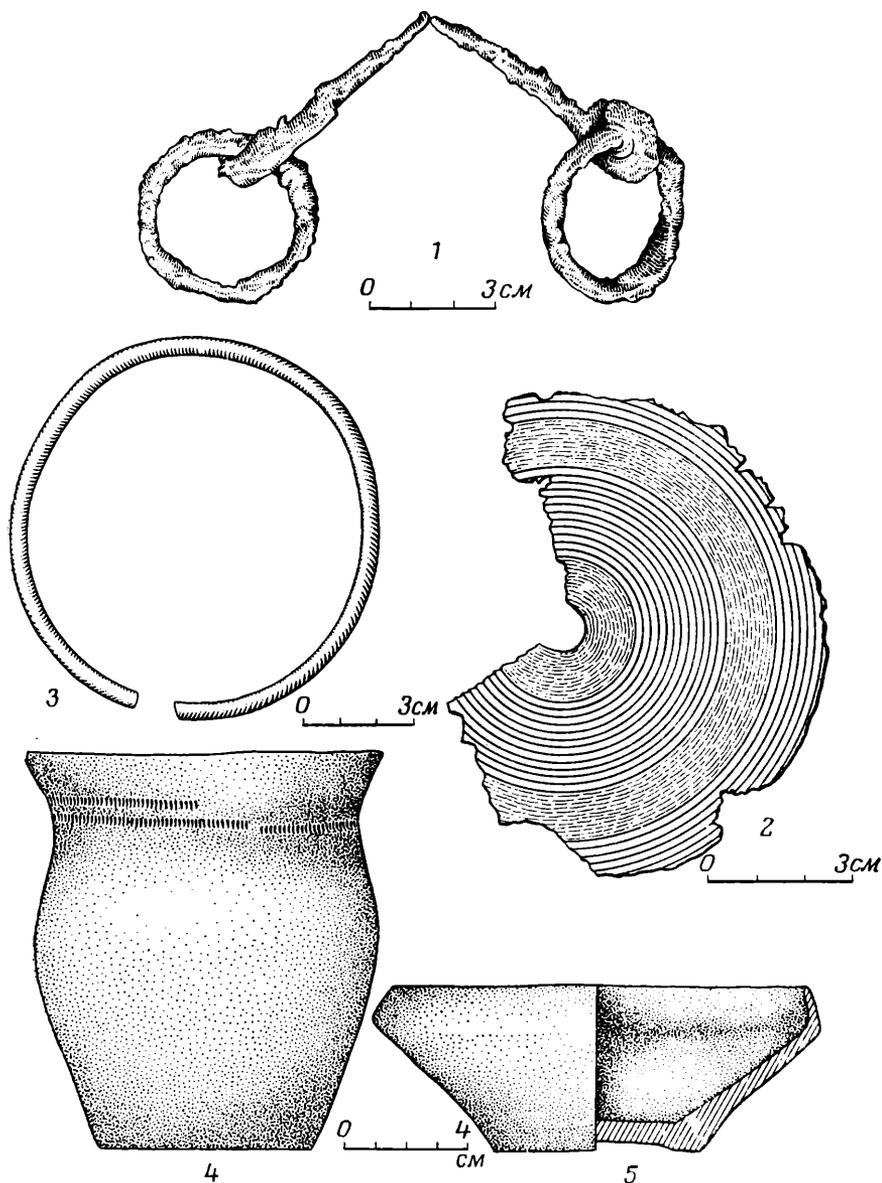

Рис. 7. Находки из могильника у с. Польное-Ялтуново

1 — железные удила; 2 — бронзовая бляха; 3 — гривна; 4, 5 — глиняные сосуды
1, 3, 4 — из погребения № 3; 2 — из погребения № 1; 5 — из погребения № 2

Среди бус найдено украшение из трех полушарных слитных бляшек, к которому на витых петлях подвешены колокольчатые привески (рис. 8—13). Подобный тип привески встречен в Кошибеевском могильнике⁹ в детском погребении (№ 30) на шее скелета, как и в описываемом.

⁹ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. VI, 12.

Близкие по форме привески распространены и в рязанских могильниках стадии «В» и «В₁»¹⁰. Там они употреблялись в качестве височных подвесок. Они известны также и в Дьяковом городище¹¹.

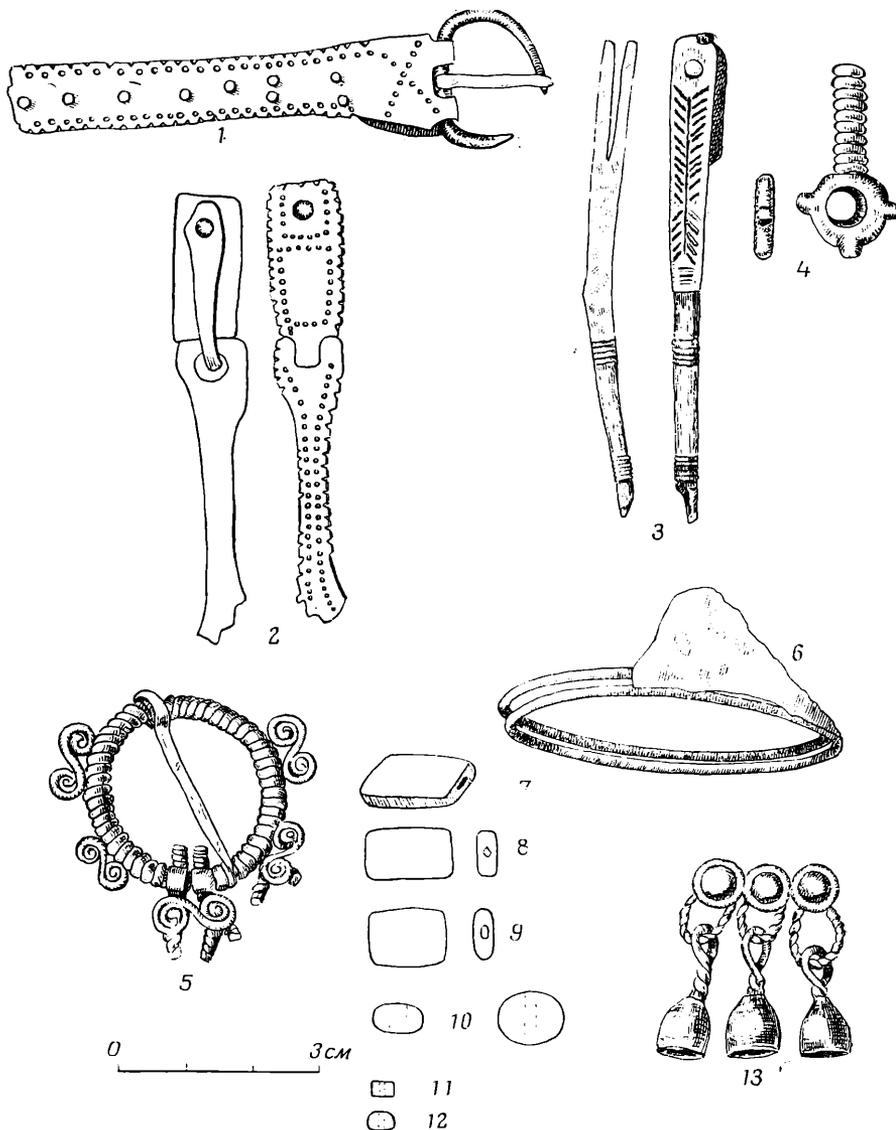

Рис. 8. Находки из могильника Полное-Ятунсо

1, 2 — пряжка и привеска — украшение ног; 3 — наконечник ремни; 4 — привеска; 5 — застежка кольцевая; 6 — височная привеска; 7—12 — красные пастовые бусы; 13 — шумящая привеска
1—4 — погребение № 3; 5—13 — погребение № 1

Трудно определить, к какому предмету относятся обломки широких пластин с пунктирным штампованным орнаментом, найденные у лицевой части черепа.

¹⁰ П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 71, рис. 2—8.

¹¹ В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Тр. IX АС, т. II, М., 1897, табл. XXVII, 7.

В нижней части груди, по-видимому, около левой плечевой кости лежала небольшая, обильно украшенная кольцевая застежка с небольшими усиками (рис. 8—5). Застежка и усики плотно обвиты узкой (1 мм) бронзовой полоской. Кроме того, к застежке с наружной стороны припаяны четыре симметрично расположенные двойные проволочные завитка. Такой же завиток помещен поперек — на концах усиков. К нему, так же как и к двум ближайшим к усикам завиткам, с нижней стороны были припаяны изогнутые под углом спиральки. На усиках, на линии стыка с дужкой, помещались две цилиндрические кнопки. Эта застежка близка найденной в Кузьминском могильнике (погребение № 24)¹², отличаясь лишь присутствием на краю четырех завитков вместо четырех лопастей. Орнаментация завитками встречена на бляхе из могильника «Атамановы кости»¹³ и характерна для более древней ананьинской культуры. Можно также указать на близость найденной нами бляхи с известной из Дьякова городища¹⁴.

Погребение № 2. Трудно сказать, что представляло собой это погребение. В черноземе, на глубине 0,55 м, обнаружен обломок ножа, лежавший около двух трубчатых костей. Из-за плохой сохранности не было возможности их определить. Ниже появились слабые контуры могильной ямы, которая прослеживалась частично. Длина ее 1,4 м, ширина 0,6 м. На дне, на глубине 0,9 м, посередине могилы обнаружена одна лишь глиняная мисочка, лежавшая на боку (рис. 7—5). Ни костей, ни каких-либо других вещей в могиле не найдено. Обнаруженная мисочка — чернолощеная, леплена от руки. Высота ее 6 см, диаметр горла — 15 см, диаметр дна — 6,5 см. Края ее сильно загнуты внутрь, образуя снаружи несколько сглаженное ребро. Мисочка очень интересна: она не согласуется с комплексом керамики, бытовавшей в этом районе, а скорее связывается с посудой, характерной для южных областей, занятых культурой полей погребений.

Лепной лощеный сосудик подобной формы известен в поселении I в. до н. э. — III в. н. э. на Днестре в с. Залесца, Ходоровского района, Дрогобычской области¹⁵.

Находки черной лощеной посуды в могильниках кошибеевского типа не столько редки. П. П. Ефименко отмечает в краткой характеристике инвентаря Шатрищенского могильника находки черной «полированной посуды» в виде миниатюрных «обрядовых» горшочков и резе мисок (погребение № 26)¹⁶.

Погребение № 3. Могильная яма, как и в предыдущих случаях, прослеживалась не полностью. Длина ее 2 м, ширина 0,7 м; углы скруглены. Костяк очень плохой сохранности обнаружен на глубине 1,15 м. Судя по зубам, он принадлежал подростку в возрасте смены клыков и предкоренных зубов. Погребенный лежал на спине, вытянуто, лицом вправо, головой на юго-восток. Правая рука, судя по положению браслета, была вытянута вдоль туловища, левая — не сохранилась. Небольшие остатки дерева на вещах и под ними позволяют предположить, что под захороненным была деревянная подстилка, а сверху деревянное покрытие. В головах стоял небольшой глиняный горшок очень плохого обжига, ручной лепки из глины с примесью шамота (рис. 7—4). Сосуд орнаментирован по обрезу венчика наискось и по границе шейки и стенки двумя параллельными линиями псевдогребенчатого орнамента, который наносился, по-

¹² А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XV, 3.

¹³ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. V, 12.

¹⁴ В. И. Силов. Указ. соч., табл. XXVII-а, 8.

¹⁵ М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. Археологічні Пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 343, табл. I, 4.

¹⁶ П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 81.

видимому, прикладыванием прутика, плотно обмотанного виток к витку на длину в 4,5 см чрезвычайно тонким шнуром. Нанесенный им орнамент имел вид сплошной линии, состоящей из тонких частых зубчиков. Интересна форма сосуда: небольшой (высота 13 см), банкообразный, с отогнутой наружу шейкой и слегка округлым туловом. Наибольшая ширина приходится на край (12 см), несколько превышая наибольшую ширину тулова. Дно сравнительно широкое (7,2 см). Сосуд по размерам, форме и расположению орнамента идентичен найденному в Кошибеевском могильнике¹⁷. Эта форма также изредка встречалась и в рязанских могильниках — Борковском и Кузьминском¹⁸. Интересно, что близкие по форме сосуды известны из курганов, расположенных далеко на востоке, под Минусинском, по р. Джесос. Особенно он близок сосуду из кургана № 2¹⁹, несколько менее — из кургана № 14²⁰.

В области шейных позвонков найдена круглопроволочная гривна типа уже известного по погребению № 1. (рис. 7—3) У гривны и под ней найдены семь бронзовых спиралек общей длиной в 19,5 см. Составляли они ожерелье или были связаны с одеждой или головным убором — сказать трудно. Поверх гривны лежала небольшая кольцевая застежка со свернутыми в трубочку концами.

Очевидно, к головному убору можно отнести спиральку с двумя колокольчатыми привесками, найденную в области груди. Подобные затылочные, или височные, привески встречены в Кошибеевском могильнике²¹ у черепов (погребение № 2, 49) и в погребении подростка (№ 41), как и в нашем случае, слева у плеча. Близ черепа или в верхней части груди подобные привески встречались также в Кузьминском могильнике (№ 22, 37, 66, 69), Борковском (№ 90) и в Армиевском (№ 31, 61 и др.). П. П. Ефименко их относит к стадиям «А», «В», «В₁» и «С»²².

Весьма интересно скопление предметов, лежавших между бедренными костями (рис. 9). По-видимому, оно относится к богатому поясному набору, от которого сохранились две пряжки, две кисти из спиралей и бронзовый наконечник. Очевидно, к поясу был подвешен нож в бронзовых ножнах. Пояс, судя по расположению вещей, не был надет на умершего, а положен сверху, причем так, что нож оказался рукоятью кверху и вправо, т. е. как было бы удобно для пользования им. Можно предположить, что нож (рис. 9—1) пристегивался при помощи небольшой пряжки с длинной прямоугольной обоймицей (рис. 9—2). Вторая пряжка того же типа, но более крупная (с насечками по краю), лежала поверх ножен (рис. 9—3), прикрывая группу из четырех спиралек, лежавших рядом, параллельно одна другой и отчасти прикипевших к ножнам. Спиральки оканчивались привесками. В трех случаях это были небольшие колечки с тремя выступами (рис. 8—4), а в четвертом — тоненькое колечко (рис. 9—4). Эта группа спиралек, очевидно, составляла кисть, свободно свисавшую с пояса. Помимо кисти, к нему были прикреплены два узких длинных наконечника с нарезным орнаментом (рис. 8—3). В погребении они лежали под спиральками, несколько выступая концами. Рядом с поясной пряжкой на конце ножен располагался пластинчатый наконечник пояса такой же ширины, что и пряжка, но украшенный по концам насечками (рис. 9—6). Под ним, несколько выступая верхним краем, лежала полуразрушенная трубчатая привеска, а вдоль левого бедра — сложное украшение, состоявшее из двух

¹⁷ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XII, 19.

¹⁸ Там же, табл. XII, 18.

¹⁹ Отчет о раскопках, произведенных А. В. Адриановым в Минусинском округе. ОАК за 1894 год. СПб., 1896, стр. 110, рис. 184.

²⁰ Там же, стр. 114, рис. 188.

²¹ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. IX, 22, табл. XXI, 1.

²² П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 70 и рис. 1, 2, 3.

групп спиралек, расположенных в ряд по четыре и разделенных бляшкой из двух рядов полушарий (рис. 9—8). К нижнему концу одной из спиралек примыкала верхним краем небольшая колокольчатая привеска (рис. 9—9), возможно, связанная с описанным украшением. Поверх спиралек лежала небольшая полушарная бляшка (рис. 9—7). Подобные бляшки встречены в Кошибеевском могильнике на поясе в мужском погребении (№ 106), где был также нож и колокольчатая привеска²³. Параллель другим украшениям из поясного набора мы находим в том же Кошибеевском могильнике. Такая большая поясная пряжка²⁴ обнаружена

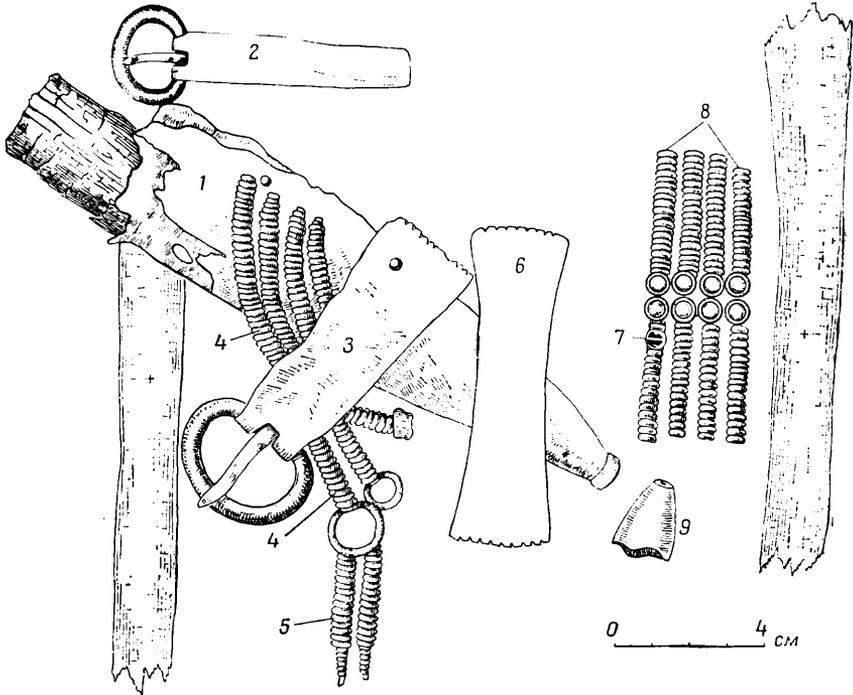

Рис. 9. Поясной набор из погребения № 3 могильника у с. Польно-Ялтуново

1 — нож в ножнах; 2, 3 — поясные пряжки; 4, 5 — спиральки; 6 — наконечник пояса; 7 — полусферическая бляшка; 8 — украшение из спиралек и бляшек; 9 — колокольчатая привеска (крестами отмечены кости бедер)

в мужском погребении (№ 87) вместе с бляшками из мелких полушарий²⁵, близкими описанной выше в составе украшений из спиралек.

Поясной набор, встреченный в Польно-Ялтуновском могильнике, пока является единственным и выделяется применением спиралек в качестве поясного украшения. Однако следует отметить, что в Кошибеевском могильнике в нескольких женских захоронениях (погребения № 26, 44, 50, 58) у пояса находили одну-две спиральки, правда более крупного размера²⁶.

Особенно интересны остатки ножных повязок. К сожалению, кости голени не сохранились, поэтому точно нельзя указать место повязок, но можно предположить, что они располагались в нижней части ноги. От повязки сохранилась пряжка с длинной несколько выгнутой обоймой

²³ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. VI, 11.

²⁴ Там же, табл. XI, 18.

²⁵ Там же, табл. VI, 17.

²⁶ Там же, табл. IX, 9.

(рис. 8—1) и двойная привеска, состоявшая из прямоугольной обоймы и узкой длинной привески. Обойма и привеска украшены мелкими ямками и зубчиками по краю (рис. 8—2). Много подобных бляшек найдено и в Кошибеевском могильнике. Только там они как будто без привесок, но пряжки тождественны описанным нами²⁷. Так, в погребении № 12 они лежали на костях голени несколько выше ступней²⁸, а привески составляли самостоятельное украшение, расположенное спереди внизу. В погребении же № 85, насколько можно судить по публикации, повязки были близки описанным: ниже колен лежали две пряжки и ниже их по медной подвеске из четырех пластин²⁹.

Более сложный ножной убор встречен в Кузьминском могильнике в погребении № 69. Там, «на месте колен были 2 слегка выпуклые медные бляхи, возле этих бляшек — куски кожи с медным продолговатым набором; обе ноги выше щиколотки обхвачены широкими ремнями, имеющими на концах по медной пряжке³⁰».

Наколенные украшения, как отмечает П. П. Ефименко, были известны и в Шатрищенском могильнике³¹. По-видимому, такой же убор обнаружен и далеко на юго-востоке — в Армиевском могильнике, где в погребениях № 3 и № 79 на костях голени найдены пряжки, но уже несколько видоизмененные.

Последнее, что следует отметить, это находка кольчатых удил, лежавших у правого колена. (рис. 7—1) Можно сказать, что погребение № 3 дало наиболее типичный для могильников кошибеевского типа комплекс вещей и предположить, что оно принадлежало девочке. Присутствие удил и ножа не противоречит такому заключению, так как в Кошибеевском могильнике находки подобных предметов в женских захоронениях были довольно распространены.

Вскрытые нами погребения в Польно-Ялтуновском могильнике — типично кошибеевские и относятся к средней поре существования могильника, т. е. к стадии «В» рязанских могильников, которые, по классификации П. П. Ефименко, датируются III—IV вв.³² В погребениях отмечены и вещи, роднящие их с рязанскими могильниками, и типичные для кошибеевской группы, в частности (как отмечает П. П. Ефименко), для ранних погребений Шатрищенского могильника. Сюда относятся такие вещи, как круглая бляха с отверстием в центре и концентрическим орнаментом, височные привески в виде кольца с козырьком, поясной набор, ножные украшения. Мы здесь не пытаемся, при наличии столь ограниченного материала, решать вопросы о связи кошибеевской группы могильников с Прикамьем. В разрешении этого вопроса могут сыграть большую роль исследования ее восточных окраин. Другой чрезвычайно интересный вопрос встает о ее связях с юго-западом. Обнаруженное нами погребение № 2, по-видимому, представляло собой остатки трупосожжения. Следует заметить, что в Борковском и Кузьминском могильниках в некоторых погребениях остатки пережженных костей были очень незначительны, а в некоторых их даже совсем не было (Борковской могильник, погребения №№ 8, 56, 106). Все авторы единогласно утверждают, что в самом Кошибеевском могильнике не было обряда трупосожжения. Однако в могильнике найден ряд вещей, как отмечает А. А. Спицын, «при неопределенных погребениях»³³. Не является ли это обстоятельство, известное в Борковском

²⁷ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XI, 12.

²⁸ Там же, стр. 58, рис. 19.

²⁹ Там же, табл. XIII, 3.

³⁰ Там же, стр. 99, табл. XVI, 3; XXII, 9, 11, 15.

³¹ П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 81.

³² П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 83.

³³ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 71.

могильнике, идентичным нашему случаю? А если так, что всего вероятнее, можно сделать вывод, что это не просто единичный случай. Как установлено, обряд трупосожжения в раннюю пору существования рязанских могильников был характерен для славян, оставивших могильники так называемого типа полей погребальных урн.

Отдельные предметы, характерные для этой культуры, в частности лощеная посуда, встречались в некоторых захоронениях рязанских могильников, на что уже обращали внимание. Это даже дало повод П. П. Ефименко в его первой работе прийти к выводу, что «народность, которой принадлежат рязанские могильники, появляется на Оке около III в. Пришла она с запада или юго-запада»³⁴. Позже автор изменил свое мнение. Он пишет: «Накопленные сейчас факты решительно говорят против вероятности смены населения в эту эпоху в Западном Поволжье как явления массового порядка»³⁵. Таким образом, П. П. Ефименко допускал появление отдельных незначительных иноплеменных групп населения.

Определенное высказал мнение А. П. Смирнов в своей последней работе³⁶. Проанализировав вещи из могил с трупосожжениями, автор пришел к заключению, что в эпоху существования Борковского и Кузьминского могильников все более и более начинает проникать на среднюю Оку славянское население; в результате этого проникновения появляются не только отдельные характерные вещи, но, очевидно, и сам обряд трупосожжения.

Вскрытые нами погребения важны тем, что они дали комплексы, отличающие Кошибеевский от других рязанских могильников. Присутствие в Шатрищенском могильнике нескольких захоронений, аналогичных Кошибеевским комплексам, а также их незначительное количество, возможно, свидетельствует об их иной этнической принадлежности. Открытие нового могильника в ближайшем соседстве с Кошибеевским и на территории распространения (в несколько более позднее время) безусловно мордовских могильников не позволяет согласиться с мнением А. П. Смирнова об их чувашской принадлежности³⁷. Можно высказать пока предположительно, что могильники кошибеевско-ялтуновского типа являются древнейшими мордовскими.

³⁴ П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 81.

³⁵ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э., стр. 45.

³⁶ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 139—142.

³⁷ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 135.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ
ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Археологическими изысканиями последних лет¹ установлено, что время первоначального заселения верхнего течения рр. Западной Двины и Ловати и их междуречья (современной территории Великолукской области) относится к эпохе неолита. К этой эпохе принадлежат многочисленные стоянки, расположенные по берегам озер и рек, которые Западно-Двинский отряд обследовал более чем в 70 пунктах².

Последующие этапы развития человеческого общества нашли здесь отражение в культуре городищ с сетчатой керамикой первых веков до н. э. и начала н. э., культуре, близкой памятникам дьякова типа, известным в бассейне верхней Волги и северо-западных областях СССР и связанной с финской группой племен.

Для периода со второй четверти I тысячелетия н. э. (III—V вв. н. э.) характерны поселения с типичной штрихованной керамикой, близкие подобным памятникам на территории северной Белоруссии и восточной части Литвы и в какой-то мере связанных с летто-литовской группой племен, продвигавшихся в эту область из восточной Прибалтики.

Близость исследованных нами памятников прибалтийским более ярко выражена в южной локальной группе верхнедвинских городищ со штрихованной керамикой в отличие от второго северного ее варианта, длительно сохраняющего пережиточные элементы дьяковской культуры.

Сжатая, суммарная характеристика древних поселений и в связи с ними северной группы городищ со штрихованной керамикой уже дана нами в печати при подведении итогов полевых исследований за несколько предшествующих лет³.

Особого внимания среди исследованных памятников заслуживает наиболее значительная группа поселений и могильников V—XI вв. н. э., свя-

¹ Работы производились Западно-Двинским отрядом Славянской экспедиции ИИМК АН СССР совместно с Великолукским областным краеведческим музеем и Торопецким, Себежским районными музеями.

² Я. В. Станкевич. Древние поселения и городища. Археологический сборник, вып. 1, Таллин, 1955; ее же. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Зап. Двины (готовится к печати).

³ Я. В. Станкевич. Археологическая разведка в Великолукской области. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951; ее же. Итоги археологических работ 1950 года в Великолукской области. КСИИМК, вып. XLVII, 1952; ее же. Исследование памятников первого тысячелетия в верховьях Зап. Двины в 1949—1951 гг. КСИИМК, вып. 52, 1953.

занная с распространением и развитием на данной территории славянской культуры.

Исследованиями установлено, что в это время в бассейне Зап. Двины и ее притоков получили распространение открытые и укрепленные поселения и состоящие из удлиненных, длинных и круглых курганов могильники, которые содержат трупосожжения, причем наиболее ранние из них датируются концом IV и V вв. н. э. На этом основании можно высказать предположение о том, что процесс расселения славянских племен в юго-восточной части верхнего Подвинья в основном уже завершился к V в. н. э.

Близость западнодвинских памятников славянской культуры синхронным и более ранним славянским поселениям и могильникам на территории северо-западной части Смоленщины и северной Белоруссии, как это будет показано ниже, очевидно, свидетельствует о расселении славянских племен, пришедших из области верхнего и среднего Поднепровья. Этот процесс прежде всего находит отражение в культуре южной группы верхнедвинских городищ со штрихованной керамикой, носители которой сравнительно рано попали в орбиту славянского мира. На этой пограничной территории, по-видимому, образовалось смешанное население.

Прежде чем перейти к рассмотрению славянских памятников, следует коротко остановиться на отмеченной выше, находившейся под взаимодействием славян, культуре городищ со штрихованной керамикой и в особенности южной ее группе. Граница распространения этой культуры в верхней части бассейна Зап. Двины может быть определена линией, заходящей сюда в виде языка от г. Витебска к северу, через Зап. Двину западнее г. Белого, далее она поворачивает к северо-западу, пересекая реки Торопу, Ловать (южнее г. Великих Лук), затем тянется через верховья р. Великой и уходит к северо-западу в Прибалтику⁴.

Более ярко прибалтийские элементы выражены в южной группе городищ (Михайловское, Палябино и др.), отличающихся от северных (Подгай и др.)⁵ некоторыми специфическими чертами.

Распространенный на всей территории верхнего Подвинья в первых веках н. э. тип жилых сооружений дерево-глинобитный или столбовой конструкции, так называемый длинный дом, расчленяющийся на отдельные жилые ячейки, в более южной группе памятников получает дальнейшее развитие и затем сменяется новыми типами построек — небольшими индивидуальными жилыми сооружениями столбовой конструкции.

Новые элементы культуры проявляются также и в инвентаре южной группы поселений, в особенности в керамике. Наряду с сосудами баночной и приземистой (ребристой) формы, украшенными штриховкой и зашипами (рис. 10 — 1), типичными для восточноприбалтийских памятников, здесь встречены слабо профилированные, высокие лепные сосуды с грубой поверхностью, характерные для славянских памятников середины первого тысячелетия н. э. Любопытно, что наиболее типичные из них сосуды-урны, содержавшие остатки трупосожжений (рис. 10 — 7), обнаружены в связанных с такими поселениями могильниках и сопровождалась распространенными у кривичей бронзовыми украшениями (рис. 10 — 4, 5).

Такое же сочетание восточно-прибалтийских и славянских форм наблюдается и в составе основного металлического инвентаря поселений южной группы, в то время как в соответствующих могильниках славянская культура выступает в более чистом виде.

При рассмотрении вопроса о славянской культуре следует, однако, обратиться к собственно славянской группе памятников.

⁴ О результатах исследований в западной части Великолукской области см. Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, вып. 62, 1956.

⁵ Я. В. Станкевич. Указ. соч., КСИИМК, вып. 52, стр. 62 и сл.

Достаточно широкое их распространение в бассейне Зап. Двины свидетельствует о существенных сдвигах и изменениях в этническом составе населения этой области, происходивших начиная с первых веков н. э.

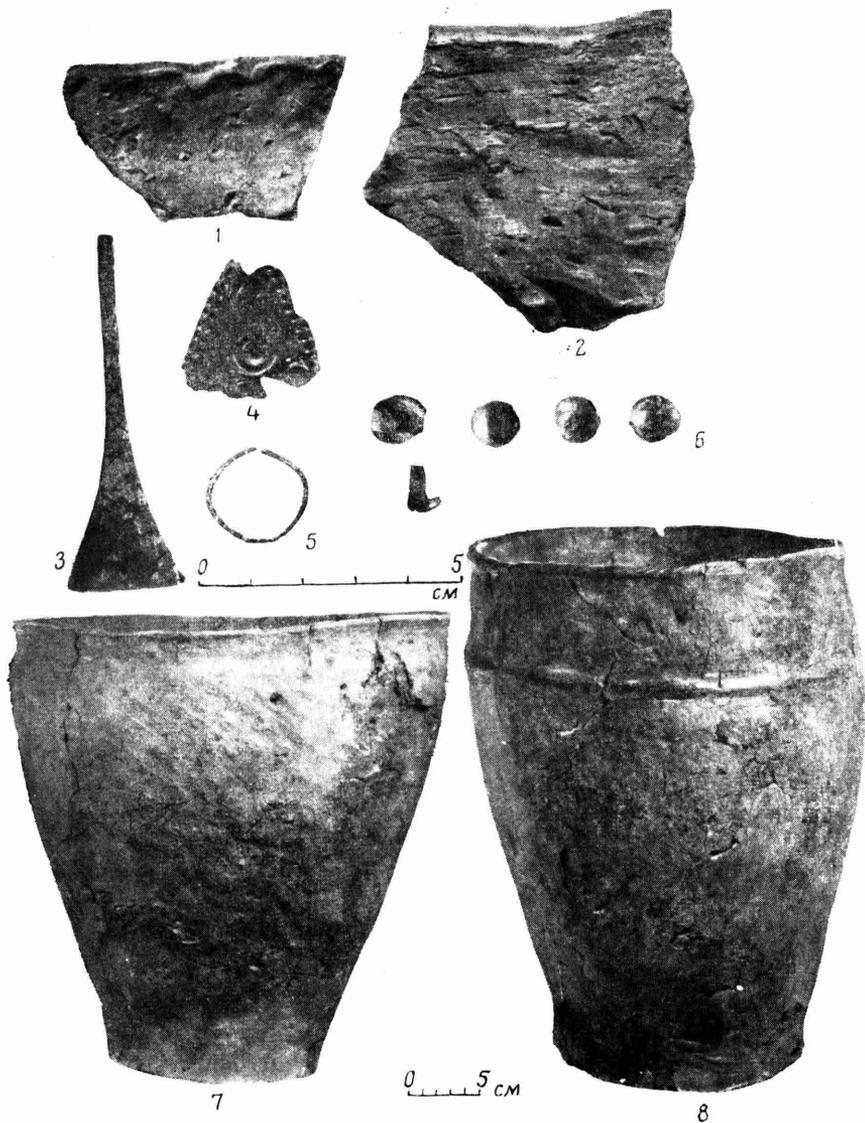

Рис. 10. Типы керамики и бронзовых украшений из славянских памятников V—VI вв.

1, 2 — образцы лепной керамики; 3 — бронзовые туалетные щипчики; 4 — трапециевидная подвеска; 5 — височное кольцо; 6 — бляшки-скорлупки; 7 — сосуд-урна; 8 — цилиндрический сосуд с валиком
 1 — с городища у с. Михайловского; 2 — с селища против дер. Золотилово; 3—5, 8 — с поселения у дер. Жабино; 6, 7 — из могильника у с. Михайловского

На основной же территории расселения славянских племен, охватывающей среднее (в пределах Великолукской области) течение Зап. Двины, мы наблюдаем, что наряду с сооружением новых укрепленных и открытых поселений в некоторых случаях славянские племена осваивали более древние,

покинутые предшественниками городища, перестраивая их и снабжая мощной оборонительной системой.

Для данной группы поселений, кроме мысовых городищ, укрепленных концевым валом, характерны и городища на возвышенностях, защищенные одним кольцевым или двойным кольцевым валом. Обычно к такому городищу примыкает обширный поселок, а несколько в стороне расположен курганный могильник.

Среди подобного рода памятников типично исследованное отрядом в 1953 г. поселение у дер. Жабино, расположенное в области правобережья верхнего течения р. Ловати и относящееся к типу городищ на отдельно стоящей возвышенности. Это было древнее укрепленное поселение, жизнь на котором началась на рубеже н. э., о чем свидетельствует залегающий в его основании культурный слой с сетчатой и штрихованной керамикой. В последующее время городище было вновь отстроено и приспособлено к новым условиям жизни осевшими здесь славянами, превратившими его в своего рода земляную крепость.

В это время укрепленное поселение у дер. Жабино оказалось уже между разросшимися открытыми поселками (рис. 11). Несколько в стороне от поселения находился могильник.

Само городище занимает естественнозащищенный холм, выступающий полуостровом над окружающей плато с этой стороны заболоченной поймой р. Ловати. Городище округлой формы, с крутыми, почти отвесными склонами и невелико по размерам (не более 1000 кв. м). Верхняя его площадка (с небольшой западиной к центру) по краю обнесена кольцевым валом, ясно выступающим на поверхности.

Как выяснилось в процессе раскопок, вдоль гребня вала, в самой возвышенной его части, проходила деревянная стена, неоднократно уничтожавшаяся пожаром и вновь отстраивавшаяся. Остатки деревянных сооружений хорошо различимы в разрезе раскопа (рис. 12). Развал оборонительных стен состоял из двух ярусов горелых массивных сосновых и березовых бревен и плах, вытянутых вдоль вала в виде сплошного слоя. Верхний ярус отделен от нижнего прослойкой обожженного песка.

Возвышенная часть вала была ограничена с внутренней и внешней сторон рядами сложенных навалом жердей. Вдоль внутреннего ряда, со стороны площадки городища, были врыты парные столбы; от них сохранились нижние торцы, расположенные группами, расстояния между которыми около 0,5 м.

На основании полученных данных можно предположить, что в валу городища проходила оборонительная стена из горизонтально положенных друг на друга рядов бревен, зажатых парными, вертикально врытыми столбами. Она неоднократно уничтожалась пожаром и вновь отстраивалась.

Разрастание окружающего городище поселка и появление развитой оборонительной системы — характерная особенность славянских памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. Возведение таких сложных и трудоемких сооружений стало возможным силами разросшейся общины. В этом заключается основное отличие рассматриваемых памятников от небольших укрепленных поселений патриархально-родовой семьи в предшествующую эпоху.

Вопрос о существовании деревянных оборонительных сооружений в раннеславянских памятниках оставался до последнего времени неизученным. Это отмечает П. А. Раппопорт в своем труде, посвященном истории русского военного зодчества⁶. Однако автор начинает исследование лишь с древнерусских памятников X в., считая их наиболее древними.

⁶ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 10 и сл.

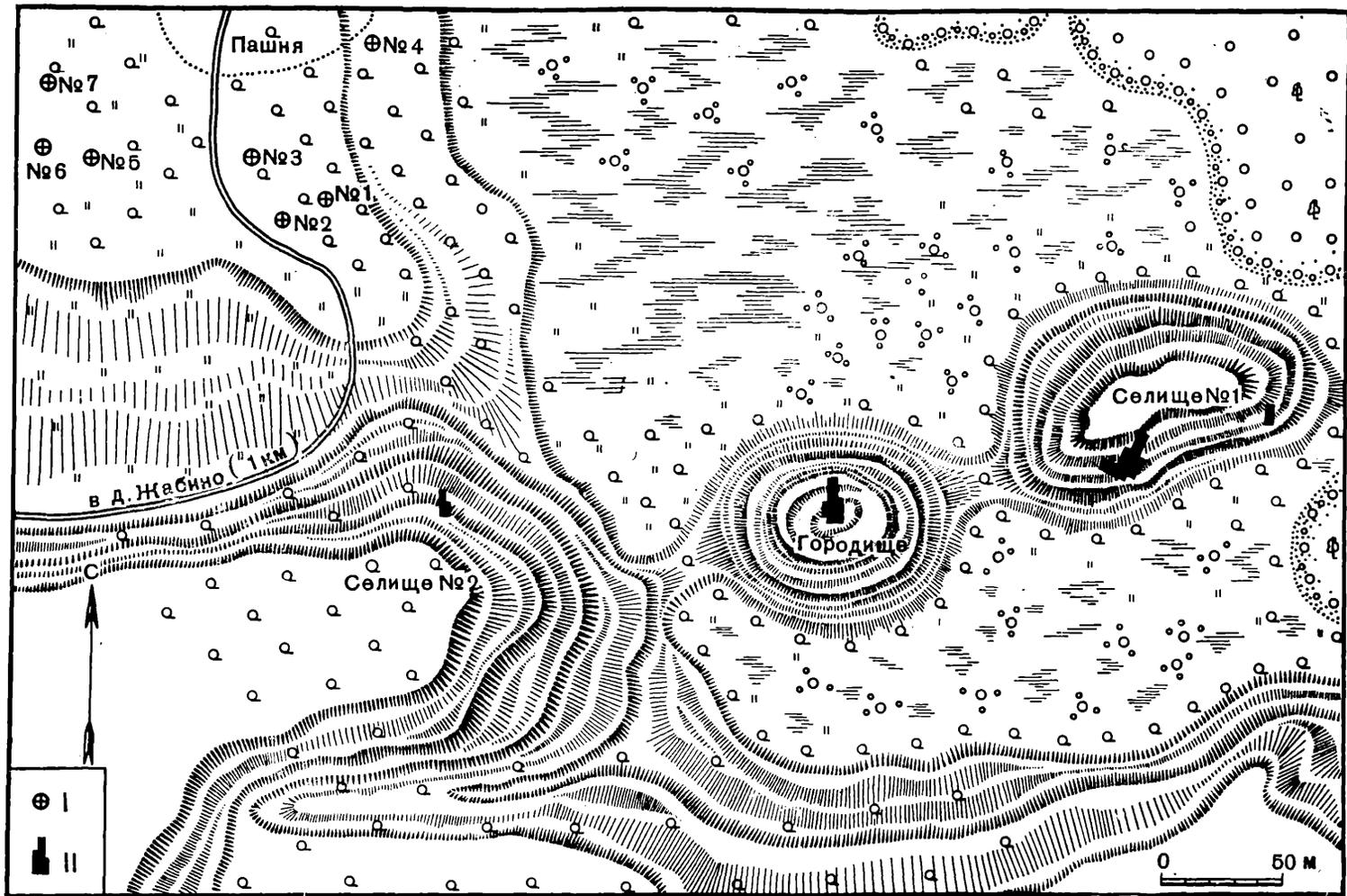
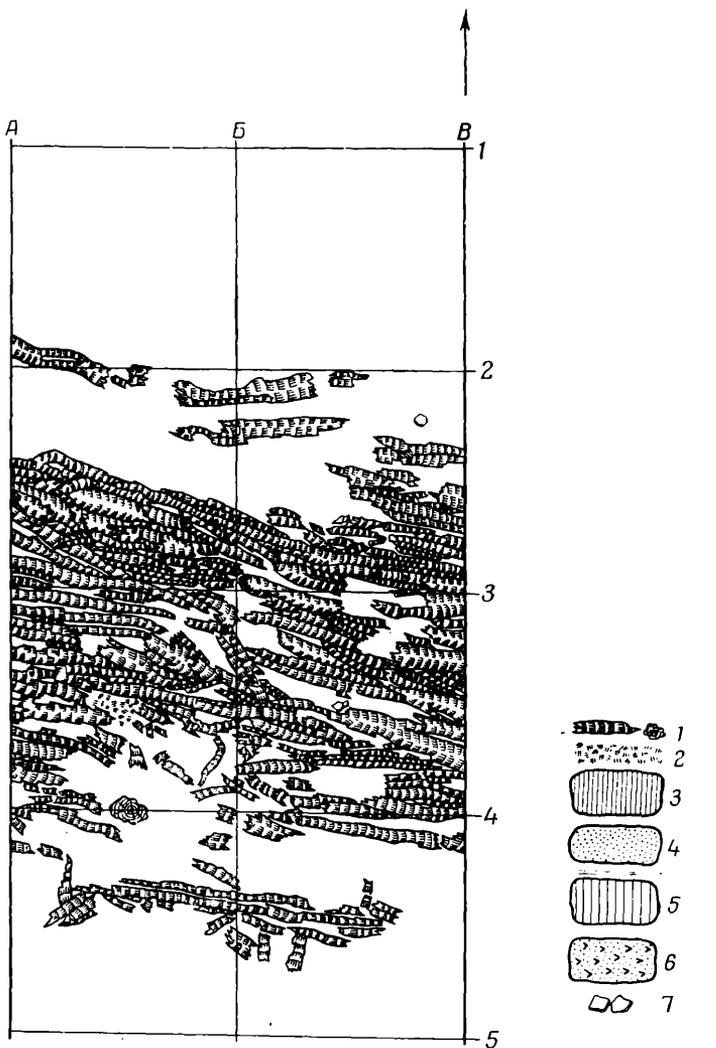
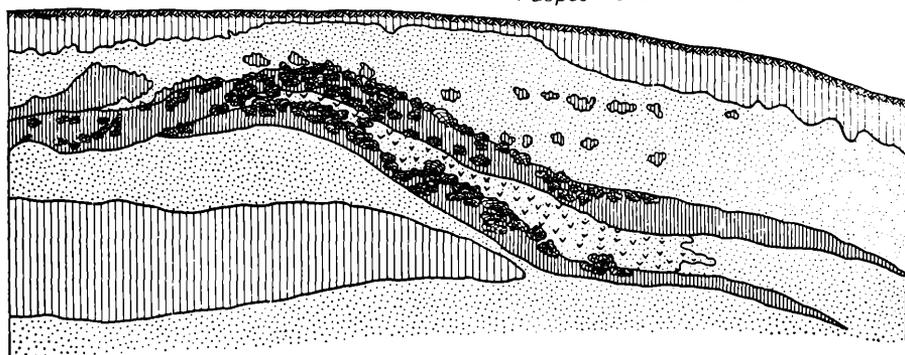

Рис. 11. План расположения поселения и могильника у дер. Жабино

Разрез по восточной стенке

1 2 М

Рис. 12 План и разрез части развала деревянной оборонительной стены в валу городища у дер. Жабино

1 — обгоревшее дерево; 2 — углистый слой; 3 — черный культурный слой; 4 — песок; 5 — серая супесь; 6 — песок обожженный; 7 — черепки сосудов

За последние годы археологических исследований остатки деревянных оборонительных стен были впервые обнаружены в славянских памятниках VI—VIII и IX вв. Так, например, на территории Белоруссии А. Г. Митрофановым при раскопках городища Вязынки Молодеченской области⁷ обнаружен развал погибшей в пожаре деревянной оборонительной стены.

На городище Титчиха, Воронежской области, при раскопках 1955 г. А. Н. Москаленко также отметила остатки проходившей в валу оборонительной стены из отдельных вертикально врытых дубовых плах.

Интересен самый факт открытия подобных оборонительных конструкций в славянских памятниках начиная с середины I тысячелетия н. э. По-видимому, они представляли собою прототип более сложных сооружений — «городней» — раннефеодальной эпохи.

Для отмеченных выше славянских поселений в бассейне Зап. Двины характерны небольшие наземные деревянные постройки столбовой конструкции, с двускатной крышей и очагом-каменкой, расположенным в помещении против входа. Остатки таких жилищ обнаружены и на городище у дер. Жабино, где они размещались под прикрытием вала. Известны они и на некоторых других поселениях. Интересно, что в открытом поселке, раскинувшимся вокруг Жабинского городища, отмечены остатки подобной же постройки, отличающейся, однако, известным своеобразием. Вдоль длинных сторон сооружения обнаружен второй ряд столбовых ям. Очевидно, нависающие над землей края двускатной крыши опирались на внешний ряд столбов, образуя с северной и южной сторон жилища род открытого навеса, используемого для хозяйственных целей. По своему устройству постройки приближались к простейшим, еще сравнительно недавно бытовавшим северо-крестьянским избам.

Характерно, что этот тип жилища сохраняется в славянских памятниках и в раннефеодальную эпоху. Почти аналогичное жилье обнаружено в 1954 г. при раскопках городища у дер. Городище на правом берегу р. Ловати, южнее г. Великие Луки⁸. Рассчитанные на индивидуальную (парную) семью, эти маленькие отдельно стоящие постройки резко отличаются от жилищ в виде расчлененного на несколько жилых ячеек большого или длинного дома, присущих памятникам конца патриархально-родовой эпохи — городищам со штрихованной керамикой III—V вв. н. э.

Находки бытовых вещей и орудий труда на Жабинском поселении, а также на других аналогичных памятниках середины I тысячелетия н. э., свидетельствуют о том, что жители подобных лесных поселков занимались подсечным земледелием (возделывали пшеницу, ячмень) и скотоводством со стойловым содержанием скота и заготовкой кормов на зиму. В составе стада были все виды домашних животных мелкорослой лесной породы: лошадь, используемая уже как тягловая сила, крупный и мелкий рогатый скот и свинья. Кроме того, жители некоторых поселков занимались выплавкой железа из болотной руды не только для своих нужд, но и для обмена с населением соседних районов, бедных этим сырьем. Развитие межплеменного разделения труда в конечном итоге приводит к распаду патриархально-родовой общины и переходу к территориальным объединениям.

Исследование могильников, относящихся к рассмотренным поселениям, свидетельствует о бытовании у местного населения в середине I тысячелетия н. э. характерного для славянского племени кривичей языческого обряда трупосожжения. Остатки костей вместе с бедным инвентарем (керамика того же типа, что и на поселениях, бронзовые украшения, бляшки, застежки и т. п.) помещались в сосуд-урну, в ямку, вырытую в материке, а в других случаях просто в насыпи кургана, как это было отмечено в Жа-

⁷ А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. (Автореферат диссертации). Л., 1955.

⁸ Раскопки памятника продолжены автором в 1955—1956 гг.

бинском и других славянских могильниках. В этой же связи интересно обнаруженное у подошвы Жабинского городища каменное изваяние — голова идола в шапочке — сходное с подобными культовыми предметами из собрания Новгородского и Себежского музеев⁹.

Среди бытового инвентаря наиболее характерна лепная посуда, предназначенная для варки пищи и хранения запасов — крупные, высокие корчаги и разного размера сосуды усеченно-конической, цилиндрической и ребристой формы (рис. 10 — 7, 8). Наиболее архаичны корчаги цилиндрической формы с наlepным валиком в верхней части тулова, украшенным, как и край венчика, насечкой. Такой сосуд встречен среди набора очажной посуды в одном из жилищ Жабинского поселения.

Близкая по форме посуда известна в памятниках более северных районов, по берегам Чудского и Ильменя озер и в Волхово-Мстисинском бассейне (в нижнем горизонте городища Старая Ладога¹⁰, длинных курганах Псковской области¹¹ и других).

Однако наиболее многочисленные аналогии массово-распространенной грубой лепной посуде и основным формам металлического инвентаря мы находим несколько южнее, среди материалов одновременных поселений и могильников северной Белоруссии¹² и западной Смоленщины¹³, приписываемых кривичам. Это дает некоторое основание предполагать общность населения верхнего течения Зап. Двины и Днепра.

На основании сопутствующих керамике различных украшений отмеченные могильники следует датировать V—VII вв. н. э. Особенно характерны для этого времени штампованные блюдки-скорлупки (рис. 10 — 6), некоторые формы орнаментированных трапециевидных подвесок (рис. 10 — 4). Типичны также туалетные пружинные щипчики с широкими лопастями, покрытые гравировкой (рис. 10 — 3), височное проволочное колечко (рис. 10 — 5).

Подобные изделия встречены в Мошинском городище, в могильниках южной Латвии и Литвы, а также известны в памятниках франкской эпохи в Зап. Европе (Франция). Они сопровождаются иногда предметами с выемчатой эмалью и датируются V—VI вв. н. э.

Таким образом, нижняя, хронологическая дата исследованных нами славянских памятников по имеющимся пока материалам может быть определена V в. н. э.

Изложенные данные расходятся с настойчиво высказываемым некоторыми исследователями (например, С. А. Таракановой) определением нижней хронологической даты длинных курганов Псковской области, западных районов Великолукской области и даже верхнего течения Зап. Двины — концом I тысячелетия до н. э. Пока у нас нет никаких оснований для подобной датировки.

Рассмотренная нами раннеславянская культура верхнего Подвинья продолжала развиваться на протяжении следующих столетий, что в конечном итоге привело к сложению здесь древнерусской культуры. Изучение разнообразных ее сторон может быть осуществлено на базе дальнейших исследований памятников раннефеодальной эпохи этого района.

⁹ Н. Порфиридов. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея. Материалы и исследования Новгородского музея, т. I. Новгород, 1930, стр. 31—33.

¹⁰ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, рис. 5—8.

¹¹ Н. Н. Чернягин. Отчет о раскопках в 1940 г. в Псковской области. Архив ЛОИИМК, ф. 35, д. № 35; Фото-архив ЛОИИМК, № 1141.

¹² А. Н. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы у Поладкай акрузе. Запіскі адыелу гуманітарных Навук. Працы Археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 184, табл. IV, 1.

¹³ А. Н. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы у вадозборах рр. Сажа, Дняпра, Каспльі у Смаленскай губ. (там же, стр. 327—328).

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

О ДЛИННЫХ И УДЛИНЕННЫХ КУРГАНАХ
В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В 1941 г. вышла в свет работа Н. Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки», состоящая из археологической карты и небольшого введения к ней¹. Этот труд (ставший, к сожалению, библиографической редкостью) — превосходное справочное издание. Однако автор, прослеживая распространение длинных курганов на юго-запад, ограничивается течением Западной Двины в районе Полоцка, не учитывая памятники, встречающиеся южнее этой реки².

В рамках настоящей работы делается попытка проследить распространение длинных и удлинённых курганов в Западной Белоруссии.

Данные об этих погребальных сооружениях пока еще очень незначительны. Отдельные удлинённые курганы бывш. Виленской губернии в конце прошлого века исследовал Ф. В. Покровский, выделив их при составлении археологических карт Виленской и Гродненской губерний³.

Единичные удлинённые курганы в 30-х годах нашего столетия были раскопаны Е. и В. Голубович⁴. В 1955 г. автором этих строк в восточной части Гродненской области обнаружено 24 курганных могильника, в составе которых были длинные и удлинённые насыпи⁵.

Интересующие нас памятники встречены в Западной Белоруссии (рис. 13) в следующих пунктах⁶:

¹ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941.

² Впервые на это обратила внимание С. А. Тараканова, см. С. А. Тараканова. Длинные и удлинённые курганы. СА, XIX, 1954, стр. 82.

³ Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, т. I. М., 1895; его же. Археологическая карта Гродненской губ., там же; его же. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, там же, т. III. М., 1897; его же. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении, Тр. X АС, т. I. М., 1899; его же. Археологическая карта Виленской губ. Труды Виленского отделения Московского Предварительного Комитета по устройству IX АС. Вильна, 1893.

⁴ Н. Сешак-Но́лбуовичова. Słowiańsko wareskie cmentarzysko Kurhanowe, Koło Porzeczka w powiecie dziś nieńskim. Przegląd archeologiczny, 1938—1939, т. VI, ч. 2—3; Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 126—137.

⁵ Краткое описание памятников приводится ниже. Ввиду неисследованности памятников, обнаруженных во время разведочного маршрута, деление на длинные и удлинённые курганы производилось на основании внешнего осмотра. Курганы-валы размерами от 20 м в длину и более относятся нами к длинным курганам. Насыпи меньших размеров — к удлинённым. Вместе с тем автор соглашается с С. А. Таракановой, что определяющим в этом делении является обряд погребения (С. А. Тараканова. Указ. соч., стр. 84).

⁶ Номера памятников соответствуют номерам на карте.

5. Бельмонт, там же. Раскопано семь курганов, из них два удлиненных¹¹.
6. Тверечь, там же. Раскопан один разрушенный удлиненный курган¹².
7. Лынтупы, Поставский район. Раскопано пять курганов, из них два удлиненных¹³.
8. Будраны, там же. Раскопано десять курганов, из них один удлиненный¹⁴.
9. Занарочь, Мядельский район. Раскопано три кургана, из них один удлиненный¹⁵.
10. Засвирь, Свирский район. Раскопано 22 кургана, из них один удлиненный¹⁶.
11. Черневичи, Дисненский район. Раскопан один удлиненный курган во второй части могильника¹⁷.
12. Мамаи, там же. В урочище «Волотовки» отмечается 25—30 курганов, имеющих вид продолговатых полушарий¹⁸.
13. Поречье, Глубокский район. Раскопано 17 курганов, из них три удлиненных¹⁹.
14. Хотенчицы, Радошкевичский район. Две группы курганов, в первой (из восьми курганов) — два удлиненных, во второй — семь удлиненных, один из них раскопан²⁰.
15. Лужаны, Воложинский район. Могильник, включающий до 100 курганов, некоторые из них удлиненные²¹.
16. Юковцы, там же. Более 20 курганов, часть из них удлиненные²².

Гродненская область

17. Пороги, Лидский район. В 2 км к юго-западу от деревни, в лесу находится 42 кургана, четыре из них удлиненные — 20—35 м длины, 7—10 м ширины, до 1,5 м высоты²³.
18. Жирмуны, там же. Два могильника. Первый за деревенским кладбищем к северу от селения среди молодого леса, состоит из 117 курганов, в их числе 14 удлиненных и длинных. Длина их до 50 м, ширина до 14 м, высота до 2 м; в основании видны оплывшие ровики. Второй могильник расположен в 1,5 км севернее первого; состоит из 232-х курганов. В различных его частях обнаружено 13 длинных курганов до 45 м длины, 8—20 м ширины и до 1,5 м высоты, а также четыре удлиненных — до 20 м длины, 8—15 м ширины и до 1,5 м высоты. В основании их сохранились оплывшие рвы.
19. Сцерково, там же. В 2 км северо-восточнее деревни, в вырубленном хвойном лесу находится могильник из 136 курганов, из них 14 длинных — от 20 до 40 м длины, 10—15 м ширины, до 2 м высоты.

¹¹ Там же, стр. 181—183.

¹² Там же, стр. 139—140.

¹³ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов..., стр. 140—148.

¹⁴ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии..., стр. 137—140.

¹⁵ Там же, стр. 72—75.

¹⁶ Там же, стр. 79—92.

¹⁷ Е. Голубович и В. Голубович. Указ. соч., стр. 132, 136.

¹⁸ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губ., стр. 9.

¹⁹ Н. Сеһак-Ноһубовицзова. Указ. соч., стр. 190.

²⁰ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губ., стр. 25.

²¹ Там же, стр. 81.

²² Там же, стр. 87.

²³ Пункты с № 17 по № 28 включительно обследованы Славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции ИИМК АН СССР.

У основания отдельных насыпей видны оплывшие рвы, шириной до 0,5 м.

20. Косовщина, там же. В 300 м от деревни в небольшом леске могильник из 67 курганов; семь из них удлиненные — до 18 м длины, 10 м ширины и до 1,80 м высоты. У подножия сохранились рвы.

21. Миноиты, там же. К югу от деревни, вдоль шоссе Лида-Слоним, по обе его стороны расположен могильник из 24 в значительной мере разрушенных курганов. К востоку от дороги — пять ориентированных по странам света удлиненных и длинных курганов от 15 до 37 м длины, до 10 м ширины и 1,20—1,50 м высоты. По длинным сторонам заметны оплывшие рвы.

22. Дроздово, там же. В 50 км к северу, по обе стороны шоссе Лида-Слоним находится могильник из 88 курганов, среди них один длинный, ориентированный по линии север—юг (40 м длины, 10 м ширины и 1,8 м высоты), и восемь удлиненных — от 12 до 20 м длины, 6—10 м ширины и до 1,5 м высоты. Курганы окопаны по длинным сторонам рвами.

23. Любары, там же. Близ деревни на берегу р. Дитвы (приток Немана) обнаружено 35 оплывших, сильно разрушенных курганов; у пяти из них насыпи удлиненной формы до 26 м длины, 5—7 м ширины и до 1,5 м высоты.

24. Ольжево, там же. В километре к северо-западу от деревни, в урочище «Шведы», в лесу сохранилось пять курганов, четыре из них длинные — от 22 до 90 м длины, от 7 до 12 м ширины и до 1,3 м высоты. У основания их видны оплывшие рвы шириной до 0,5 м.

25. Мосевичи, там же. Вблизи деревни (на поле) девять курганов, три из них длинные: 20—40 м длины, 5—8 м ширины и до 1,5 м высоты. Рвов у основания незаметно.

26. Беневичи, там же. Близ деревни с северной стороны среди кустарника находится группа, состоящая из 21 оплывшего кургана, восемь из них длинные: 20—30 м длины, 6—12 м ширины, до 1,5 м высоты. Рвов у основания незаметно.

27. Бояры, там же. В 500 м к юго-западу от деревни (в 100 м от р. Лебеды) девять курганов, два из них — длинные, слегка изогнутые валы до 85 м длины и свыше 1,5 м высоты; два длинных кургана размерами 28 и 36 м длины, 7 и 10 м ширины и 1,5 м высоты; два удлиненных — 16 и 29 м длины, до 11 м ширины и свыше 1,3 м высоты. У основания их видны оплывшие рвы.

28. Ясилевичи, там же. 1) В 300 м к югу от деревни у впадения р. Лебеды в Неман в лесу стоят три кургана, один из них удлиненной формы, 18 м длины, 8 м ширины и 1,2 м высоты. У основания его (по длинным сторонам) — оплывшие рвы.

2) В 200 м к северу от селища на берегу Лебеды среди кустарника — могильник из 26 курганов. Три из них удлиненные — 14—15 м длины, 6—7 м ширины и до 1,4 м высоты. У основания сохранились рвы.

29. Волчки, там же. Близ деревни на берегу Немана в лесу — могильник из 13 курганов, среди них один длинный — 22 м длины, 10 м ширины и 1,3 м высоты.

30. Дьяковцы, там же. Близ деревни известен длинный курган²⁴.

31. Зачепичи, там же. В 3 км к западу от деревни, в лесу по обе стороны грунтовой дороги расположены семь курганов, один из них длинный, ориентированный по линии восток—запад. Длина его 30 м, ширина 13 м, высота 1,3 м. По длинным сторонам видны следы оплывших рвов²⁵.

²⁴ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губ., стр. 102.

²⁵ Пункты с № 31 по № 37 обследованы Славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции ИИМК АН СССР.

32. Демяновцы, там же. 1) В километре к северу от деревни, в лесу по обеим сторонам грунтовой дороги находятся четыре длинных кургана. Наименьший из них — 30 м, наибольший — 80 м длины, от 7 до 28 м ширины и до 2 м высоты. У основания видны заплывшие рвы.

2) В 300 м к востоку от деревни по дороге из дер. Корытница расположен могильник, в составе которого 30 курганов. Среди них один удлиненный и три длинных. Удлиненный — 17 м длины, 11 м ширины и 1 м высоты, а длинные — до 40 м длины, 10—12 м ширины и до 1,8 м высоты. У основания курганов сохранились рвы.

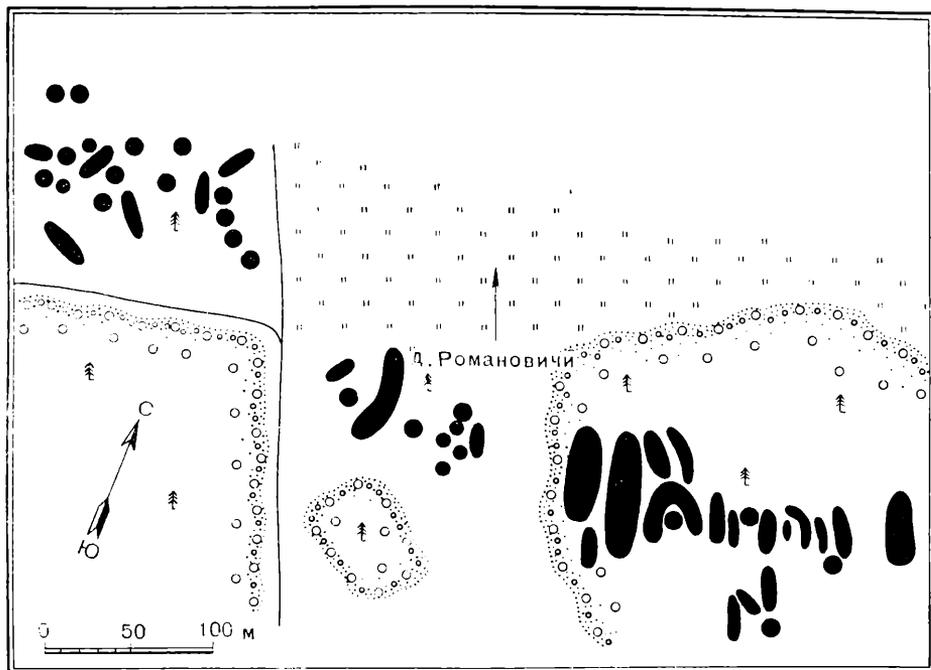

Рис. 14. План курганного могильника у дер. Романовичи

3) В километре к западу от деревни, вдоль дороги в дер. Шерстни, на площади 350 м с востока на запад — семь отдельно стоящих курганов, среди них один длинный — 27 м длины, 14 м ширины.

33. Корытница, там же. 1) В полукилометре к северо-востоку от деревни (в лесу, рядом с грунтовой дорогой) находится могильник из 35 курганов, два из них длинные и два удлиненные. Один из длинных ориентирован по линии север—юг. Он — 45 м длины, 10 м ширины и 1,5 м высоты; второй соответственно — 35 м, 8 м и 1,5 м. Оба удлиненных достигают до 20 м длины, 5—6 м ширины и 1,4 м высоты.

2) На западной окраине деревни — три длинных кургана: 21—26 м длины, до 8 м ширины и до 1,3 м высоты.

34. Романовичи, Дятловский район. 1) На южной окраине деревни, в лесу находится могильник, в составе которого 53 кургана; почти половина из них удлиненные и длинные. Семь удлиненных достигают от 10 до 20 м длины, до 10 м ширины и 1,5—1,7 м высоты. 19 длинных разнообразны по размерам; отдельные валы имеют 75 м длины и до 20 м ширины. У основания как удлиненных, так и длинных курганов

видны оплывшие рвы. Некоторые курганы серповидной, а один подково-видной формы (рис. 14).

2) В 500 м к востоку от деревни, по обе стороны лесной дороги — семь курганов, один из них длинный — 30 м длины, 17 м ширины и 1,2 м высоты.

35. Пиромин, Козловщинский район. В лесу, в 300 м к северо-западу от деревни, находятся пять курганов, среди них один длинный, ориентированный по линии восток—запад. Он имеет 30 м длины, 7—8 м ширины и 1,2 м высоты. У основания насыпи сохранились рвы.

36. Высоцк, там же. В километре к юго-западу от деревни, в лесу три длинных кургана от 22 до 64 м длины, 8—12 м ширины и 1,6 м высоты. У основания сохранились рвы.

37. Шундры, Слонимский район. К северу от деревни, в лесу по обе стороны шоссе Лида-Слоним, 12 курганов, восемь из них удлиненные и длинные, большей частью ориентированы по странам света. Длинные курганы — до 67 м длины, 10—15 м ширины и до 1,8 м высоты. Один из них серповидный. Удлиненные — 20 м длины при 16 м ширины и 1,3 м высоты. В основании видны заплывшие рвы.

38. Климовичи, Зельвенский район. На территории деревни группа разрушенных курганов, среди которых несколько расплывшихся удлиненных.

39. Гольнка, там же. Вблизи деревни, стоящей на р. Шаре, находятся валы, обведенные с двух сторон рвами²⁶.

40. Комлевичи, там же. В 500 м южнее деревни, на берегу р. Шары — могильник, состоящий из 61 кургана. Среди них шесть длинных насыпей — до 22 м длины, 6—8 м ширины, до 1,5 м высоты. Насыпи довольно расплывчатые²⁷.

41. Козловичи, там же. По обе стороны дороги из дер. Козловичи в дер. Елка находятся три кургана. С восточной стороны дороги стоит полуразрушенный длинный курган, сохранившийся на 45 м в длину, до 20 м в ширину и до 0,8 м в высоту²⁸.

42. Сынковичи, там же. 1) К северо-востоку от Сынковичской церкви — четыре кургана, два из них овальной и продолговатой формы.

2) Курганы в форме продолговатых четырехугольников известны в урочище Кашеево²⁹.

43. Пустоборье, там же. В километре к югу от деревни, в лесу — группа из 17 курганов, пять из них удлиненные — до 20 м длины, 6—8 м ширины и до 1,3 м высоты один серповидный. У основания видны ровики³⁰.

44. Соколово, там же. К северо-востоку от деревни известны четыре овальные кургана³¹.

45. Гошево, там же. В урочище Концы известны круглые и овальные курганы³².

46. Лужаны, Берестовицкий район. К северо-востоку от деревни есть круглые и овальные насыпи³³.

²⁶ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губ., стр. 28.

²⁷ Материалы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции ИИМК АН СССР.

²⁸ Материалы Славяно-литовского отряда...

²⁹ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губ., стр. 26.

³⁰ Материалы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции ИИМК АН СССР.

³¹ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губ..., стр. 35.

³² Там же, стр. 44.

³³ Там же, стр. 137.

47. Радости, Каменецкий район. К северу от деревни находятся три кургана, один из них овальной формы³⁴.

48. Ратайчицы, там же. Близ деревни известен четырехугольный курган³⁵.

Таким образом, в междуречье Западной Двины и Десны, а также в бассейне Немана, известно около 50 пунктов, где находятся удлиненные и длинные курганы. Согласно данным Ф. В. Покровского, памятники этого рода зарегистрированы и на территории современной Польши, по Нареву и Западному Бугу³⁶.

Подобные погребальные сооружения обычно включены в состав могильников, содержащих и круглые курганы, но численность их как правило меньше. В отдельных случаях удлиненные курганы образуют особые группы. Например, в дер. Машули на берегу озера Дривято отмечены три группы курганов; большая часть первой состоит из овальных насыпей³⁷. Южная часть могильника Довборы характеризовалась исключительно насыпями продолговатой формы³⁸, из трех курганных групп у дер. Хотенчицы одну составляют лишь удлиненные курганы³⁹. Как длинные, так и удлиненные курганы нередко ориентированы по странам света; таковы памятники в Дроздове, Миноитах, Зачепичах, Корытнице, Пиромине, Шундрах и др.

Ввиду того, что на рассматриваемой территории длинные курганы-валы не раскапывались, наши сведения о них ограничиваются тем, что это довольно часто встречающиеся погребальные сооружения до 80 м длины, иногда свыше 20 м ширины и до 2 м высоты с рвами у основания. При случайных работах в этих памятниках найдены кости и отдельные вещи⁴⁰.

Удлиненные курганы раскопаны в 14 пунктах. Это насыпи овальной и прямоугольной формы до 20 м длины, но чаще всего — 8—15 м. Ширина их редко превышает 10 м; высота около 1,5 м. Несколько выше обычного Пореченский курган № 1 «А» — 14,3 м длины, 10,3 м ширины и 2,5 м высоты⁴¹.

У основания насыпей сохранились оплывшие рвы, иногда прерываемые перемычками. В Понеманье рвы были сравнительно неширокими, в Поречье они достигали 1,2 м ширины при 0,5 м глубины⁴². Границы курганов намечаются угольным слоем (Машули)⁴³, иногда в основании его видна подстилка из белого озерного песка (Богин)⁴⁴.

В некоторых удлиненных курганах могильника Машули, а также в Довборах, на грунте и в насыпи обнаружены скопления камней. В одном из машульских курганов они составляли круг, внутри которого находились угли⁴⁵.

Обрядом погребения в удлиненных курганах Западной Белоруссии является трупосожжение, совершаемое вне кургана. Остатки кострищ

³⁴ Там же, стр. 97.

³⁵ Там же, стр. 44.

³⁶ У с. Чарна-Великая известна насыпь 19 м длины и около 11 м ширины; восемь овальных насыпей (16 м длины и до 1,40 м высоты) отмечены у дер. Збуч (см. Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губ., стр. 62—128).

³⁷ Ф. В. Покровский. Курганы на границе..., стр. 185, 186.

³⁸ Там же, стр. 202, 203.

³⁹ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губ., стр. 25.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Н. Сешак-Нолюбовичова. Указ. соч., стр. 188.

⁴² Н. Сешак-Нолюбовичова. Указ. соч., стр. 184.

⁴³ Ф. В. Покровский. Курганы на границе..., стр. 193.

⁴⁴ Там же, стр. 215.

⁴⁵ Там же, стр. 187, 204, 205.

обнаружены лишь в Пореченских и одном Довборском курганах⁴⁶. Чаще всего на грунте или в насыпи встречаются скопления древесных углей и золы.

Из 28 удлиненных курганов, в которых найдены остатки трупосожжений, в 14 обнаружены единичные трупосожжения, в 11 — двойные, а в двух — в Довборах и в Богине — три и четыре погребения.

Погребения располагаются по длинной оси кургана и находятся как в насыпи, так и на грунте. Пережженные кости в грунтовых ямах встречаются лишь в четырех случаях (курган № 1 и № 2 Машули, а также курганы Опса и Хотенчицы)⁴⁷.

Кальцинированные кости лежат прямо в земле, лишь в Опсе (курган № 7) они были в сосуде, помещенном на вершине кургана⁴⁸. Пережженные кости в кургане № 1 этого же могильника, а также в Бельмонте, Машулях и в Пореченском кургане находились под опрокинутым сосудом⁴⁹. В Черневичах, Хотенчицах и Довборах найдены также кости коня или какого-то другого крупного животного⁵⁰.

Находки вещей незначительны. Обычно это сосуд или его обломки со следами нагара, ножи, глиняные пряслица и немногочисленные украшения; вещи нередко обожжены или сломаны (рис. 15).

Большую часть находок составляет керамика. Из 20 полностью или частично сохранившихся сосудов почти все лепные горшки из красной глины с примесью дресвы; изредка встречаются миски.

Горшки небольших размеров (до 15 см высоты) лепленные ленточной техникой.

В Засвирском кургане № 16 горшок снаружи был обмазан глиной⁵¹

Обращает на себя внимание тот факт, что в удлиненных курганах встречается гончарная керамика. Так, в одном из черневичских удлиненных курганов с двумя сожжениями стояли восемь горшков частично обточенных на гончарном круге и украшенных линейно-волнистым орнаментом⁵².

Среди немногочисленных орудий и утвари, — ножи с толстым тыльем; нож из пореченского кургана № 5 принадлежит к типичным находкам так называемого курганного типа⁵³. Следует упомянуть также глиняные биконические и цилиндрические пряслица, кресало и точильный камень.

Оружие обнаружено лишь в Будранском, Лынтупском и Засвирском курганах. В Будранском — с двумя сожжениями — найдено по узкоклинковому (в одном случае с закраиной) топору и наконечнику копья с овальным пером. При первом сожжении был еще боевой нож⁵⁴. Подобный нож с обвитыми спиралью ножнами встречен в одном из лынтупских курганов⁵⁵. В кургане № 5 могильника у дер. Черневичи найдены железные удила⁵⁶.

Остальной инвентарь представлен бронзовыми украшениями. Это гривны с окончанием в виде конических пуговок, спиральный и пластинчатые браслеты, украшенные зубчиками и кружками, трапециевидные под-

⁴⁶ Ф. В. Покровский. Указ. соч., стр. 205; H. Сeһak-Ноҫубовицзowa. Указ. соч., стр. 184.

⁴⁷ Ф. В. Покровский. Курганы на границе..., стр. 187, 199; его же. Археологическая карта Виленской губ., стр. 25.

⁴⁸ Ф. В. Покровский. Курганы на границе..., стр. 201.

⁴⁹ Там же, стр. 182, 189, 190, 198.

⁵⁰ Е. Голубович и В. Голубович. Указ. соч., стр. 132; Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губ., стр. 25; его же, Курганы на границе..., стр. 205.

⁵¹ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии..., стр. 87.

⁵² Е. Голубович и В. Голубович. Указ. соч., стр. 136.

⁵³ H. Сeһak-Ноҫубовицзowa. Указ. соч., стр. 125, табл. III.

⁵⁴ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии..., стр. 139, 140.

⁵⁵ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов..., стр. 145.

⁵⁶ Е. Голубович и В. Голубович. Указ. соч., стр. 132.

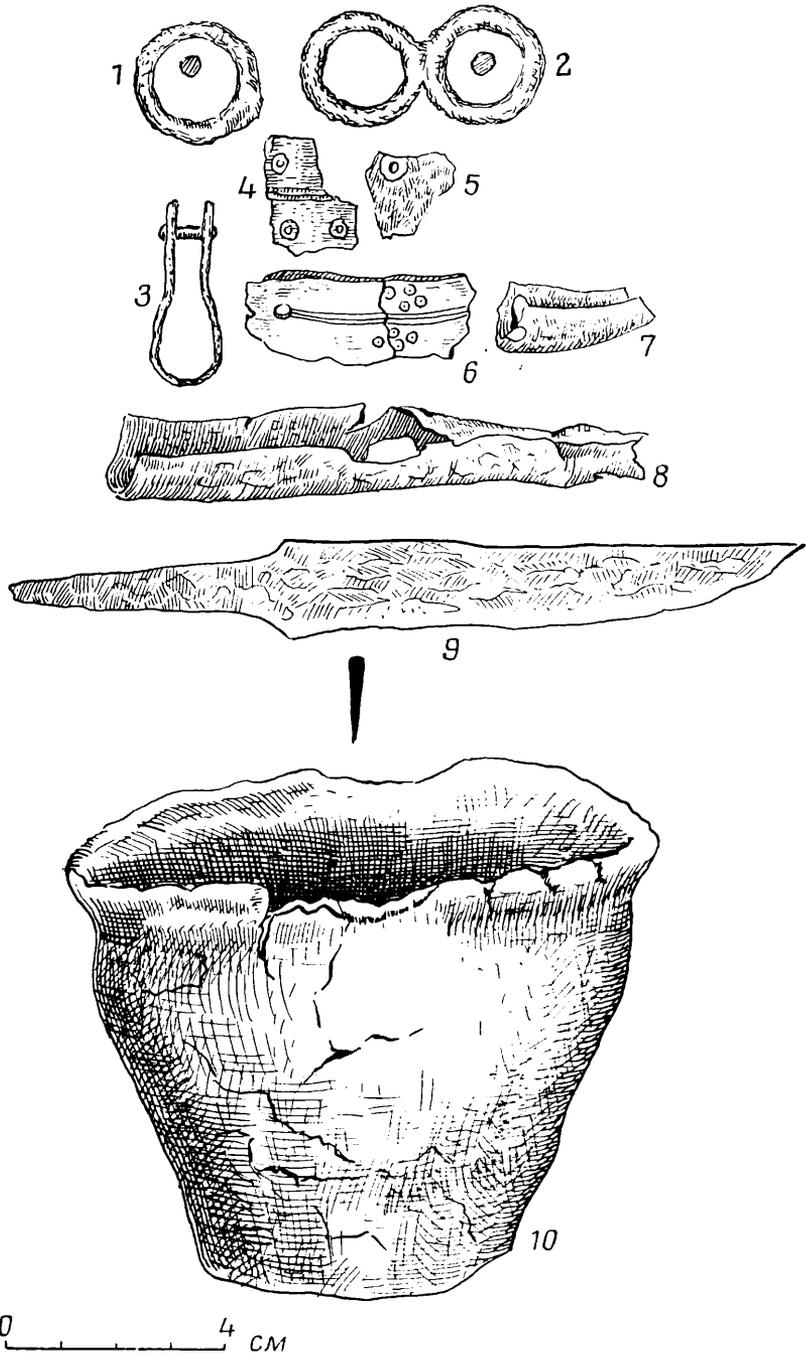

Рис. 15. Вещи из удлиненного кургана № 5 могильника Поречье

1—8 — подделки из бронзы; 9 — нож; 10 — лепной сосуд

вески с тиснением, перстень из круглой проволоки, подкововидная пряжка, бубенчики, спиральки, трубочки и др. Наряду с бронзовыми украшениями встречаются железные, такова изящная В-образная пряжка с рельефным орнаментом из Машули (рис. 16—1), прямоугольная пряжка со скругленными углами, а также железные трубочки.

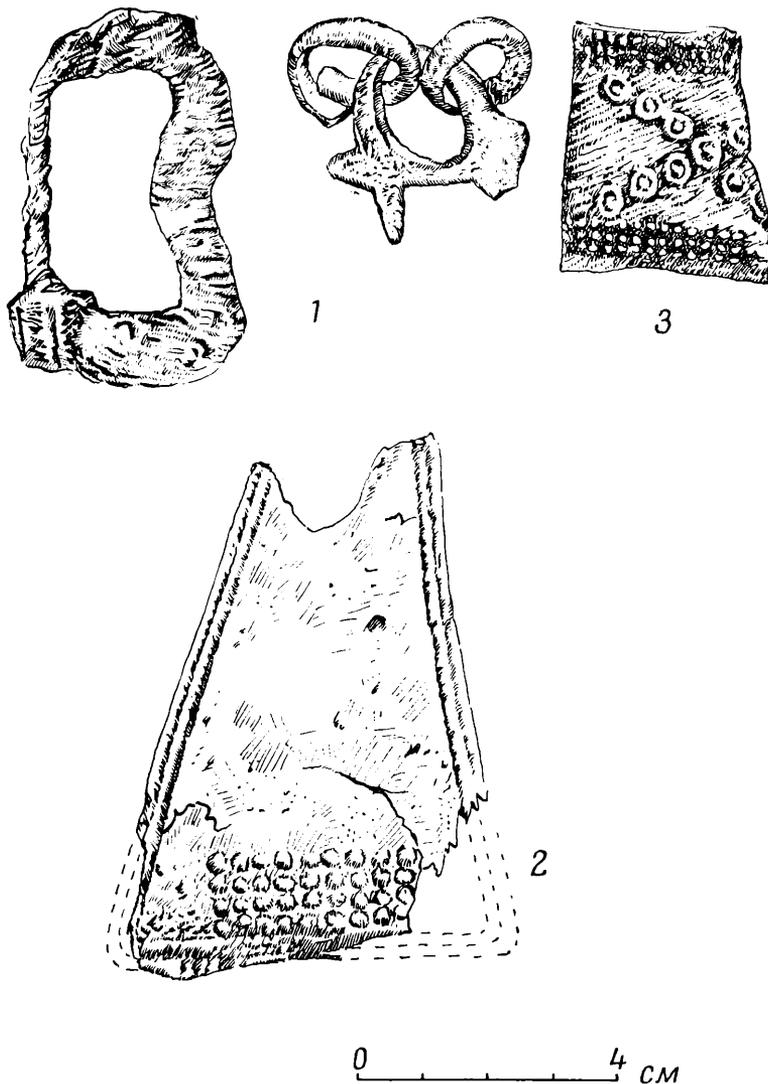

Рис. 16. Находки из удлиненных курганов в Западной Белоруссии
1 — Машули, курган № 6 (железо); 2 — Черневичи, (бронза); 3 — Машули, курган № 8 (бронза)

На фоне бедных находками удлиненных курганов, исключительным обилием бронзовых украшений выделяется Лынтупский курган № 4 с двумя сожжениями на грунте. При одном из них лежали три пластинчатые гривны, в том числе одна с шумящими подвесками, спиральный браслет, три спиральных перстня, две бляхи с тисненым орнаментом, 14 спиралек. Кроме того, там же найдены подвески-раковины. При втором сожжении — три гривны, две из них пластинчатые, а третья витая, 13 пла-

стинчатых браслетов, пять спиральных перстней, две бляхи с тиснением и обломки спиралей⁵⁷.

В числе находок из удлинённых курганов очень интересна часть арабской монеты середины X в., лежавшая среди сожженных костей в восточной полё кургана⁵⁸. Нельзя не отметить также и таких необычных для удлинённых курганов находок, как шаровидные гирьки от весов. Гирьки из железа, покрытого листовой бронзой. Они встречаются в одном из Довборских курганов (13,5 м длины и 10,5 м ширины) с двумя сожжениями. Вместе с гирьками при том же сожжении обнаружены: железная пряжка со скругленными углами, нож и обломки железа и бронзы. Там же найдена необожженная кость животного⁵⁹. Наиболее поздние комплексы удлинённых курганов Западной Белоруссии представлены Пореченским курганом № 1 «А» с арабской монетой, Довборским курганом с гирьками и Черневичским и Засвирскими с гончарной керамикой.

Судя по этим находкам, погребение с монетой датируется второй половиной X и, возможно, началом XI в. К этому же времени относится погребение, в котором обнаружены гирьки. Подобные гирьки по новгородским, рязанским, а также по находкам из владимирских курганов, датируются X—началом XI в.⁶⁰ К концу I и началу II тысячелетия следует отнести удлинённые курганы с гончарной керамикой, найденной в Черневичах и Засвири.

В Лынтупском кургане с многочисленными инвентарем и в Опсовском № 4 встречены гривны с шумящими подвесками и другие украшения, типичные для люцинских могильников, позволяющие отнести эти памятники к IX—X вв.⁶¹.

К более ранним комплексам относятся погребения с В-образной пряжкой (Машули) и Будранский курган с узкоклинковыми топорами. В-образная пряжка весьма близка пряжкам Колосковского клада⁶² и может датироваться VI—VIII вв., а узкоклинковые топоры, характерные для погребений Литвы — V—VIII вв.⁶³.

К наиболее ранней группе памятников следует причислить, по-видимому, погребения в яме. Они лишены инвентаря за исключением кургана в Хотенчицах, где найден опрокинутый сосуд⁶⁴. Их датировка может определяться лишь по соотношению с более поздними погребениями. Если комплексы с В-образной пряжкой и узкоклинковыми топорами датируются V—VIII вв., то погребения с сожжениями в ямах принадлежат, по-видимому, первой половине I тысячелетия н. э.

Несмотря на незначительный материал из удлинённых курганов западной Белоруссии, не вызывает сомнения, что подавляющая часть их аналогична таким памятникам более северной территории. Сходство проявляется в обряде погребения и в инвентаре. Устройство кургана, трупосожжение с помещением кальцинированных костей по длинной оси кургана, в ряде случаев опрокинутые сосуды над остатками сожжения характеризуют типично славянский обряд захоронения. Трапециевидные подвески с тиснением, спиральки и пряжки, а также керамика сближают эти памятники с более северными славянскими курганами.

В свое время автор публикации пореченских курганов Е. Цехак-Голубович пыталась видеть в курганах с сожжением скандинавские погре-

⁵⁷ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов..., стр. 142—147.

⁵⁸ Н. Сехак-Ноубовичова. Указ. соч., стр. 184.

⁵⁹ Ф. В. Покровский. Курганы на границе..., стр. 204, 205.

⁶⁰ А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 65.

⁶¹ Latviešu Kultūra senatne. Riga, 1937, табл. XLVI, 1—3.

⁶² ОАК за 1895 год. СПб., 1897, стр. 55.

⁶³ А. Таутавичюс. Восточная Литва в I тысячелетии н. э. (Автореферат). Вильнюс, 1954, стр. 12.

⁶⁴ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губ..., стр. 25.

бения⁶⁵. Однако славянская принадлежность их совершенно очевидна; об этом свидетельствуют лепные профилированные или раннегончарные сосуды с линейно-волнистым орнаментом и все остальные находки.

Среди удлиненных курганов Западной Белоруссии встречаются также памятники литовской культуры — это Будранский и Лынтупский курганы с оружием и богатым набором украшений.

Любопытной особенностью удлиненных курганов на рассматриваемой территории можно считать относительно позднее их бытование: до сих пор в литературе известны лишь датированные временем не позднее IX—X вв.⁶⁶ Между тем бесспорно, что Пореченский курган с монетой, Довборский (с гирьками) и другие (с вещами X—XI вв.) являются типичными удлиненными курганами.

Длинные и удлиненные курганы еще со времени А. А. Спицына рассматриваются в качестве памятников кривичского населения. Он писал: «Так как вне области кривичей длинных курганов вовсе не найдено, то очевидно, что в этих курганах мы имеем наилучшее пособие для решения вопроса о древнейшем расселении кривичей и их колонизаторских движениях»⁶⁷. В то же время карта распространения этих погребальных сооружений вплоть до Западного Буга указывает на более широкие границы, чем племенная территория кривичей, включая в себя и землю дреговичей. Западная граница распространения совпадает с наиболее западными границами курганных древностей дреговичей XII—XIII вв., которые раскапывались в Бельске Подляском (Мазовия, Польша)⁶⁸. В конце XIX в. славянские курганы с трупосожжением на этой территории исследовал Н. Авенариус⁶⁹. Не исключено, что между памятниками дреговичей в бассейне Зап. Буга и удлиненными курганами существует преемственная связь.

Приведенные пока еще немногочисленные данные позволяют, однако, прийти к следующим предположениям:

1. Границы распространения длинных и удлиненных курганов следует перенести с бассейна Западной Двины в бассейн Западного Буга.

2. Эти памятники служат местами захоронений в Западной Белоруссии вплоть до XI в.

3. Являясь типично славянскими погребальными сооружениями, удлиненные курганы распространяются в среде пограничного литовского населения.

4. Эти памятники характерны не только для кривичского, но и дреговичского населения.

Дальнейшее археологическое изучение удлиненных и длинных курганов в Западной Белоруссии поможет установить степень достоверности изложенных нами предположений.

⁶⁵ Н. Селак-Ноґубовицзова. Указ. соч.

⁶⁶ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 25; его же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 233; Н. Н. Чернягин. Указ. соч., стр. 95; С. А. Тараканова. Указ. соч., стр. 107.

⁶⁷ А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы. ЗОРСА, т. V, 1903, стр. 198, 199.

⁶⁸ K. Musianowicz. Przyczynki do osadnictwa mazowieckiego na Podlasiu w XII—XIII wieku. Światowit, т. XXI, 1955, стр. 272.

⁶⁹ Н. Л. Авенариус. Дрогичин Надбужский и его древности. МАР, № 4, 1890, стр. 19, 20.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ШУКЛИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Культурная общность северян и вятичей — двух соседних восточно-славянских племен — прослеживается с глубокой древности: она отмечена летописцем в «Повести временных лет». Археологические исследования Д. Я. Самоквасова и Б. А. Рыбакова в бассейне р. Сейм подтверждают летописные сведения о культурной общности этих племен. Для выяснения взаимоотношений между ними очень интересны археологические памятники, расположенные в северной части Курской области, бывшей пограничной территорией между северянами и вятичами. Поэтому в 1952—1953 гг. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР совместно с Курским областным краеведческим музеем были проведены небольшие раскопки на Шуклинском городище, расположенном в 8 км севернее Курска, у дер. Шуклинка, Стрелецкого района, Курской области.

Шуклинское городище и ранее неоднократно обследовалось археологами. В 1919—1921 гг. здесь проводил разведки Л. Н. Соловьев, отметивший наличие в слое двух типов керамики: позднезольничной и роменского типа. Последней он дал наименование «шуклинского» типа и считал ее финской¹. В 1947 г. городище обследовалось И. И. Ляпушкиным, заложившим шурф и выявившим керамику трех типов: так называемую зольничную и славянскую — лепную роменского типа и начала II тысячелетия н. э., сделанную на гончарном круге.

В 1948 г. на городище провела шурфовку О. Н. Мельниковская², причем в шурфе № 3 ею обнаружена часть землянки и найден обломок серебряного саманидского диргема первой половины X в.

Археологические разведки выяснили в основных чертах характер памятника и время его обитания. Систематические раскопки не предпринимались.

В 1952 г. городище обследовалось автором данной статьи. При зачистке разрушенного дорогой края городища, был вскрыт мощный культурный слой (0,8—1,0 м), в котором обнаружено большое количество фрагментов керамики роменского типа, а также небольшие целые сосуды. В северной части городища заложен раскоп (212 кв. м)³, и кроме того небольшой раскоп (100 кв. м) на селище, расположенном за валом. В 1953 г. на горо-

¹ Л. Н. Соловьев. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. Известия Курского губернского общества краеведения, № 4, 1926.

² Отчет О. Н. Мельниковской о разведках 1948 г. в Курской обл. Архив ИИМК АН СССР.

³ Раскопки ИИМК АН СССР и Курского областного краеведческого музея, при участии В. И. Самсонова, Ю. А. Липкина и Е. В. Недзвецкого.

дище (рис. 17) был разбит еще один раскоп (№ 2) площадью 416 кв. м и сделан разрез вала. Одновременно раскопан курган с трупосожжением, находившийся в курганной группе, в лесу, в полукилометре юго-западнее городища.

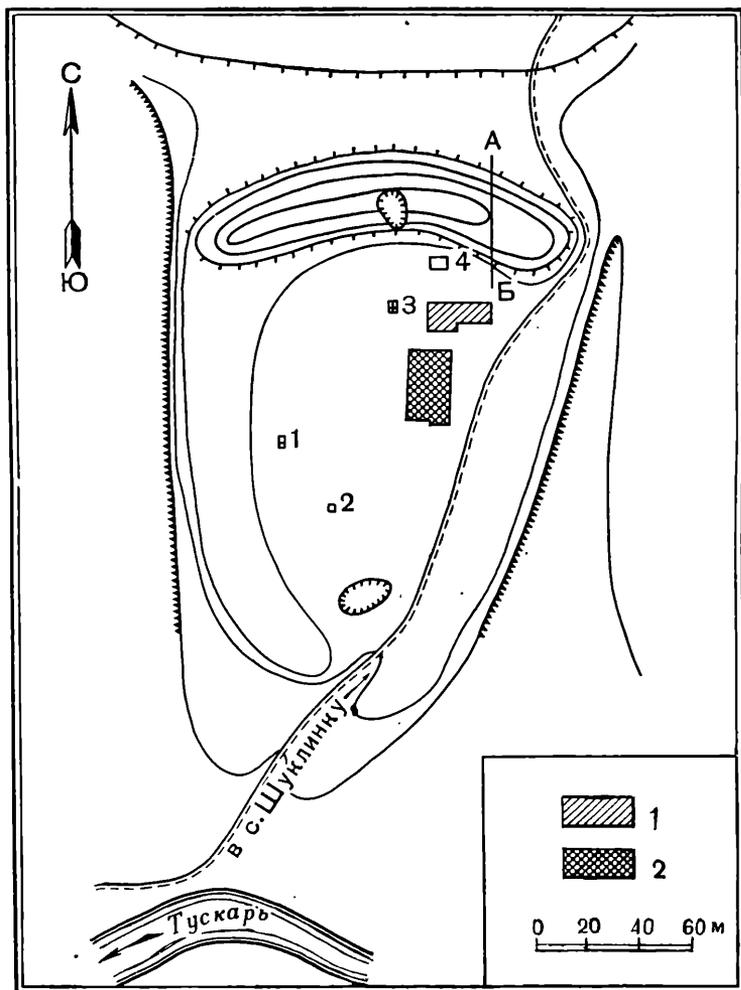

Рис. 17. План Шуклинского городища

1 — раскоп I (1952 г.); 2 — раскоп II (1953 г.); 1—3 — шурфы 1948 г.;
А—Б — линия разреза вала

Расположенное на мысу высокого правого берега р. Тускарь Шуклинское городище имеет форму неправильного овала, вытянутого с севера на юг (площадью 5850 кв. м), со значительным уклоном в южном направлении — к реке. Городище было укреплено высоким валом (6 м) и широким (25 м) рвом. Западная и восточная стороны окаймлены глубокими оврагами, поросшими густым лесом.

Ров в настоящее время превратился тоже в широкий овраг, заросший кустарником. Вся поверхность городища покрыта густым высоким кустарником, а также большими пнями, корни которых сильно нарушили культурный слой до глубины 0,4—0,5 м.

Раскоп I (1952 г.) заложен в северо-западной части городища, в 15 м к югу от вала и на таком же расстоянии к востоку от обрыва.

Раскоп II (1953 г.) — в 7 м к югу от раскопа I. Ориентированы раскопы по странам света. Общая площадь их равнялась 628 м, не считая разреза вала.

В результате раскопок выяснено, что культурный слой на вскрытой площади всюду аналогичен и состоит из двух напластований: гумусной земли и пердматериковой почвы (смесь гумуса с мергелем). Заполнения ям и землянок отличаются более темным цветом и большей примесью угля, золы, обожженной глины. Мощность культурного слоя различная. Так, например, в раскопе II наибольшая толщина его равнялась 0,9 м (северо-западная часть раскопа), а наименьшая — 0,3 м (юго-восточная часть).

Слой содержал отложения трех одновременных эпох: позднескифской, раннеславянской (конца I тысячелетия н. э.) и славянской (начала II тысячелетия н. э.)⁴.

Выявлены жилые сооружения в виде прямоугольных в плане полуземлянок с глинобитными печами, относящиеся к последним векам I тысячелетия н. э.

Попытаемся охарактеризовать ранний период существования поселка. Самым массовым материалом, как обычно, была керамика. В нижних пластах керамика позднескифского, или, как ее называет И. И. Ляпушкин — зольничного типа⁵. Это сосуды из светло-серой глины с примесью песка, довольно хорошо обожженные (толщина стенок от 4 до 7 мм). Характерный для них орнамент — ряд круглых сквозных отверстий или ряд выпуклин — «жемчужинки» (ямочные вдавления, нанесенные с внутренней стороны сосуда), расположенных у шейки.

Сосуды подразделялись на две основные формы: 1) крупные, с сильно отогнутым венчиком, как бы гофрированным по краю, орнаментированные защипами, насечками или вдавлениями; 2) баночной формы со слегка отогнутым венчиком и слабо профилированной шейкой, по венчику — насечки. У шейки «жемчужинки» — неглубокие ямки или сквозные редкие отверстия (рис. 18 — 1—4). Поверхность заглажена, днища обычно резко профилированы. Этот признак И. И. Ляпушкин считает характерным для керамики зольничного типа⁶.

Кроме перечисленных форм встречены маленькие сосудики, подобные найденным на Бельском и Юхновском городищах.

Аналогичная керамика известна на многих городищах бассейна р. Сейм, например, на Лысой Горе у дер. Погореловки, Льговского района, Курской области (раскопки автора 1953 г.); с. Воргола, Путивльского района, Сумской области; дер. Сухой, Рыльского района и с. Городище (Ратское), Бесединского района, Курской области (разведки И. И. Ляпушкина)⁷, на Ширьевском городище (раскопки В. А. Ильинской)⁸, и на Липинском (раскопки П. И. Засурцева)⁹, на скифском поселении в Полтаве (раскопки

⁴ Следует отметить, что в западной части раскопов обнаружено большое количество красных керамических изразцов с рельефными узорами. Изразцы эти принадлежат, по видимому, остаткам какого-то монастырского строения XVII в., стоявшего на городище (развал крупных нетесаных камней разной величины и формы в южной части кв. № 6). К этому же времени, очевидно, относится и фрагмент нарядно орнаментированного кувшина.

⁵ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 46 и сл.

⁸ В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сеймі. «Археологія», т. VIII. Київ, 1953, стр. 116, табл. II.

⁹ П. И. Засурцев. Отчет о раскопках Липинского городища. Архив ИИМК за 1952 год.

И. И. Ляпушкина)¹⁰, а также в нижнем горизонте Воротынцевского городища на р. Зуше¹¹.

Эта керамика датируется по-разному: от V в. до н. э. (В. А. Ильинская) до III в. до н. э. (И. И. Ляпушкин). На Шуклинском городище

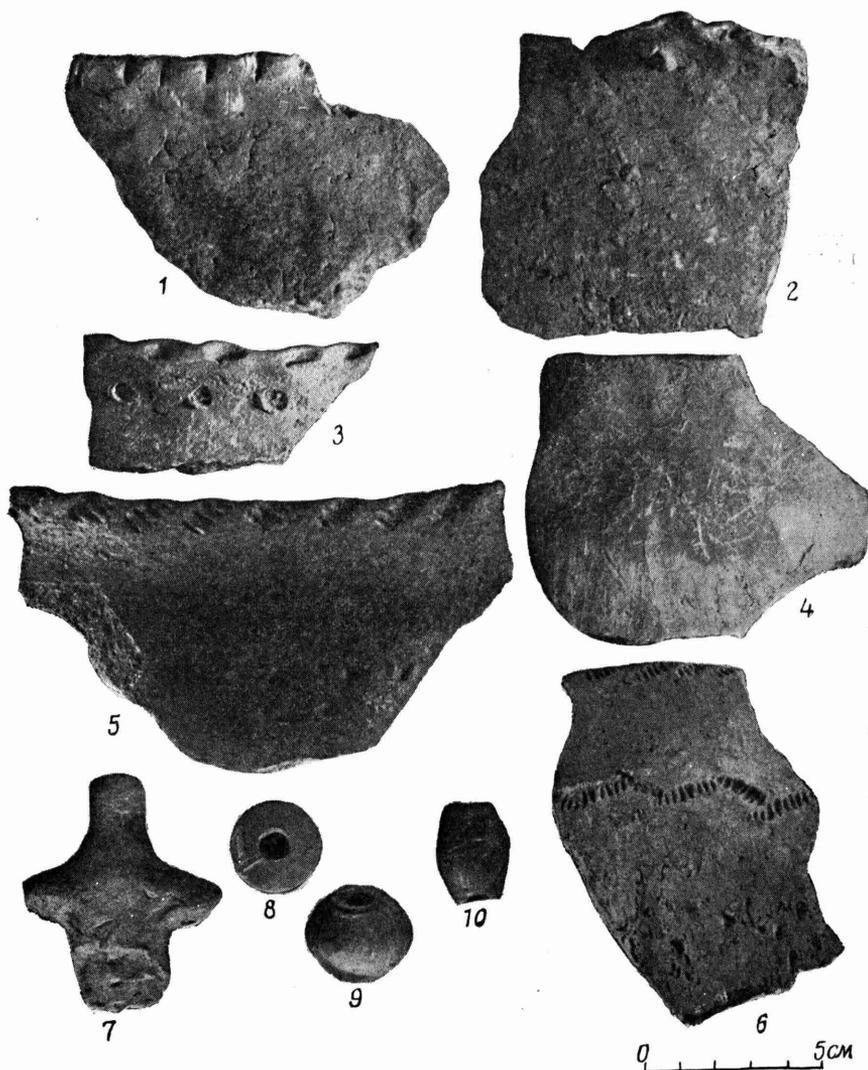

Рис. 18. Глиняные изделия с Шуклинского городища

1—4 — обломки сосудов из нижнего слоя; 5, 6 — обломки сосудов римского типа; 7 — фрагмент статуэтки; 8 — пряслице из черепка краснолакового сосуда; 9, 10 — грузики (10 — из мергеля)

она может датироваться довольно точно на основании найденных здесь двух пряслиц, из обломков краснолакового сосуда I в. н. э.¹² (рис. 18—8).

Следует упомянуть, что по всей площади раскопов и особенно в северной их части встречается большое количество кусков глиняной обмазки

¹⁰ И. И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949.

¹¹ Раскопки автора. См. Отчет о раскопках 1953 г. в Орловской обл. Архив ИИМК.

¹² Дату любезно определила мне И. Б. Зеест.

с отпечатками прутьев — обломки разрушенных стен жилищ. По всей вероятности, дома были наземными, глинобитными. Стены их делались из деревянного плетеного каркаса, обмазанного глиной. Обнаружены остатки разрушенных очагов в виде скоплений угля и золы (угольно-зольные пятна овальной формы). Жилища подобного типа также известны на некоторых позднескифских поселениях¹³.

Находки вещей немногочисленны. К ним относятся упомянутые выше пряслица из фрагмента краснолакового сосуда, пряслица и грузики из глины и мергеля (рис. 18—9, 10) бронзовые, проволочные браслеты (рис. 19—1, 2), обломок глиняной статуэтки (рис. 18—7). Возможно, что к этому же времени относятся и пряслица, сделанные из обломков сосудов черного лощения.

Таковы керамика, инвентарь и остатки жилищ, характеризующие культуру первых обитателей Шуклинского поселения. Далее, в течение длительного периода, поселение было необитаемо.

Лишь в конце I тысячелетия н. э. жизнь здесь возобновилась. Жилища, керамика и инвентарь, оставленные населением, уже иные.

Особенностью жилищ этого периода является то, что они вырыты в культурном слое и лишь незначительно углублены в материк. Исключение составляет землянка № 3 (раскоп II), вырытая только в культурном слое и не заходящая в материк.

Отметим, что с южной стороны около трех землянок (№ 1, 2, 3) сохранились очажные ямы, по-видимому, летние очаги. Аналогичные ямы разрушенных очагов открыты при раскопках на Кузнецовском городище¹⁴ и на славянском поселении в Полтаве¹⁵.

В раскопе I нами обнаружена одна землянка (или полуземлянка) № 1. Темное пятно ее появилось на уровне третьего пласта. В плане она прямоугольной формы (3,6 × 2,7 м), глубина от уровня горизонта — 0,7—0,8 м. Заполнение состояло из черной земли, содержащей уголь, золу, керамику и некоторый инвентарь.

В юго-западном углу землянки обнаружена яма округлой формы диаметром 0,35 м и глубиной 0,4 м. На дне лежали мелкие камни неправильной формы, на которых стоял конус из обожженной глины, вершина его была ниже пола. В других углах вскрыты ямки от столбов глубиной 25—35 см, диаметром 20—30 см. В северо-западном углу расчищена довольно хорошо сохранившаяся глинобитная печь (рис. 20—1).

Печь, сооруженная без деревянного каркаса, стояла на специально оставленном возвышении из мергеля. Устье ее находилось с восточной стороны и поднималось над уровнем пола на 5—7 см. Перед устьем печи и внутри нее обнаружено большое скопление обломков сосудов, костей животных, слабо обожженных глиняных конусов и ядер. Свод почти не сохранился; уцелела только незначительная часть стенок, возвышавшихся над глиняной обмазкой пода, толщина которой была около 5 см. С юго-западной и северо-восточной сторон печи прослежены ямки от столбов, но меньшего диаметра, чем по углам землянки. В землянке найдены только черепки сосудов (около печи).

Землянка № 2 (раскоп II) квадратной формы (3,2 × 3,2 м), но западный угол прослеживается нечетко (рис. 20—2). Глубина ее 0,75—1,0 м, причем на 0,5 м от дна идет материковый мергель. Яма землянки была заполнена гумусной землей, содержащей значительное количество золы, угля, обожженной глины, костей домашних животных, рыб, обломков керамики. Дно выровненное, немного покато к юго-востоку.

¹³ В. А. Іллінська. Указ. соч. стр. 112 и сл.

¹⁴ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 100, 101.

¹⁵ І. І. Ляпушкін. Указ. соч., стр. 66.

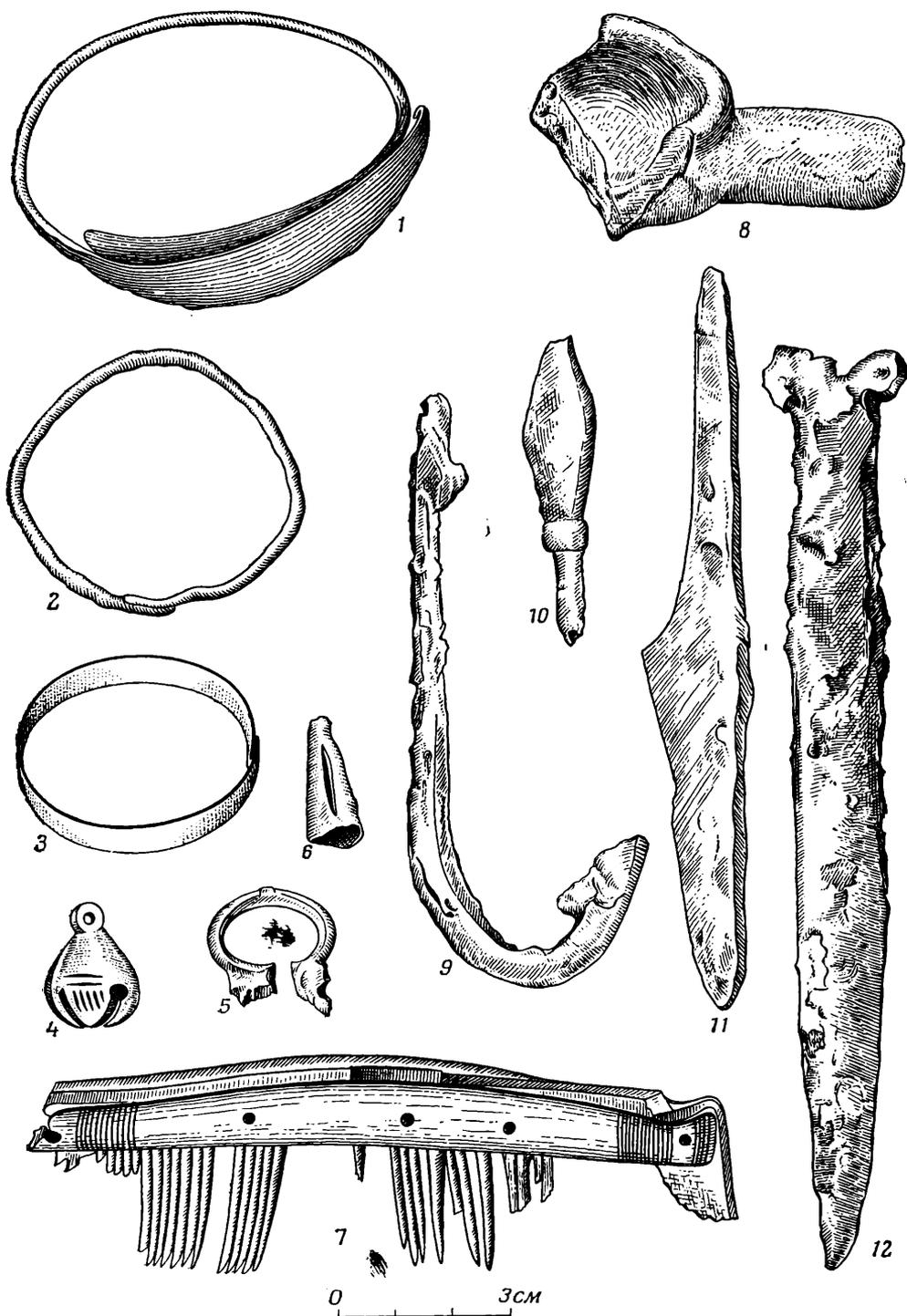

Рис. 19. Вещи с Шуклинского городища

1, 2 — бронзовые браслеты из нижнего слоя; 3 — бронзовый браслет; 4 — бубенчик; 5 — поясная пряжка; 6 — подвеска; 7 — костяной гребень; 8 — обломок глиняной ляльки; 9 — железный крючок; 10 — железный наконечник стрелы; 11, 12 — железные ножи

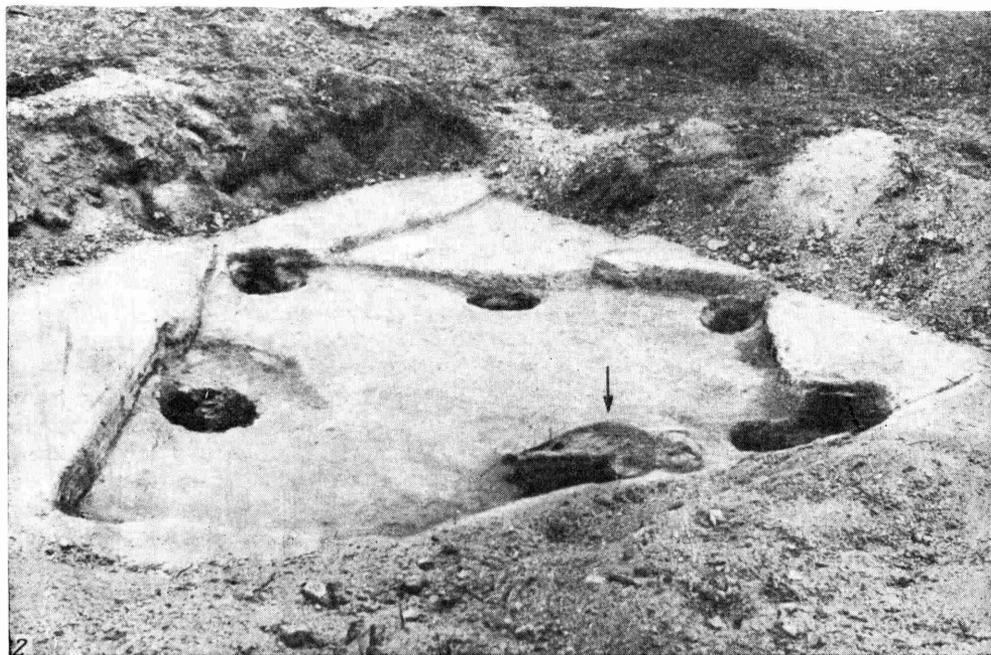
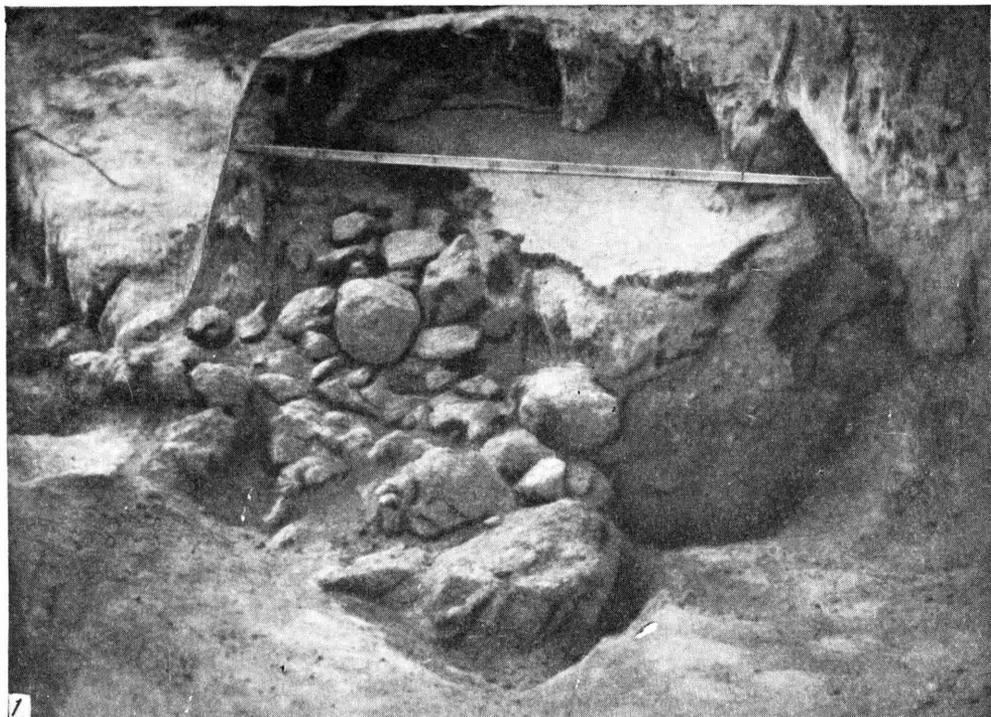

Рис. 20. Землянки, открытые на Шуклинском городище

1 — землянка № 1, развал печи; 2 — землянка № 2, вид на уровне материка; стрелка показывает на остатки печи

В западном углу обнаружены остатки глинобитной печи с золой и углем внутри, сооруженной из обожженной докрасна глины и керамических конусов (см. рис. 21). Она возвышалась над полом на 0,3 м и стояла на глиняной подставке толщиной 7—10 см. Размер сохранившейся части печи — 55 × 55 см. К югу от нее расположена яма овальной формы, размером 0,9—0,84 м, глубиной 0,27 м от пола землянки и частично выходящая за ее границы.

В заполнении землянки найдены глиняные пряслица, лепная керамика, иногда орнаментированная, обожженные кости животных.

В полу обнаружены ямки от столбов. По углам и в середине сторон также прослежены ямки от столбов диаметром 27 см и глубиной 30—35 см, причем у середины стен — ямки от сдвоенных столбов.

Ямка от столба (диаметром 0,3 м) обнаружена и в упомянутой выше овальной яме. К югу от землянки прослежены остатки круглого в плане очага (обожженная глина, уголь, зола) диаметром в 1 м.

Жилище № 3 сохранилось хуже предыдущих и прослеживается нечетко. Возможно, оно также имело прямоугольную в плане форму и ориентировано так же, как и землянка № 2. Жилище № 3 не врезается в материк и вырыто в культурном слое, глубина его всего 0,35 м. В материке остались только ямки от столбов, отмеченные в западном (диаметр 24 см), южном (диаметр 30 см) и восточном (диаметр 20 см) углах. Судя по расположению угловых столбов, длина жилища равнялась 3 м, а ширина 2,5 м. Стены были расположены параллельно стенам соседней землянки № 2. В центре отмечено слабо очерченное пятно обожженной глины, угля и золы.

Описанное жилище — более легкое, чем землянки, наземное сооружение; возможно, просто навес, подобный известным на Б. Боршевском городище¹⁶. К югу от него обнаружены остатки круглого в плане очага.

Землянка № 4 в плане отличается от первых двух. Она включает комплекс ям, соединенных между собой, но ориентирована так же, как и первые две. Прослеживаются только общие контуры — четыре ямы и остатки глинобитной печи, очевидно, составлявшие землянку прямоугольной формы (рис. 21). Печь, находившаяся у западной стены, сохранилась плохо: в виде развала кусков обожженной глины, угля и золы. Ямок от столбов, кроме одной (диаметром 0,25 м) проследить не удалось. С восточной стороны к землянке примыкали две соединенные между собой ямы, глубиной 1,04 и 0,9 м. Возможно, что они так же, как и остатки очага в северной части, относятся к более раннему времени и были разрушены при сооружении жилища. К югу от землянки обнаружены остатки круглого в плане очага (уголь, зола).

Землянка № 5 прямоугольной формы, вытянута с запада на восток. Размер ее 3,5 × 2,75 м. В отличие от предыдущих (№ 2, 3, 4) она ориентирована по странам света (так же, как и № 1 в раскопе I). Глубина землянки от уровня горизонта 0,6 м. В западной части сохранились остатки глинобитной печи: круглое в плане диаметром 1,5 м пятно обожженной глины и скопление угля и золы. В восточной части вскрыта овальная яма (1,5 × 1,3 м) глубиной от уровня пола 0,34 м, имевшая, по-видимому, хозяйственное значение.

В юго-западной части, против подпечной ямы, обнаружен выступ размером 1,0 × 0,8 м, возвышавшийся над уровнем пола на 0,3 м. Очевидно, это ступенька входа.

Заполнение землянок состояло из черной земли, содержащей фрагменты лепных сосудов роменского типа и очень немногочисленный инвентарь (глиняные пряслица, грузики, железные ножи и т. п.). В землянке

¹⁶ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 18, 19; рис. 5.

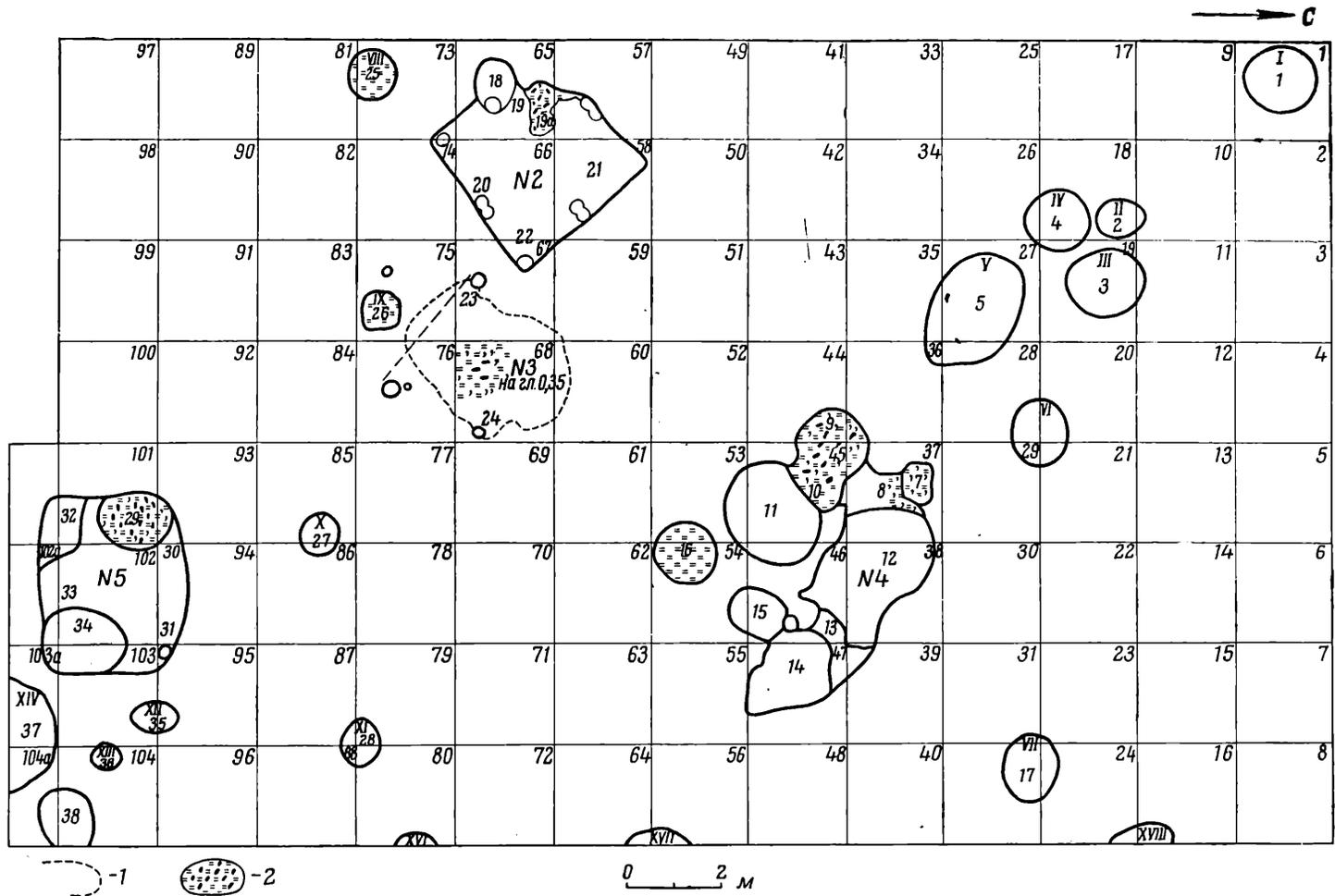

Рис. 21. План раскопа II на уровне материка

1 — границы землянки № 3 на глубине 0,35 м; 2 — развал печи в землянках № 2, 4, 5

№ 5 встречались фрагменты позднескифской керамики с орнаментом в виде «жемчужин» или сквозных отверстий. На глубине 0,6 м найдено маленькое дисковидное пряслице, изготовленное из фрагмента римского краснолакового сосуда. Здесь же, на глубине 0,4 м, встречен железный однолезвийный нож, железная рукоятка которого завершается двумя волотками и орнаментирована насечками (рис. 19—12). Подобные ножи среди восточнославянских древностей неизвестны.

К какому времени относятся рассмотренные нами землянки? Как упоминалось выше, в их заполнении находки предметов быта были немногочисленны, датирующие же вещи не найдены. Основным материалом, на основании которого можно датировать жилища, служит лепная керамика, характерная для городищ роменского типа. Бытование этой керамики относится к VIII—X вв. Для определения верхней даты может служить саманидский дирхем X в., найденный О. Н. Мельниковской во время разведок в 1948 г.

Несмотря на то, что культурный слой городища очень нарушен, все же можно отметить, что культурные остатки наиболее ранней эпохи найдены преимущественно в нижнем горизонте, а инвентарь, характерный для конца I тысячелетия н. э. и начала II тысячелетия н. э., в верхнем.

Керамика верхнего горизонта представлена фрагментами толстостенных лепных сосудов, иногда резко профилированных, изготовленных из серой глины с примесью дресвы и довольно хорошо обожженных; поверхность их чаще шероховатая, иногда заглажена. Подавляющее большинство сосудов без орнамента, но иногда на плечиках нанесен веревочный или зубчатый орнамент, расположенный в виде зигзагов, косого креста и т. п. (рис. 18—5, 6). Диаметр горла сосудов варьирует от 12 до 29 см, высота — от 15 до 35 см. Эта керамика хорошо известна по материалам городищ роменского типа, расположенных по Сейму, Ворскле, Пслу¹⁷. Подобная же керамика найдена и на некоторых поселениях бассейна верхней Оки¹⁸ и среднего течения Дона¹⁹.

Найденные в верхнем горизонте предметы гораздо многочисленнее и разнообразнее, чем в нижнем.

Среди глиняных изделий следует отметить различной формы пряслица, грузики от ткацкого станка, конусы, лячки (рис. 19—8), тигли, шарики, грузила от сетей и т. п. Интересна находка глиняного блока в виде пирамидки с поперечным сквозным отверстием и незначительным углублением в верхней части. Высота пирамидки 5,5 см.

Аналогичные пирамидки, но несколько большего размера, найдены на Кузнецовском городище²⁰. Назначение их пока не выяснено. Отметим также глиняное грузило в виде четырехгранной пирамиды (высотой 10,5 см), две грани которой широкие, а две узкие. Поверхность одной из широких граней сплошь орнаментирована неглубокими ямками, а в верхней части узкой грани — сквозное отверстие (рис. 22—3).

Из железных изделий встречены ножи, шилья, наконечник стрелы ромбической формы (рис. 19—10, 11), часть цилиндрического пружинного замка, зубило, маленькая наковальня, рыболовные крючки (рис. 19—9).

¹⁷ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 55; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 29, рис. 15; стр. 31, рис. 16.

¹⁸ Селище Лебедка на р. Цон, Воротынцевское городище на р. Зуше, Федяшевское городище на р. Оке и др. см. Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской обл. КСИИМК вып. 53, 1954.

¹⁹ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч. (Большое Боршевское городище), стр. 38, 39, табл. I, II.

²⁰ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 106.

Заслуживают внимания железный сошник хорошей сохранности (рис. 22—1), найденный на раскопе I неподалеку от землянки № 1. Длина его 16 см, длина рабочей части 10 см, ширина рабочей части 9 см, внутренний диаметр втулки—5 см, расстояние между «крыльями»—2,5 см. Аналогичный нашему по форме и размерам сошник найден в 1952 г. И. И. Ляпушкиным на Новотроицком городище IX в. (р. Псел) ²¹.

Опубликованный Д. Я. Самоквасовым в атласе Гочевских древностей сошник аналогичен по форме, но несколько больших размеров (общая длина—22 см, длина рабочей части—13 см, ширина рабочей части—11 см, диаметр втулки 8,5 см, расстояние между крыльями—6 см) ²².

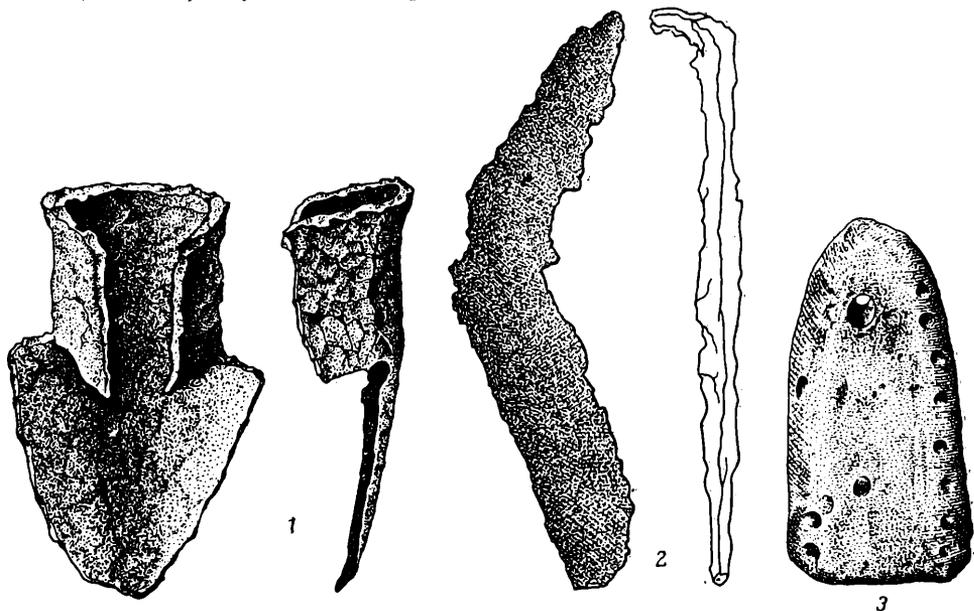

Рис. 22. Находки на Шуклинском городище

1—железный сошник; 2—обломок косы-горбуши; 3—глиняное грузило

Другая важная находка—обломок косы-горбуши (рис. 22—2).

Бронзовые изделия представлены главным образом предметами украшений и поясного набора: браслеты, бусина-пронизка, коническая привеска, бубенчик с крестообразной прорезью, поясные пряжки и т. п. (рис. 19—3—6).

Изделия из кости немногочисленны. Это проколки и шилья, просверленные клыки медведя и астрагалы. В раскопе II найден костяной односторонний гребень, обычной для славянских древностей формы (рис. 19—7). Такие гребни хорошо известны, например, в нижних слоях Новгорода ²³, в древностях Пскова ²⁴, в поселениях верхней Оки (Федяшевское городище) ²⁵.

²¹ И. И. Ляпушкин. Доклад на секции Славяно-русской археологии в апреле 1953 г. Сессия ИИМК АН СССР.

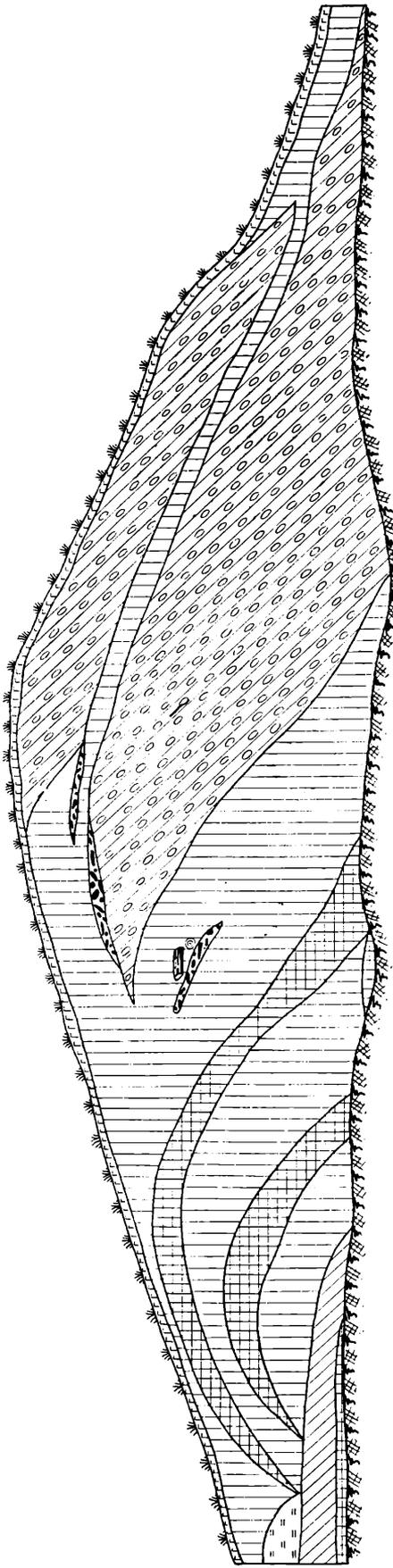
²² Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. I-а, 12.

²³ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, рис. 12—3.

²⁴ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII 1950, стр. 51, рис. 24—5.

²⁵ ГИМ, III отдел, коллекция 43/96, № 4.

Западная сторона

Восточная сторона

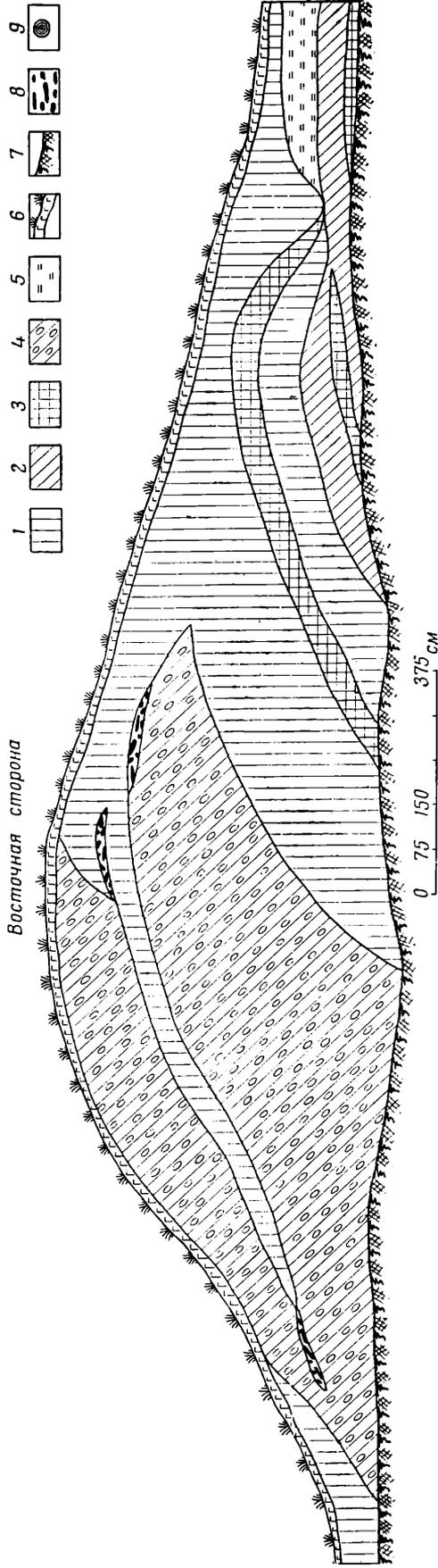

Рис. 23. Разрез вала Шуклинского городища

1 — слой с примесью мергеля; 2 — черносем; 3 — измальченный мергель; 4 — каменная забутовка; 5 — обожженная глина; 6 — гумус; 7 — материк; 8 — уголь; 9 — дерево

Раскопки вала. Кроме раскопок площадки городища, велись исследование вала, который был прорезан в направлении с севера на юг траншеей шириной 2 м и длиной 34,5 м (раскоп III).

Вал Шуклинского городища представлял собой мощное оборонительное сооружение высотой 6 м (рис. 23). Насыпь со стороны городища состояла из культурного слоя, в котором найдено довольно большое количество фрагментов керамики позднескифского и роменского типа, на основании чего можно заключить, что строительство вала происходило в период VIII—X вв. Особенно надежно была укреплена внешняя часть со стороны рва. Здесь от основания и до вершины она состояла из нагромождения крупного камня (известняка). Величина отдельных камней достигала 0,5—0,6 м. В верхней части (ближе к гребню), на глубине от 1 до 2 м от вершины, насыпь вала была укреплена довольно мощными деревянными сооружениями (прослойки обугленных бревен толщиной 0,2 м), по-видимому, деревянными настилами. Со стороны площадки городища в насыпи обнаружена прослойка обожженной глины толщиной 0,6 м.

Раскопки Шуклинского городища позволили установить следующее: 1) наиболее раннее неукрепленное поселение, возникшее здесь, относится ко времени первых веков н. э. (датируется пряслицами из фрагментов краснолаковой римской керамики). Существование раннего поселения было, по-видимому, кратковременным, однако несомненны его связи с внешним миром, в частности, с Приднепровьем и Причерноморьем (пряслица из фрагментов краснолаковых и чернолощенных сосудов).

Возникновение более позднего укрепленного поселения относится, очевидно, к концу I тысячелетия н. э. Наиболее интенсивной жизнь была, вероятно, в VIII—X вв. Об этом свидетельствует основной инвентарь городища (предметы быта, украшения, керамика роменского типа) и жилища — прямоугольные в плане землянки с глинобитными печами.

Говоря о жилищах, разумеется, нельзя утверждать, что все они одновременны. Можно полагать, что сооружение их относится к разному времени. Косвенным свидетельством этого служит различная ориентировка землянок, открытых в раскопах I и II. Землянки № 1 и № 5 — ориентированы точно по странам света, в то время как стены землянок № 2, 3, 4 идут в направлении с северо-запада на юго-восток. Какие из жилищ относятся к более раннему времени и какие к более позднему — сказать трудно.

2) Найденный при раскопках инвентарь (орудия сельского хозяйства, предметы быта, украшения, керамика) характеризует не только многообразие хозяйственной деятельности жителей поселка (земледелие, скотоводство, рыбная ловля), но и свидетельствует о том, что культура его обитателей, имевшая много общих черт с культурой остального населения бассейна р. Сейм, достигла в это время довольно высокого уровня. Ведущей отраслью хозяйства в конце I тысячелетия н. э. было, несомненно, пашенное земледелие (железный сошник, коса-горбуша).

Населено Шуклинское городище было славянами, вероятнее всего из племени северян, носителями так называемой культуры «роменского типа». Культура эта, по-видимому, распространялась более широко, не только на территории северян, так как многие черты ее можно проследить и у соседнего племени вятичей. Например, жилища, толстостенная лепная керамика с веревочным орнаментом, орудия сельского хозяйства, обнаруженные на Шуклинском городище, находят себе полную аналогию в материалах раскопанного нами селища VIII—X вв. у дер. Лебедки на р. Цон (Урицкий район, Орловской области). Недаром отмечает летописец, что «радимичи, вятичи и север один обычай имяху»²⁶.

²⁶ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 15. (Подчеркнуто мною. — Т. Н.).

В. В. СЕДОВ

ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ ИЗ РАСКОПОК В Г. ВЛАДИМИРЕ

В 1955 г. археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, работавшая под руководством Н. Н. Воронина по поручению и на средства Владимирского областного краеведческого музея, в различных районах города Владимира заложила девять небольших раскопов разведывательного характера. В одном из них, расположенном на крутом спуске к р. Клязьме по Октябрьской улице, вскрыта и исследована гончарная печь.

Северо-восточная часть печи находилась всего на глубине 0,3—0,4 м от поверхности. Весной 1955 г., при нивелировке территории трансформаторной подстанции, рабочие случайно открыли верхнюю часть печи и сообщили об этом во Владимирский музей. Юго-западная половина печи находилась за оградой подстанции; верхняя часть вскрыта здесь на глубине 0,8—1,2 м под серым аморфным слоем, неоднократно перекопанным. В нем обнаружены обломки красной и черной лощеной керамики вместе с обломками керамики XIX—XX вв. и осколками современного стекла. Расширение раскопа в западном и северном направлениях показало, что культурный слой здесь полностью нарушен.

Археологическим исследованием установлено, что гончарная печь выстроена на крутом материковом склоне к р. Клязьме. Ко времени сооружения горна склон был несколько сnivelирован напластованием желто-серого культурного слоя, содержащего мелкие угольки и темносерые включения. Перед постройкой в материке (плотная глина темно-желтого цвета) и частично в желто-сером культурном слое была выкопана круглая в плане яма с горизонтальным дном, в которой и была сооружена нижняя часть. Диаметр ямы и следовательно основания горна 1,85 м, глубина 0,7—0,75 м. Другими словами, основание в период работы горна находилось на 0,7 м ниже современной дневной поверхности.

Печь целиком сложена из красновато-желтой глины, впоследствии сильно прокаленной; внутренние стенки покрыты коркой стекловидной массы, свидетельствующей о высокой температуре, достигавшейся при рабочем процессе.

Горн принадлежит к типу двухъярусных (рис. 24—1, 2), известным по раскопкам других древнерусских памятников. Толщина дна и стенок его около 20—25 см. Нижний ярус — топочная камера в плане круглая, диаметром около 1,2—1,3 м. В середине ее находился овальный (0,4 × 0,6 м) опорный столб — («козел»), сложенный из такой же глины что и сама печь. Топка представляла собой кольцеобразный канал с длинным выходом — устьем, через который производилась загрузка дровами (рис. 25). Ширина канала около 0,4—0,5 м, ширина устья — 0,3 м. Боковые стенки топки дугообразны и переходят в сводчатый верх. Высота нижней камеры 0,4—0,5 м. Под был покрыт слоем плотно сле-

Рис. 24. Гончарный горн

1 — вид со стороны топочного устья; 2 — «под» обжигательной камеры

жавшейся золы. Верхняя часть устья не сохранилась. По-видимому, устье горна имело такое же сводчатое перекрытие, как и канал. Юго-западнее горна (близ устья) вскрыта яма глубиной около метра, вырытая, надо полагать, для удобства загрузки топочной камеры. Размеры ее проследить не удалось.

Верхний ярус — обжигательная камера — сохранился плохо. Ярусы были разделены горизонтальной перегородкой (черенем)¹, сделанной из глины, толщиной от 12 до 14 см. Центральная часть череня опиралась на столб топочной камеры. Верхняя поверхность череня — под обжигательной камеры — горизонтальная, круглая в плане, диаметром около 1,45—1,50 м. Обжигательная камера соединялась с топочной несколькими овальными

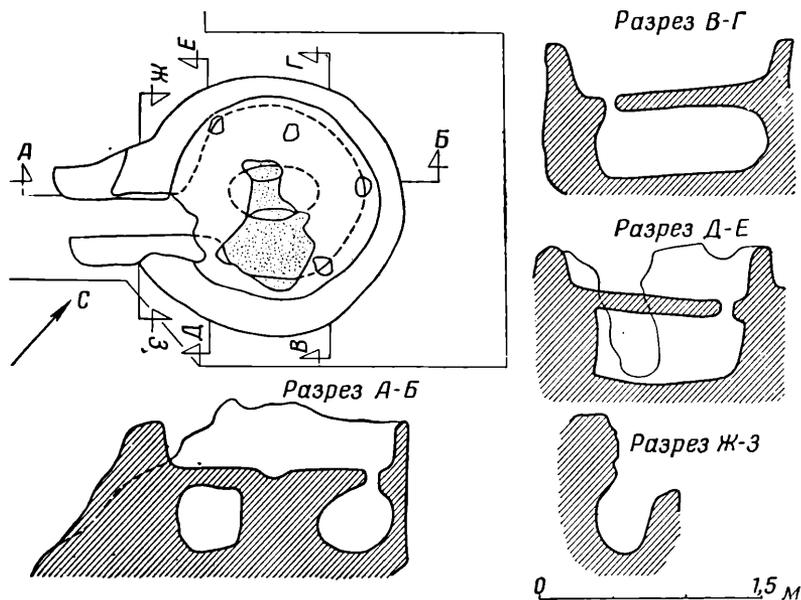

Рис. 25. План и разрез горна

или круглыми отверстиями — продухами. Их размеры в поперечнике около 9—12 см. Продухи располагались по окружности череня на расстоянии около 0,5 м друг от друга. Сохранилось только четыре таких продуха, вероятно, их было шесть, остальные уничтожены проломами. Кроме того, два или три продуха (сохранилось лишь только два и то частично) находились вокруг опорного столба. Стенки обжигательной камеры уцелели в высоту на 0,3—0,4 м. Самая верхняя часть полностью разрушена. Восстановить ее можно лишь гипотетически, по аналогиям с подобными горнами, открытыми на Донецком городище, имевшими куполообразные перекрытия². По своей конструкции владимирская гончарная печь очень близка также двухъярусным горнам, которые открыты в г. Болгарах (в районе Голландского озера) в слое XIV в.³, и горну XV в. из раскопа № I в Москве⁴.

¹ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 345.

² О. Федоровські. Археологічні розкопки в околицях Харків. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, Київ, 1930, стр. 6, 7.

³ О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 340—368.

⁴ В. А. Мальм. Горны московских гончаров XV—XVII вв. МИА, № 12, 1949, стр. 44—48. Другие гончарные горны, открытые в Москве, имели опорные столбы с внутренним каналом, предназначенным для разбивания пламени и равномерного распределения его по топочной камере.

Гончарные печи Вщижа и Райковецкого городища были такого же двухъярусного устройства, но без опорного столба в центральной части топочной камеры⁵.

Верхняя часть владимирского горна заполнена обломками керамики, среди которой преобладали черепки красной лощеной посуды. Казалось — это последняя продукция горна (как и во Вщижском). Однако при детальном анализе материала выяснилось, что обломки красной керамики, собранной в горне и около него, не подбираются в сосуды и даже в более или менее крупные куски. В горне встречено также небольшое количество иной керамики. По-видимому, после того как горн перестал функционировать, его использовали для свалки обломков глиняной посуды, разбитой при обжиге в соседних горнах. В Болгарах около гончарных печей была вскрыта яма для сбрасывания брака производства⁶. Во Владимире для этой цели служил разрушенный горн. В нем и возле него собрано до 1400 обломков красной или красновато-коричневой керамики в том числе 88 обломков от разных днщ и 18 ручек. Около 20 фрагментов найдены ошлакованными. Вся посуда была изготовлена на ручном гончарном круге. Черепок в изломе красный, реже красно-бурый или трехслойный с бурой серединой и темно-красными краевыми прослойками. Черепок прочный, звонкий, хорошего обжига, толщиной 4—6 мм. Глиняное тесто без примесей. Поверхность темно-красная или красновато-коричневая. Около двух третей общего количества обломков лощеные, в большинстве случаев вертикальными полосами, реже встречается наклонные или крестообразные лощения (рис. 26 — 14—17). Очень часто сосуды покрывались различными узорами, наносимыми палочкой или гребенчатыми штампами (рис. 26 — 1—13). Лощение, как правило, начинается ниже орнаментального пояса и иногда продолжается до дна. (На 48 обломках днщ со стенками видно лощение, продолжавшееся до дна). Изредка вертикальные полосы лощения пересекают и орнаментальный пояс.

Свыше половины обломков сосудов этого типа принадлежат высоким широкогорлым кувшинам с одной ручкой (найденно два цельных горла таких кувшинов с ручками). Венчик прямой, иногда с рифленой внешней поверхностью, шейка высокая, тулово округлое (рис. 27 — 1, 2). Орнамент на кувшинах чаще всего линейный, есть и неорнаментированные сосуды. Некоторые кувшины имели по плечикам и тулову глубокие вертикальные борозды. Высота кувшинов — 30—40 см, диаметр горла от 8 до 12 см, днщ — 10—16 см.

Остальные обломки — широкогорлых горшков средних размеров (диаметр шейки 14—18 см) с высоким прямым или слабо отогнутым венчиком, округлым туловом и высокими плечиками. Как правило, горшки богато орнаментированы по плечикам, а вертикальные полосы лощения расположены ниже орнаментального пояса. Впрочем, часто встречались и нелощеные сосуды.

Наряду с красной керамикой в горне собрано 37 обломков совершенно иной посуды. Обжиг этих сосудов слабый, черепок легко ломается, не звонкий, в изломе оранжевый. Глиняное тесто с примесью мелко толченой раковины. Толщина стенок — 5—6 мм, поверхности их серо-желтые, шероховатые. Немногочисленные и небольшие по размерам обломки затрудняют определение форм сосудов. По-видимому, это были небольшие по размерам горшки (диаметр шейки около 12—14 см) с несколько отогнутым и утолщенным на конце венчиком, округлым туловом и высокими плечиками (рис. 27 — 3). Волнистый орнамент встречен только на одном фрагменте.

⁵ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 345, 346; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 116.

⁶ О. С. Хованская. Указ. соч., стр. 352.

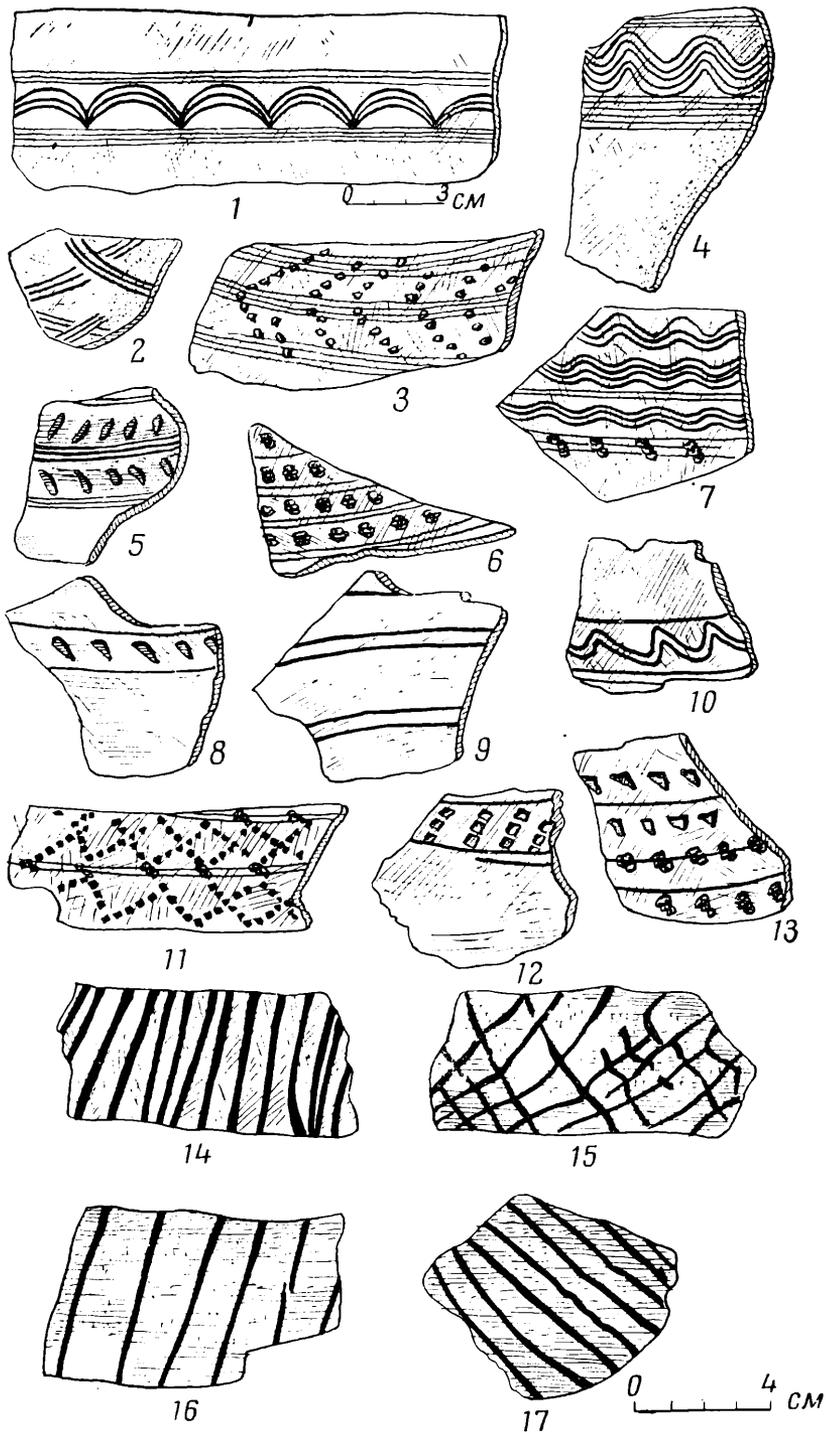

Рис. 26. Типы орнамента и лощения на красной керамике
 1—13 — орнамент; 14—17 — лощение

По всем признакам эта керамика относится к так называемой городской, датируемой и в Москве и в Болгарах временем не ранее XIV в.⁷

Красная лощеная керамика, составляющая основную массу обломков из гончарной печи, получила распространение в Восточной и Юго-Восточной Руси в XIV—XVI вв.⁸ Судя по материалам раскопок Б. А. Рыбакова в Звенигороде эта керамика появилась там в XIV в.⁹ Археологическое исследование Суздаля позволило А. Ф. Дубынину сделать вывод, что в Суздале красная лощеная посуда была распространена в XIV—XV вв.¹⁰ Такая же керамика изготовлялась в гончарных горнах XIV в., открытых в Болгарах.

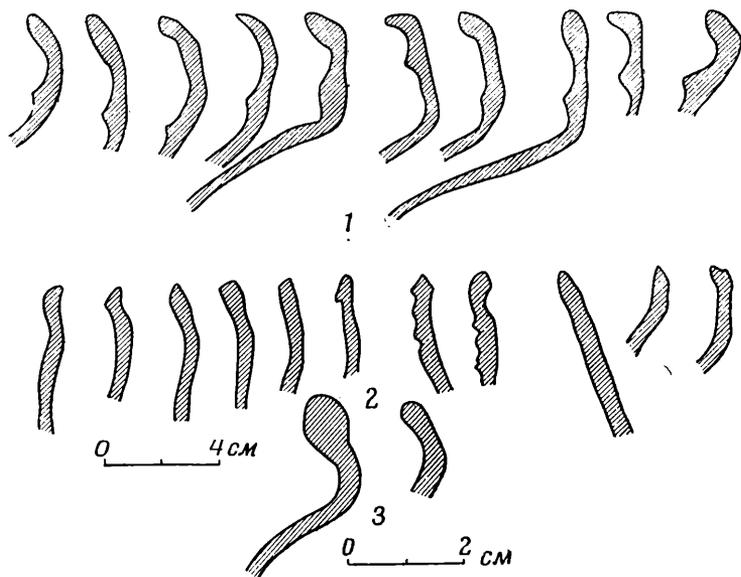

Рис. 27. Профили венчиков красной керамики (1, 2) и керамики «городского» типа (3)

Таким образом, керамика, найденная во владимирском горне, позволяет датировать его только XIV в. На эту же дату указывает, во-первых, стратиграфическое положение горна. Выше отмечалось, что он построен после отложения здесь желто-серого культурного слоя, в котором собрано 38 обломков гончарной посуды; 36 из них от древнерусской «курганной» керамики XI—XIII вв. и два обломка, найденные в верхних горизонтах слоя, красной, с вертикальным лощением. Во-вторых, во Владимире в раскопе IX (1955 г.) прослежена четкая стратиграфия слоев. Здесь слой, содержащий красную лощеную посуду, лежал выше слоя с древнерусской «курганной» керамикой и с обломками стеклянных браслетов и ниже слоя с черной лощеной керамикой. Таким образом, красная лощеная посуда во Владимире должна датироваться XIV—XVI вв.; в XVI в. она сменяется чернолощеной.

⁷ М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА № 12, 1949, стр. 61.

⁸ В Москве красная лощеная керамика, судя по исследованию М. Г. Рабиновича, относится и к более позднему времени. Здесь она встречается одновременно с чернолощеной.

⁹ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде в 1944—1945 гг. МИА, № 12, 1949, стр. 128—130.

¹⁰ В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 48.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

Ю. В. КУХАРЕНКО

ИЗ МАТЕРИАЛОВ РАЗВЕДОК НА ВОЛЫНИ

В последние годы автором производятся поиски и исследования ранне-славянских памятников на территории Припятского Полесья, в том числе на севере Волыни. Во время этих работ, естественно, ведется обследование и других памятников. О трех из них сообщается в настоящей заметке с целью привлечения внимания специалистов.

* *
*

В 1955 г. автором совместно с И. П. Русановой производились небольшие разведочные раскопки на многослойном городище возле г. Гощи Ровенской области, УССР. На обращенном к р. Горыни краю детинца городища последовательно залегают разновременные напластования от энеолита до позднего средневековья.

Находки энеолитического времени немногочисленны, но весьма характерны. Они представлены медным клиновидным топориком (рис. 28—3) и обломками глиняных сосудов (рис. 28—4—7). По технике изготовления орнаментации и форме (насколько можно судить по мелким обломкам) сосуды делятся на две неравные группы. Большая часть из них относится к позднему этапу культуры линейно-ленточной керамики, меньшая часть — трипольской культуре.

Сосуды первой группы сделаны из отмученной глины, содержащей небольшое количество примесей мелкозернистого песка. Поверхность тщательно сглажена, темно-серого или коричневатого цвета. Многие сосуды орнаментированы косой насечкой по краю венчика (рис. 28—4, 5, 7), реже встречаются косые ямочки по основанию венчика (рис. 28—6) и еще реже — налепной валик с насечками. Весьма характерны небольшие ушки, прикрепленные к краю венчика (рис. 28—5, 7). Ушко одного из сосудов было довольно сложным по профилировке (рис. 28—4). Оно состояло из двух вертикальных налепов, заходящих выше края венчика и соединенных друг с другом своеобразным сегментовидным упором. Как и налепной валик, края упора и венчика покрыты косой насечкой.

Обломки трипольских сосудов менее выразительны, но весьма типичны. Все они тонкостенные, сделаны из хорошо отмученной красноватой глины.

Находки скифского времени представлены обломками чернолощенных ребристых мисок и каких-то больших сосудов со слегка отогнутыми венчиками. И те и другие весьма близки сосудам из известного скифского городища возле г. Немирова. По планировке и общему виду городище

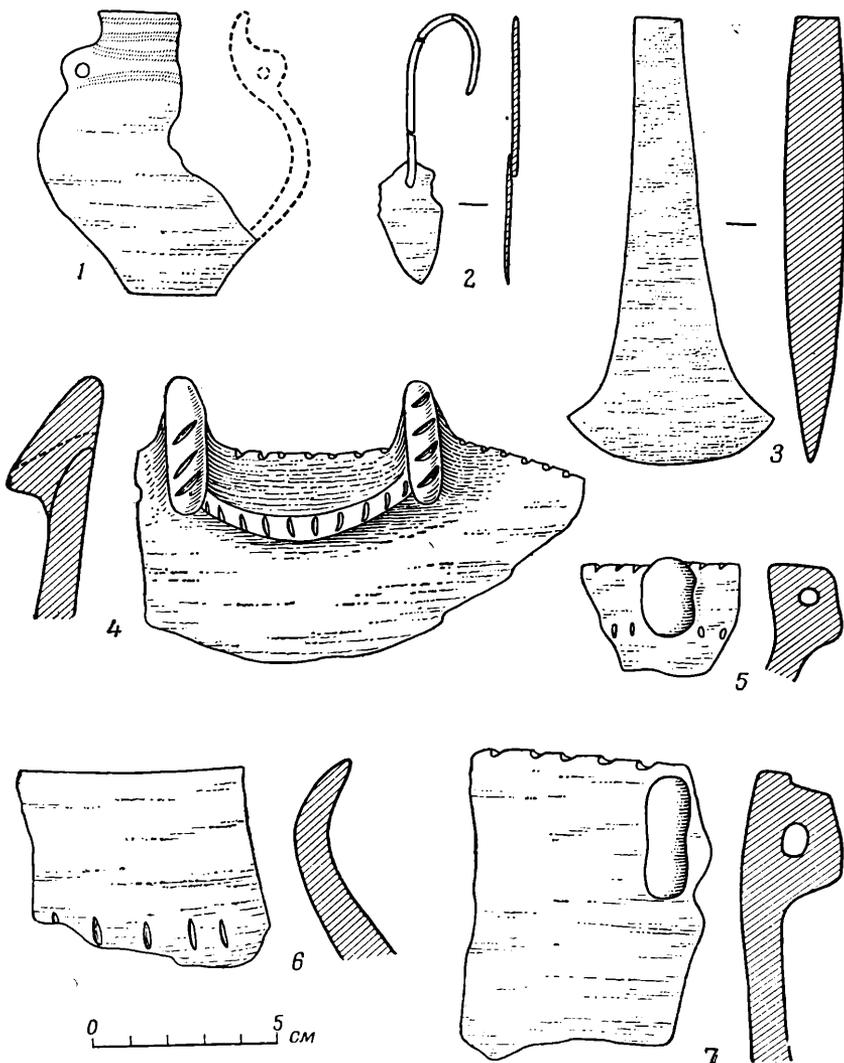

Рис. 28. Вещи из погребения в Здолбице (1, 2) и городища Гоща (3—7)
1, 4—7 — керамика; 2 — медная серьга; 3 — медный клиновидный топор

Гоща вообще очень напоминает скифские городища. По-видимому, и возникновение его как городища относится к скифскому времени.

* *
*

В 1955 г. при сооружении силосных ям на территории хозяйственного двора колхоза «Радянська Україна» в с. Здолбица, Здолбуновского района, Ровенской области, УССР случайно обнаружен древний могильник. Найденные при этом вещи — глиняный сосуд и медная серьга были переданы в фонды Ровенского областного музея.

Сосуд лепной, коричневый, со сглаженной поверхностью (рис. 28—1). По форме он близок волынским мегалитическим сосудам, но шейка его украшена, как на сосудах культуры шнуровой керамики, отпечатками

шнура. Серьга медная, сильно фрагментированная, также характерна для памятников культуры шнуровой керамики (рис. 28—2).

Спустя несколько дней после поступления вещей в музей я посетил с. Эдолбицу. Оказалось, что вещи обнаружены возле человеческого скелета, лежавшего в большом каменном ящике. При осмотре места находки в стенке одной из ям (крайней с юга), на глубине 1,5 м от современной поверхности, обнаружены остатки каменного ящика, перекрытого сверху

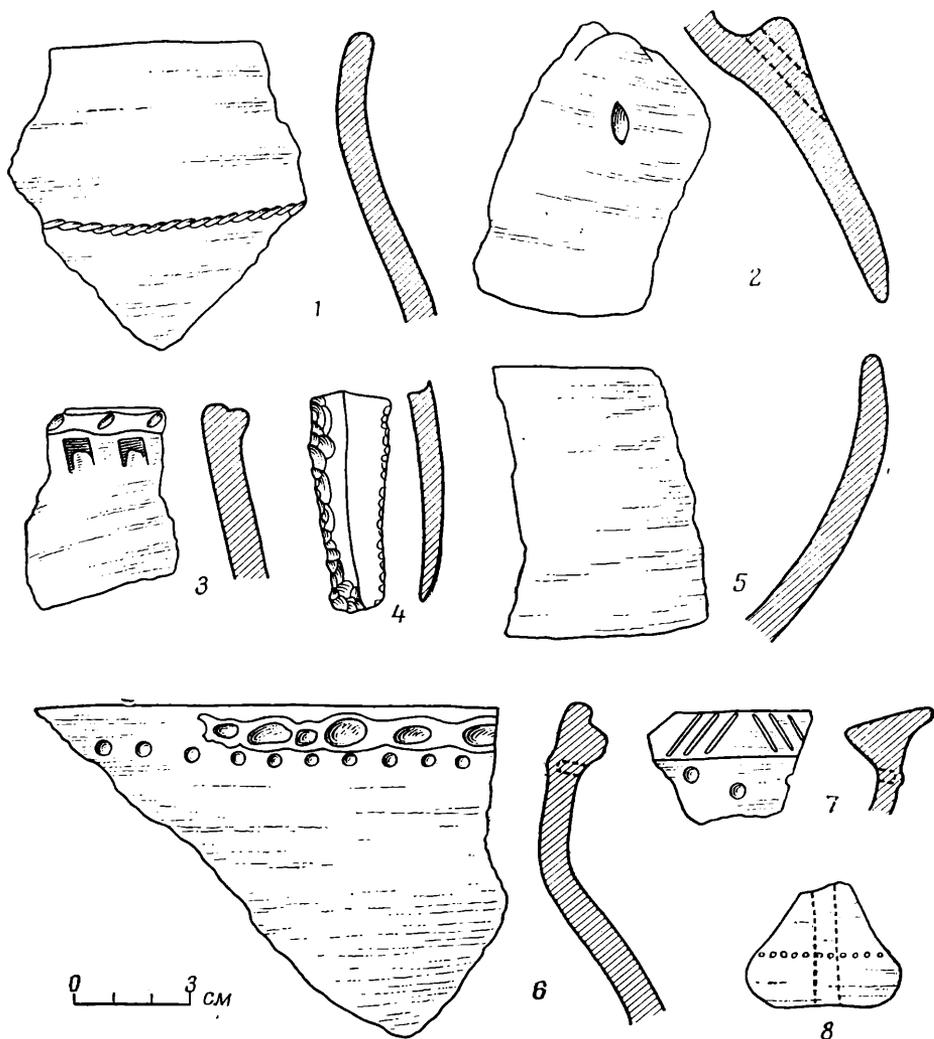

Рис. 29. Вещи из городища Ново-Мирополь

1, 2, 5 — позднетрипольская керамика; 3, 6, 7 — скифская керамика; 4 — кремневое орудие; 8 — прислонец

каменной плитой. Основная же часть ящика разрушена, плиты разбиты и выброшены. При этом был уничтожен и человеческий скелет. Положение скелета и сопровождающих его вещей установить не удалось. Судя по залеганию уцелевшей части, а также по открывшейся небольшой части другого, нетронутого ящика, полностью уходящего в стену ямы, можно полагать, что они были ориентированы с северо-востока на юго-запад.

Никаких других земляных работ на площади могильника не предполагалось, а значит не было непосредственной угрозы разрушения памятника; поэтому раскопок на могильнике не производилось.

* *
*

Весною 1954 г. мною велись раскопки древлянских курганов в районе с. Ново-Мирополь Дзержинского района, Житомирской области, УССР. В то же время заложены небольшие разведочные раскопы на уцелевшей части городища, расположенного на правом высоком берегу р. Случь, в 2-х км к северу от Ново-Мирополя. Это городище хорошо известно в литературе по раскопкам С. С. Гамченко, как раннеславянское¹. Последнее обстоятельство, кстати сказать, явилось поводом и для наших работ.

К сожалению, раннеславянских материалов на городище, во всяком случае в небольшом раскопе, не оказалось. Культурный слой состоит из трех последовательных напластований, относящихся к позднему триполью, скифскому времени и славянскому средневековью.

Позднетрипольскими являются обломки глиняных сосудов, в том числе крышек с характерными ушками (рис. 29 — 2) и глубоких мисок (рис. 29 — 5). Некоторые из них покрыты красной краской. К этому же, а может быть к несколько более раннему времени, относятся несколько обломков больших коричневатых сосудов со шнуровым орнаментом по основанию венчика (рис. 29 — 1).

Находки, относящиеся к скифскому времени, состояли из обломков лепных лощеных мисок (рис. 29 — 7), больших сосудов с наlepными валиками, покрытыми зашпиком (рис. 29 — 6), ковшиков с высокими ручками, пряслиц (рис. 29 — 8) и других образцов типично скифской керамики.

¹ С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи. Тр. XI АС, т. I. М., 1902 стр. 357 и сл., табл. II.

Ю. В. КУХАРЕНКО

ЧАПЛИНСКИЕ КУРГАНЫ

На высоком правом берегу Днепра в дер. Чаплин, Лоевского района, Гомельской области БССР находится группа славянских курганов. В настоящее время площадь, на которой они расположены занята деревенским кладбищем, поэтому многие курганы разрушены. Более или менее сохранилось лишь около двадцати, но и на них, как правило, современные могилы. Часть курганов, кроме того, уничтожена частыми обвалами берега.

В 1953 г. в этой группе мною раскопано два кургана.

Курган № 1 — высота 1 м, диаметр около 10 м. Насыпь песчаная, полусферическая. В ее западной полé — две современные могилы, третья могила слегка срезает подошву кургана с юга.

При снятии насыпи оказалось, что почти в центральной ее части, на глубине около 0,6 м от вершины, имеется еще одно современное захоронение в деревянном гробу. Примерно на этом же уровне по всей насыпи прослеживается зольно-угольная прослойка мощностью около 0,1 м. К краям прослойка понижается и доходит до подошвы кургана. Современное погребение, о котором шла речь, пререзает эту прослойку.

Основное захоронение обнаружено в яме, расположенной в центральной части кургана. Яма прямоугольная, вытянутая с запада на восток. Длина ее 2,1 м, ширина — около 0,7, глубина от вершины насыпи — 2 м, и от уровня погребенной почвы около метра. Яма на 0,4 м впущена в материковый песок, где и удалось проследить ее контуры.

На дне ямы обнаружены остатки деревянного прямоугольного гроба, длиной 1,9 м, шириной — 0,6 м. Контурсы его прослеживаются только по перегибу. В гробу находился скелет пожилой женщины, лежащей на спине, вытянуто, головой на запад. Руки согнуты в локтях и поэтому кисти их оказались на тазовых костях. Сохранность костяка плохая.

У шейных позвонков и в области ключиц найдено десять бусин из стекла и стекловидной массы (рис. 30 — 2) и медный крестик (рис. 30 — 1). Некоторые из бусин покрыты позолотой.

Курган № 2. Расположен рядом с предыдущим; высота его около 0,25 м, диаметр — 8 м. Насыпь песчаная, расплывчатая. В западной ее части — две современные могилы, а третья находится в южной полé.

В отличие от предыдущего кургана в насыпи не наблюдалось никаких зольно-угольных или иных прослоек. Захоронение произведено в прямоугольной яме, под центральной частью насыпи. Яма вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток; длина ее 1,65 м, ширина 0,6 м, глубина от вершины 1,1 м и от уровня погребенной почвы около 0,85 м. Яма впущена в материковый песок на 0,3 м. На дне обнаружены остатки прямоугольного деревянного гроба очень плохой сохранности, со скелетом девушки-подростка,

лежащим на спине, вытянуто, головою на запад-юго-запад. Руки положены вдоль туловища. Череп завалился влево. Под черепом обнаружено серебряное височное кольцо типа ромбоштитков (рис. 30 — 3). Других вещей не было.

В южной полё кургана, на той же глубине, обнаружено погребение ребенка, полностью разрушенное современной могилой. Сохранились лишь

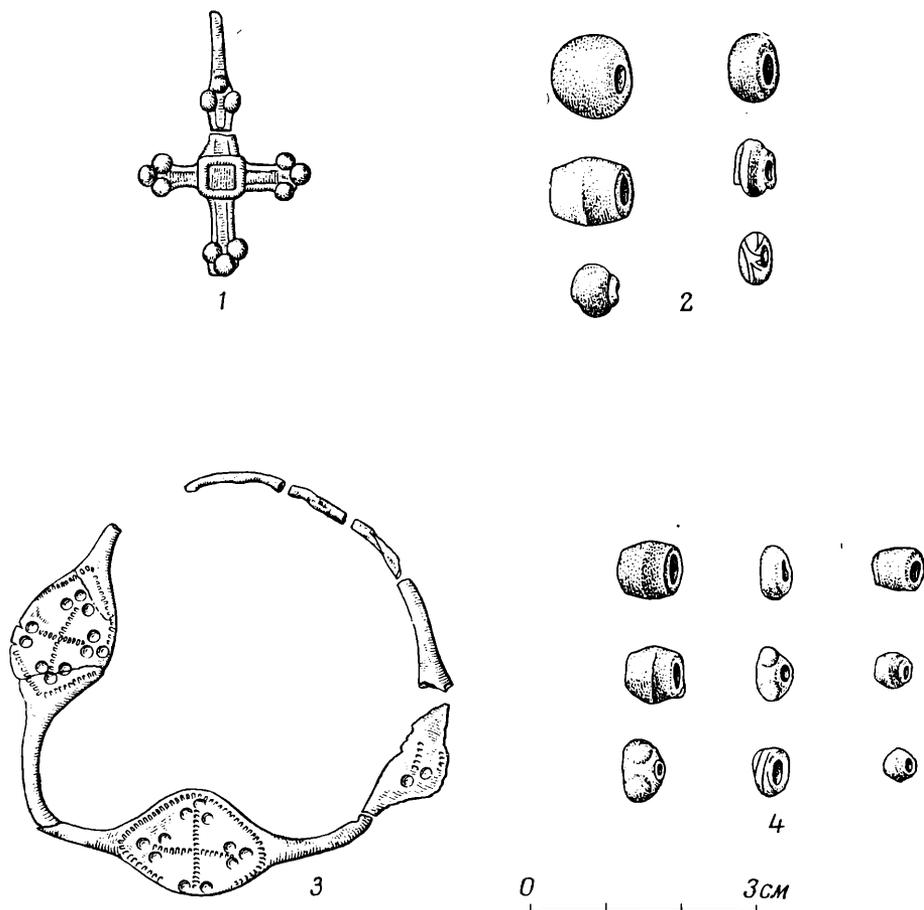

Рис. 30. Вещи из Чаплинских курганов

обломки детского черепа, возле которых найдено 27 бусин из стекла и стекловидной массы того же типа, что и бусы из предыдущего кургана (рис. 30 — 4). Судя по вещам, оба кургана следует датировать XIII в.

В насыпях раскопанных курганов, а так же в стенке обрыва участка берега, на котором они были расположены, изредка встречаются обломки лепных сосудов зарубинецкого типа. По-видимому, на этом месте имеется селище, а вероятнее всего — бескурганый могильник эпохи полей погребений. Однако на вскрытой нами подкурганной площади ни культурного слоя, ни остатков погребений не обнаружено.

Р. А. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ЛИПИНСКИЙ БЕСКУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

В 40 км к западу от г. Курска, близ с. Липино Ленинского района Курской области, на левом берегу р. Сейм располагаются несколько взаимосвязанных археологических памятников. Это Липинские городище и селище, два курганных могильника и бескурганный могильник. Городище находится на высоком мысу коренного берега, вдающемся в пойму реки. К северу от городища за его валом — обширное селище, полукольцом охватывающее городище. Курганные могильники расположены на склонах лощины, прилегающей к селищу с северной стороны. Бескурганный могильник находится на западной окраине селища.

Городище и селище впервые были исследованы в 1907 г. В. Е. Данилевым¹. В 1947 г. Деснинская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР провела в Липино раскопки на городище, селище, курганном и бескурганном могильниках². В 1948, 1949 и 1951 гг. Курский областной краеведческий музей продолжил работы на курганных могильниках и городище. В результате всех этих работ было выяснено, что в основании культурных напластований на городище и селище лежат роменские слои IX—X вв. Основная же толща культурного слоя на этих памятниках образуется напластованиями XI—XIII вв. Оба курганных могильника датируются XI—XII вв. В насыпях курганов и засыпке их могильных ям встречена лепная керамика IX в. Она происходит, по нашему предположению, из роменского могильника этого времени, разрушенного при сооружении курганов XI—XII вв. Липинский бескурганный могильник, как это будет показано ниже, возник в XII в. и закончил свое существование в XIII в.

Напластований позже XIII в. на городище и селище нет. Не встречены и погребения более позднего времени. Поселение у с. Липино было покинуто жителями, несомненно, в результате татарского нашествия.

Не исключено, что нынешнее Липинское городище и селище — остатки того небольшого городка, располагавшегося неподалеку от Курска, в котором, по свидетельству Патерика Киево-Печерского монастыря, у «презвитора» прятался от родителей Антоний Печерский.³

Настоящая заметка посвящена Липинскому бескурганному могильнику — одному из немногих грунтовых могильников XII—XIII вв., исследованных к настоящему времени. Этот могильник был обнаружен при

¹ Липинское городище впервые упоминается в 1872 г. находящимся при деревне Лыпиновской пустыни Курского уезда (см. Курский областной архив, ф. 4, д. 63, лл. 1—34).

² М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 118. В статье дан план городища и селища у с. Липино.

³ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 19 (л. 20 оборотный).

обследовании юго-западных участков Липинского селища. В обрезах культурного слоя поселения обнаружены отдельные человеческие кости и разрушенные погребения. Могильник устроен на территории селища; большая часть костяков была зарыта в его культурный слой. Поверхность селища в том участке его, где находится могильник — ровная. Надмогильных насыпей и плит на нем нет. Для определения времени этого могильника и его размеров заложены три шурфа общей площадью в 60 кв. м. Они показали, что погребения находятся на ограниченной территории. Длина могильника с запада на восток около 50 м, а ширина его с севера на юг около 40 м. В шурфах расчищено 30 погребений, большинство из которых было на глубине 0,2—0,5 м от дневной поверхности. Отдельные погребения обнаружены на глубине до 0,7 м. Все погребения в могильнике — труположения на спине, головой на запад. Руки погребенных или вытянуты вдоль туловища или, что реже, сложены на груди или животе. Костяки лежали без особого порядка, и ряды могил не прослеживаются. Выше расположенные погребения иногда прорезались и разрушались более поздними и глубже зарытыми. Могильные ямы прослеживаются плохо. Остатков гробовищ, досок, костылей в могилах не отмечено.

Только в четырех погребениях (№ 1, 14, 20 и 29) из 30 раскопанных найдены и вещевые находки. В погребениях № 14, 20, и № 29 обнаружено по одному перстневидному колечку с несомкнутыми концами. Диаметр каждого колечка около 1 см. Они изготовлены из толстой серебряной проволоки. Во всех трех погребениях эти колечки, употреблявшиеся, по-видимому, как серьги, найдены у черепов погребенных. Серьги такого типа широко были распространены в Киевской Руси и хорошо известны по курганным могильникам, в которых они датируются обычно XII—XIII в.⁴

Погребение № 1 оказалось наиболее богатым из раскопанных. На шею женского костяка найдено ожерелье, или воротник, из серебряных позолоченных колодочек, или лоточков, которые хорошо известны по русскимкладам XII—XIII вв.⁵

Ввиду того, что в Липинском бескурганном могильнике впервые такого типа украшения встречены в погребении, находка имеет особое значение для разъяснения места этих украшений в женском уборе. Колодочки, найденные в погребении № 1, так же, как и колодочки из кладов изготовлены из тонкого серебряного позолоченного листа при помощи тиснения на матрицах. На полукруглой лицевой стороне каждого лоточка рельефный орнамент в виде пяти поперечных валиков, а на концах лоточка — по стилизованной морде животного. С боков каждого лоточка по два небольших отверстия. При помощи тонких ниток лоточки (в погребении найдено 29 целых лоточков и несколько разрушенных) нашивались на узкую полосу полотна, которая в свою очередь была натянута на полосу кожи шириной в длину колодочек. Между колодочками и по краю этого ожерелья, или воротника, сохранились остатки обнизки из мелкого темно-синего бисера (рис. 31).

Кожаная лента с нашитыми на нее колодочками найдена сложенной вдвое на шее погребенной. Верхняя часть ленты лежала колодочками вверх, а нижняя колодочками вниз. Выше левого плеча костяка, рядом с ожерельем встречена небольшая круглая медная позолоченная пуговица с квадратным ушком.

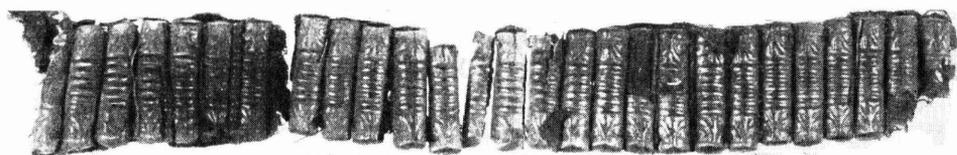
Найденное украшение имеет ближайшие аналогии с подобным, но более

⁴ Подобные серьги встречены в курганах у с. Липино при раскопках 1947, 1948 и 1949 гг.

⁵ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1903, стр. 209; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V. Киев, 1904, табл. XXIV, XXV, XXIX и др.; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси. Л., 1936, табл. XII и др.

богатым ожерельем из колодочек, происходящим из новгородского Софийского собора и приписываемом княгине Анне — первой жене Ярослава Мудрого⁶. Обнизка этого ожерелья из мелкого жемчуга. Отличие заключается главным образом в форме лоточков, которые в новгородском ожерелье оригинального вида и не похожи на лоточки, встреченные в кладах.

Необходимо отметить, что оба ожерелья — липинское и новгородское — отличаются от ожерелий составленных из колодочек, которые известны по кладам. Последние кончаются цепочками и, возможно, употреблялись в женском уборе иначе, чем вышеописанные⁷.

0 1 2 см

Рис. 31. Ожерелье из колодочек

В настоящее время известны семь матриц для изготовления лоточков. Они обнаружены на Княжьей горе⁸, в Галиче⁹, Сахновке¹⁰, Райках¹¹ и три — на Старорязанском городище¹². Колодочки из Липино, оттиснуты на матрицах, ближе всего напоминающих найденные в Рязани.

Украшения из колодочек по материалам русских кладов обычно датируются XII—XIII вв. Ожерелье из Липинского могильника по стилю и наличию позолоты в комбинации с синим бисером в обнизке не может быть датировано временем ранее XIII в.

При дополнительном обследовании южной разрушившейся части могильника в обресе культурного слоя селища обнаружено полуразрушенное погребение, по-видимому, девушки-подростка. На левой руке скелета были два стеклянных браслета. Один браслет целый, фиолетового цвета, гладкий, другой — синий, перевитой (найден в обломках).

Исследованный могильник — свидетельство усиленной христианизации Курской земли в XII—XIII вв. и прекращения в связи с этим ранее распространенного обычая курганного захоронения.

⁶ Г. Ф. Корзухина. Русские клады XI—XIII вв. М., 1955, стр. 52. Г. Ф. Корзухина ошибочно сообщает, что колодочки, найденные в Липино, происходят из курганного могильника.

⁷ Б. А. Рыбаков предполагает, что ленты из колодочек употреблялись для ношения на них колтов и использовались как рясны. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР, 1948, стр. 316.

⁸ А. Я. Самоквасов. Альбом коллекций. Хранится на кафедре археологии МГУ, № 4235.

⁹ Старый Галич. Краков-Львов, 1944, стр. 182.

¹⁰ Коллекция ГИМ.

¹¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 107.

¹² А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, М., 1955, стр. 140.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РУССКИЙ РУЖЕЙНЫЙ ПРИБОР НАЧАЛА XVII В.

Разнообразные системы русского огнестрельного оружия, употреблявшиеся в XVI и XVII вв. хорошо известны в настоящее время. Коллекции его с достаточной полнотой характеризуют отдельные этапы истории оружейного производства этого времени.

Для наладки, сборки и разборки оружейных замков, для зарядки и чистки оружия существовали специальные инструменты, которые называются ружейным прибором. В связи с разнокалиберностью огнестрельного оружия в XVI—XVII вв. необходимой принадлежностью каждого стрелка были инструменты для изготовления пуль, запасные кремни, пороховницы и др. Ружейный прибор XVI—XVII вв. мало известен. В составе коллекции, собранной в 1907 г. в с. Спас-Тушино на территории лагеря Лжедмитрия II (1608—1609 гг.) и хранящейся сейчас в Историческом музее в Москве¹, имеется несколько таких приборов. Предметы, составляющие коллекцию, несмотря на огромное значение их для характеристики русского воинского быта начала XVII в., до сих пор не изданы.

В Тушинской коллекции представлены три разновидности ружейных приборов.

Ружейный прибор первого типа — это вытянутые пластины шириной около 1,5 см и длиной до 15 см с двумя, четырьмя или пятью круглыми, квадратными и прямоугольными прорезями (рис. 32—1—3). Квадратные прорези в пластине разных размеров: они служили для надевания на колки пистолетных и ружейных замков при отвертывании или подтягивании их.

Один конец пластины оттянут и превращен в отвертку, употребляющуюся для разборки и сборки ружейных замков. Другой конец представлял собой округлый стержень с ушком на конце (очевидно для ношения прибора на поясе). В названной коллекции три прибора такого типа.

Ружейный прибор второго типа — такая же пластина, но более короткая и массивная, в которой пробиты три квадратных отверстия (рис. 32—4, 5). Один конец ее уплощен и употреблялся как отвертка, другой имел вид втулки, в которую вставлялась деревянная рукоять. В коллекции два прибора подобного типа.

Ружейный прибор третьего типа — это кресало миндалевидных очертаний с узкой сходящейся к концам предмета прорезью, расположенной по длинной оси (рис. 32—12). В краях прорези — сеть парных зарубок треугольной формы. При помощи их можно было отворачивать головки кол-

¹ В коллекции (№ 502) числится около 560 предметов. Это главным образом огнестрельное и холодное оружие, скупленное инженером Политковским у рабочих при сооружении насыпи железной дороги. Поступила в ГИМ в 1900—1903 гг.

ков. Узкие концы служили отвертками. На этих концах — круглые отверстия для ношения прибора². Прибор универсален и применялся не только

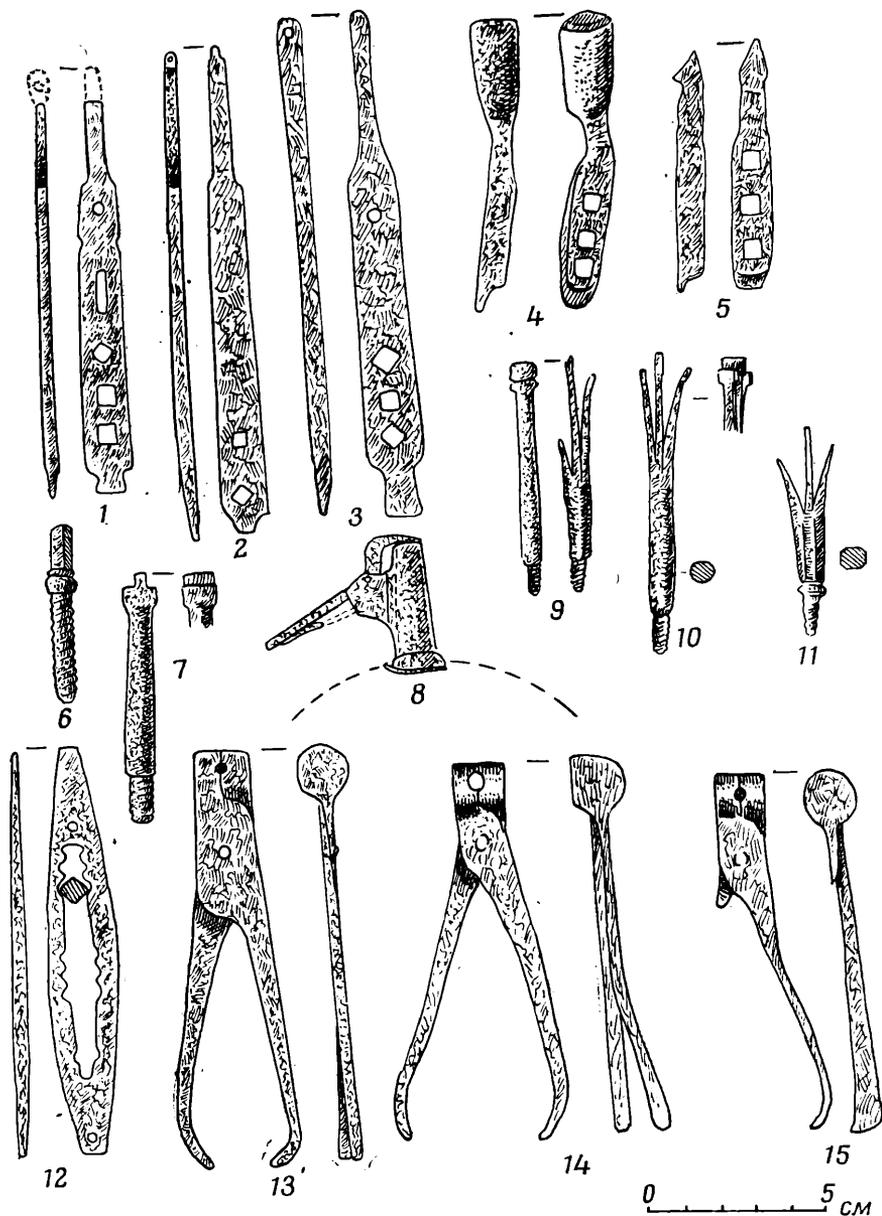

Рис. 32. Русский ружейный прибор начала XVII в.

1—5, 12 — ружейные приборы; 6, 7 — замочные колки; 8 — голова пороховницы; 9—11 — головки шомполов; 13—15 — пуделейки

для починки ружейных замков, но одновременно служил и кресалом.

Весьма интересна собранная в Тушине серия головок шомполов начала XVII в. (рис. 32 — 9—11). Они имеют вид округлого или граненого

² Подобного вида инструмент найден в Москве в Зарядье при раскопках Московской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в слое начала XVII в. (инв. № 10745).

стержня; на одном утонченном конце его — винтовая нарезка; при помощи нее головка прикреплялась к стержню. Другой конец головки разделен на три слегка расходящихся пластины, каждая из которых кончается лопаточкой. Подобного типа головки мушкетных шомполов известны в Европе и были там широко распространены³.

Интересны найденные в Спас-Тушине три пулелейки (рис. 32 — 13—15). Они похожи на плоскогубцы с двумя сферическими углублениями в губках и литком. Эти разъемные формы заполнялись при отливке свинцом и затем, для быстрого охлаждения, опускались в воду. Важно отметить, что найденные в Тушине пулелейки одинарные и рассчитаны на отливку одновременно только одной шаровидной пули⁴ диаметром около 10 мм. Пулелейки для отливки нескольких пуль, по-видимому, получили распространение в более позднее время. Многоячейная пулелейка найдена в 1951 г. при раскопках в Москве. Она приспособлена для отливки одновременно по три пули разного калибра.

В Тушинской коллекции имеется и несколько слитков свинца, и плоские железные ложки для его плавки. Несколько таких ложек найдено и при раскопках в Москве в слоях XVII в.

Для хранения пороха употребляли пороховницы в виде рога или плоских округлых флаг, обтянутых кожей. У них были металлические головки-воронки с пружинным запором. В Тушине найдена головка такой пороховницы (рис. 32 — 8).

³ A. Demmin. Dicksiegschaffen. Dera—Jmntermhays. 1891, стр. 974, рис. 97.

⁴ Подобная пулелейка найдена в 1949 г. в Москве в Зарядье.

IV. МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Е. А. РУМЯНЦЕВ*СТАБИЛИЗАЦИЯ НАСЫЩЕННОЙ ВЛАГОЙ ДРЕВЕСИНЫ,
НАЙДЕННОЙ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ

Используемые в настоящее время способы стабилизации и консервации древних предметов, изготовленных из древесины и извлеченных при раскопках из сильно увлажненной почвы, не отвечают полностью требованиям музейной консервации и реставрации.

Основными недостатками этих методов следует считать: искажение объема и формы предмета, вероятность разрушения древесины в процессе сушки и последующего насыщения каким-либо раствором, резкое искажение фактуры древесины и изменение ее физико-механических свойств (например, при введении различных солей и цементирующих составов, когда растворы полимеризуясь тем или иным путем, переходят в твердое необратимое вещество и т. д.).

В Государственном Эрмитаже разработан и, при участии научного сотрудника А. Л. Ячневой, проверен метод стабилизации мокрой древесины, при котором влага, содержащаяся в ней, замещается раствором глицерина с поливиниловым спиртом.

Этот способ, как показала проверка, обеспечивает надежную сохранность древесины (рис. 33—1, 2).

При стабилизации и консервации мокрой древесины необходимо:

1. Сохранить первоначальные размеры (объем) и форму, которые предмет имел в период своего бытования, а, следовательно, довести до минимума усадку, связанную с испарением содержащейся в древесине влаги.

2. Избегать предварительной просушки, которая всегда чревата последствиями и весьма опасна для деревянных предметов, найденных при археологических работах, так как при этом в древесине всегда возникают в большей или меньшей степени силы внутреннего напряжения, зависящие главным образом от объема вещи, срезов, породы дерева и т. п.

Следует помнить, что даже хорошо высушенную древесину нельзя считать законсервированной (стабилизированной), так как попадая в ненормальные условия хранения, она всегда будет реагировать на гигротермические изменения и претерпевать те или иные разрушения.

3. Осуществить максимальное сохранение фактуры древесины.

4. Увеличивать стойкость древесины к гигротермическим изменениям, т. е. обеспечить ей меньшую восприимчивость к изменениям влажности окружающего воздуха.

5. Обеспечить обратимость деформации (выпрямление покоробленных изделий).

Поливиниловый спирт, используемый для целей стабилизации мокрой древесины, является синтетической полимеризационной смолой (гидролиз поливинилацетата)

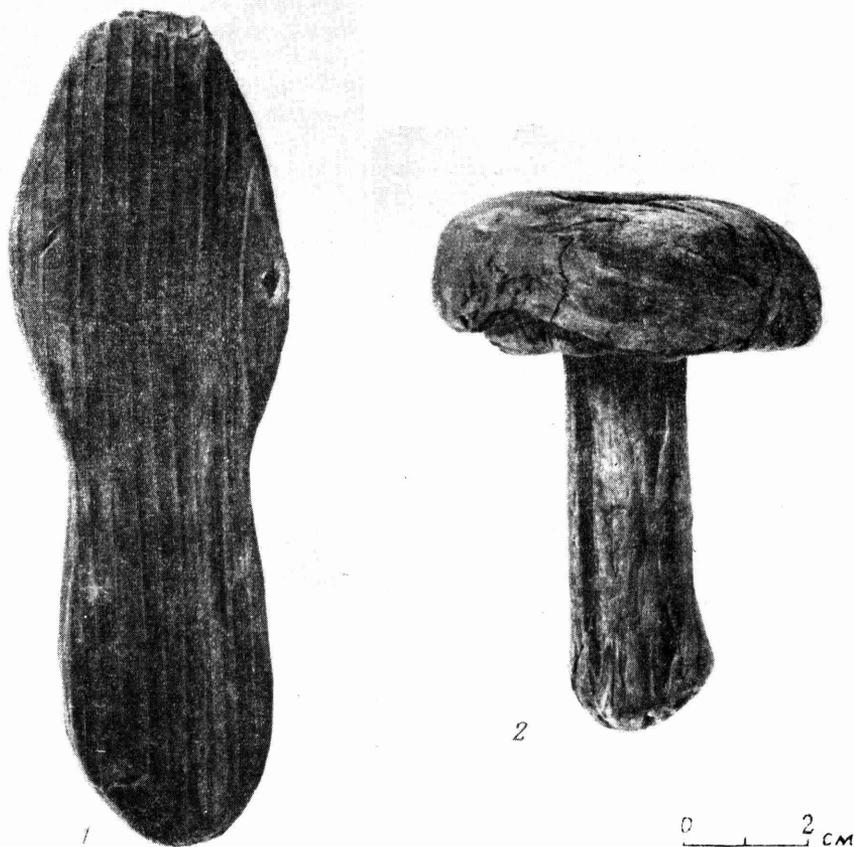

Рис. 33. Деревянная детская колодка и деревянный грибок из раскопок в Новгороде (после стабилизации)

1 — колодка. Наибольшая длина до стабилизации в мокром состоянии равнялась 153 мм; после стабилизации — 150,3 мм. Наибольшая ширина — 52 мм; после стабилизации — 49,6 мм; 2 — грибок. После стабилизации усушка не превысила 2,3 мм, при наибольшей длине 101 мм и наибольшей ширине 69 мм в мокром состоянии

Эта искусственная смола, выпускаемая химической промышленностью в виде белого порошка или водных растворов, нейтральна и безвредна, что особенно важно при работе с музейными экспонатами.

Приготовление раствора. 15—20 г поливинилового спирта в порошке замачиваются в 780 см³ дистиллированной воды. Через 6—8 часов сосуд с замоченным порошком нагревается в паровой бане до температуры 65—70° при непрерывном помешивании. После того, как смола растворится, в нее доливается необходимое количество химически чистого глицерина.

Рабочий процесс стабилизации мокрой древесины состоит в следующем.

С целью сохранения влажности, предупреждения деформации и растрескивания, изделия из древесины, вынутые на дневную поверхность из

мокрой почвы, немедленно заделываются (заклеиваются) в бутиральную пленку, заворачиваются в листовой станиоль или укладываются в специальные металлические сосуды, наполненные водой.

В последнем случае в воду необходимо добавить небольшое количество (2—3%) дезинфектора (например, медный купорос, марганцевокислый калий).

Перед обработкой в лабораторных условиях древесина промывается и взвешивается, после чего вновь погружается в воду, в которую введено небольшое количество дезинфекторов.

Через каждые 3—4 дня вода меняется, и древесина выдерживается в ней до тех пор, пока не прекратится увеличение веса, что подтвердит предельное насыщение водой.

После вымачивания и прекращения увеличения веса предмет опускают в сосуд с раствором, который в водяной бане ежедневно подогревается до температуры 65—70°.

Состав раствора (из расчета на 1000 см³):

15—20 г поливинилового спирта;

200 г химически чистого глицерина

780 см³ воды.

При подогревании раствора происходит замещение находившейся в предмете воды раствором глицерина с поливиниловым спиртом, т. к. древесина, насыщенная водой до предела, не будет забирать ее из раствора.

Кроме того, при подогревании значительно уменьшается вязкость глицерина и поливинилового спирта, что облегчает проникновение растворов в древесину.

После трех или четырех подогреваний, когда раствор остынет до температуры 18—20°, предметы с целью контроля периодически взвешиваются.

Сроки пребывания предметов в растворе и количество повторных подогреваний зависят от объема и строения древесины. Пропитывание продолжается до тех пор, пока не прекратится увеличение веса предмета.

Следует учитывать, что прекращение прибавления веса в первой стадии обработки таким методом происходит вследствие наступления равновесия между раствором, находящимся в сосуде, и раствором, вошедшим в древесину.

Чтобы ликвидировать создавшееся равновесие и дать толчок к дальнейшему поглощению раствора, необходимо три-четыре раза небольшими порциями добавлять глицерин и вести пропитку, постепенно повышая первоначальную концентрацию раствора, до тех пор, пока предметы не перестанут увеличивать вес.

После пребывания в растворе, в древесине остается некоторое количество воды, которую необходимо удалить; однако это не следует делать путем просушивания на открытом воздухе, так как быстрое испарение влаги вызовет появление внутренних напряжений в древесине и деформирует ее.

Чтобы замедлить процесс испарения, предметы следует для просушки заделывать в конверты из бутиральной пленки, которая препятствует испарению влаги более чем на 1,8—2% за сутки.

Самым критическим моментом при высыхании является состояние, при котором гигроскопическая влажность в древесине снижается до 30—28%, т. е. когда она становится ниже точки насыщения волокна влагой. В этот момент происходят сильные разрывы.

При пропитывании раствором глицерина с поливиниловым спиртом создаются условия, при которых древесина находится в состоянии насыщения волокна (30%) и таким образом устраняется усушка, сопровождаемая появлением наружных и внутренних разрывов и трещин.

Хотя в конвертах из бутиральной пленки процесс испарения влаги протекает замедленно, все же они не могут обеспечить равномерность испаре-

ния с различных срезов древесины. Вот почему через несколько дней после начала сушки предметы, вынутые на время из конвертов, должны со стороны торцового и тангентального срезов дополнительно (с помощью мягкой кисти) обрабатываться горячим раствором глицерина с поливиниловым спиртом.

Конверты следует ежедневно обтирать с внутренней стороны и проветривать с помощью настольного вентилятора в течение 3—5 минут.

Если на поверхности предмета после окончания пропитки от лишнего введения раствора выступит глицерин или будет сильно конденсироваться влага, необходимо предмет на одну-две секунды опустить в горячую воду (60—65°) и хорошо обтереть.

Е. А. РУМЯНЦЕВ

ОДИН ИЗ СПОСОБОВ КОНСЕРВАЦИИ КОЖИ

В настоящее время некоторые лаборатории музеев и библиотек проводят работы по консервации изделий из кожи. Все эти работы, сходны по своему конечному назначению, однако, в зависимости от физического состояния кожи, которое обуславливается главным образом ее физико-гистологическим строением, химическим составом, способом выделки, условиями ее бытования, древностью (возрастом) и т. п., приходится иногда видоизменять методику и подходить, к достижению конечной цели различными путями, полностью отвечающими требованиям музейной консервации.

При выборе того или иного метода консервации кожи, реставратору приходится исходить из двух основных положений, а именно: насколько кожа, подлежащая консервации, утратила свои физические качества (изменила структуру); насколько она сохранила еще свои основные свойства.

Изделия из кожи, находимые при археологических раскопках, пролежавшие в земле от 500 до 2500 лет, подвергались воздействию различных по своему химическому составу подземных вод. Они в большинстве случаев потеряли не только определенный процент влажности и жирности, но и резко изменили структуру, утратили физико-механические качества и разрушаются.

Переплеты книг, старинные пергаменты и различные современные изделия из кожи, в зависимости от условий бытования и хранения их, становятся со временем неэластичными, изменяют частично процентное содержание гидратационной и капиллярной влаги и утрачивают (вследствие всевозможных окислительных процессов под действием кислорода воздуха) некоторый процент своих жиров, не изменяя резко структурного строения.

Известно, что лишняя влажность и лишняя сухость воздуха вредно действуют на кожу. Наилучшими условиями хранения считаются такие, при которых создается нормальное соотношение температуры и влажности, т. е. когда относительная влажность помещения без резких колебаний сохраняется продолжительное время в пределах 55—65% (не выше) при температуре 18—22°.

Потеря кожей своих жировых веществ способствует снижению влагостойкости и утрате определенной, присущей данной коже влажности, вследствие чего ускоряется процесс разрушения (пересыхания).

Вот почему при консервации относительно сохранившейся кожи (переплеты книг, пергамент и т. п.) в первую очередь надо обращать внимание на повышение собственной влажности кожи и на ее ожирение.

При консервации кожи, найденной при археологических раскопках, надо изыскивать средства, способствующие не только ее ожирению или увеличению процентной влажности, но главным образом повышению прочности

путем введения клеящих веществ, которые, пропитывая разрушающиеся волокна кожи, закрепляют их и повышают прочность не изменяя эластичности.

Проводимые Л. Г. Петровой и И. К. Белой в библиотеке имени В. И. Ленина работы по консервации кожаных переплетов и пергаментов научно вполне обоснованы и возражений не вызывают.

При жиrowании кожаных переплетов используется смазка (№ 1), в состав которой входят:

копытное масло — 100 г

пчелиный воск — 30 г

тимол — 5,2 г

параоксидифиниламин — 0,15 г

Эти работы подробно описываются в отчете лаборатории библиотеки за 1954 год.

При консервации изделий из кожи, найденных при археологических раскопках, методы и рецептура должны быть иными.

В Государственном Эрмитаже, в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР и в Музее этнографии народов СССР за последние три года при консервации кожи, в частности из Алтайских погребений (раскопки С. И. Руденко — Пазырыкский курган) возрастом 2400 лет, используется раствор синтетической смолы — поливиниловый спирт с добавлением глицерина (поливиниловый спирт получается путем гидролиза поливинилацетата) — формула полимера

Поливиниловый спирт безвреден, устойчив к действию бактерий, обладает высокой стойкостью к действию озона и кислорода. Водный раствор его — прозрачен и бесцветен.

После очистки и соответствующей дезинфекции кожи, готовится раствор:

100 см³ дистиллированной воды

0,7—2,5 г поливинилового спирта (в зависимости от состояния, строения и способов обработки кожи)

40—42 см³ глицерина (не больше).

Необходимая доза поливинилового спирта (в порошке) замачивается в дистиллированной воде в течение 6—8 часов, после чего вместе с водой, в которой он вымачивался, нагревается в паровой бане до полного растворения. После некоторого остывания в качестве пластификатора добавляется глицерин.

Изделия из кожи могут быть обработаны путем аккуратного втирания этого раствора (несколько раз) с помощью мягких тампонов, губки, и т. п. или, если позволяет состояние предмета, путем опускания на некоторое время в сосуд с раствором.

После пропитки и испарения воды, кожа с целью ожирения подвергается втиранию (три-четыре раза) чистым ланолином или копытным маслом.

Работа по консервации кожи, найденной при археологических раскопках, должна начинаться немедленно после изъятия из земли. Водный раствор поливинилового спирта позволяет не просушивать мокрую кожу, а опускать ее сразу же в этот раствор. Сильно разрушающаяся кожа, в целях предохранения, должна опускаться в раствор на подстилке из тюля или марли. До замачивания, если состояние кожи позволяет, следует произвести мягкой кистью очистку от поверхностных загрязнений. Расправлять скомканную сухую кожу до пропитки и закрепления не следует. После выемки из раствора, кожа постепенно просушивается в нормальных условиях.

Очень сильно разрушающийся предмет из кожи при раскопках можно закреплять вместе с почвой (с последующим вырезом) путем опрыскивания синтетической смолой поливинилбутираль, с дальнейшей обработкой в лабораторных условиях.

Если кожа мокрая и произойдет побеление смолы (коагуляция), то и в этом случае образовавшаяся белая пленка придаст общую механическую прочность и поможет сохранить сильно разрушающуюся кожу. В лабораторных условиях эта пленка легко растворяется и удаляется без вреда для объекта.

V. ХРОНИКА

*Н. Н. ПОГРЕБОВА*О РАБОТЕ СЕКТОРА СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИИМК АН СССР В 1956 г.

В секторе скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР работало в 1956 г. 12 человек: заведующий Сектором доктор исторических наук А. П. Смирнов; кандидаты исторических наук, старшие научные сотрудники Е. И. Крупнов и К. Ф. Смирнов; кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники: А. Е. Алихова, Е. И. Горюнова, Л. П. Зяблин, П. Д. Либеров, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Т. Г. Оболдуева, В. Г. Петренко, Н. Н. Погребова.

В начале года Сектором сдан в печать для серии МИА СССР сборник «Памятники скифского времени в Сев. Причерноморье». В него входят работы: А. И. Мелюковой «Памятники скифского времени лесостепного Поднестровья» и Н. Н. Погребовой «Поздне-скифские городища на Нижнем Днепре — Знаменское и Гавриловское», написанные на основе полевых исследований за последние годы; публикация К. Ф. Смирнова о древне-меотском могильнике у станицы Пашковской Краснодарского края и статья О. Д. Дашевской о лепной керамике Неаполя и других скифских городищ Крыма. Для той же серии МИА СССР сдан в печать (во втором квартале) первый том Трудов Сталинградской экспедиции под редакцией и с предисловием Е. И. Крупнова. Вместе с работами В. П. Шилова и И. В. Синицына в этом томе будет опубликована работа К. Ф. Смирнова «Курганы у сс. Политотдельского и Иловатки Сталинградской области» (эпохи бронзы и разных этапов сарматской культуры).

В 1956 г. большинство сотрудников занималось переходящими темами. В авторской редакции закончены многолетние труды Е. И. Крупнова «Древняя история Кабарды» и Е. И. Горюновой «Этнический состав населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.». Подготовлены, согласно плану, статьи А. Е. Алиховой для сборника «Трудов Куйбышевской экспедиции» и Л. П. Зяблина для «Трудов Киргизской экспедиции».

Всего за 1956 г. состоялось 25 заседаний Сектора.

Большой интерес вызвали три доклада К. Ф. Смирнова, посвященные вопросам происхождения ранних сарматов и их культуры. На основании изучения археологического и антропологического материала К. Ф. Смирнов пришел к выводу, что ранне-сарматские племена сложились главным образом на основе срубных и андроновских племен Поволжья и Приуралья. При обсуждении этих докладов затронуты следующие вопросы.

1. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская возражали против привлечения обряда трупосожжения, как признака андроновской культуры. С другой стороны, А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт, соглашаясь в целом с замеча-

нием В. Н. Чернецова о том, что погребальный обряд не всегда может являться этническим признаком, в данном конкретном случае поддержали предположение докладчика об андроновском происхождении обряда трупосожжения, чуждого срубной культуре.

2. В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская и А. В. Збруева выдвинули предположение о тазабегьябской культуре, как о третьем факторе сложения сарматской культуры. Однако А. А. Формозов и Н. Я. Мерперт высказались против привлечения этой культуры для объяснения этногенеза сарматов, поскольку тазабегьябская культура изучена очень слабо и представление о ней в науке слишком неясно.

3. А. А. Формозов поддержал тезис докладчика о связях между срубными и андроновскими племенами на базе развития металлургии меди и бронзы. Он внес предложение об изучении происхождения металлических изделий Поволжья и Ю. Приуралья и выяснении роли уральских рудников андроновских племен.

4. А. П. Смирнов подчеркнул большое значение доклада К. Ф. Смирнова, изменяющего распространенное мнение о генезисе скифов от племен срубной культуры и сарматов от андроновских. Родственные черты между скифами и сарматами объясняются генетической связью тех и других с носителями срубной культуры, а генезис и тех и других связан с различными группами населения, оставившего памятники срубной культуры.

5. По вопросу о местном происхождении (Южное Приуралье) сарматских подбойных могил А. П. Смирнов выдвинул предположение о возможности влияния Средней Азии. Основное возражение докладчика А. П. Смирнову свелось к тому, что подбойные могилы появляются в Средней Азии позднее, чем в сарматском мире.

6. Г. Ф. Дебец в основном одобрил выводы автора, сделанные на основании антропологического материала, считая правильным широкое использование антропологических источников.

А. И. Мелюкова прочла доклад «Итоги изучения памятников эпохи раннего железа на территории Молдавии». На основании проведенных исследований А. И. Мелюкова пришла к выводу, что население Молдавии этого времени не было скифским по происхождению и в своей культуре имеет много элементов культуры фракийского галштата.

При обсуждении этого доклада высказано пожелание расширить его за счет освещения современного состояния скифологии в Советском Союзе.

П. Д. Либеров в докладе «К вопросу о скотоводстве в Северном Причерноморье в эпоху раннего железа» сообщил о том, что им изучен и систематизирован остеологический материал из разных поселений степной и лесостепной полосы Украины и сделан предварительный вывод о различии хозяйства в этих двух зонах.

Основные возражения присутствовавших сводились к вопросам методики изучения остеологического материала. Почти все выступавшие (Е. И. Крупнов, В. И. Цалкин, Л. П. Зяблин, Е. И. Горюнова, К. Ф. Смирнов и др.) подчеркивали необходимость более критического отношения к статистическим данным и к использованию только массового материала, необходимость учета географического ландшафта той или иной степной или лесостепной местности, незакономерность привлечения данных оседлых поселений в пойме Нижнего Днепра для характеристики кочевого хозяйства, неправомерность сравнения кочевых скифов с позднеалтайскими кочевниками и необходимость учета специфики скифского кочевания (по-видимому, род пастушеского скотоводства с комбинированным земледельческо-скотоводческим хозяйством). Выступавшие отметили, что на данном этапе наших знаний решать вопросы кочевого скотоводства у скифов на основании остеологических данных преждевременно и рекомендовали докладчику ограничиться изучением материала оседлых поселений.

М. Г. Мошкова в докладе «Импорт к сарматам Нижнего Поволжья» показала непрерывность торговых связей сарматских племен с Сев. Причерноморьем, начиная с VI в. до н. э. и изменение интенсивности этих связей в зависимости от исторической обстановки.

В прениях по докладу отмечено, что М. Г. Мошковой удалось дать археологическое обоснование локальных вариантов сарматской культуры (Поволжье, Урал, Кубань). В то же время высказано пожелание более полного привлечения среднеазиатского материала для исследования вопроса о торговых связях сарматов с племенами Средней Азии.

В. Г. Петренко зачитала доклад «Памятники левобережья Среднего Преднепровья в IV—III вв. до н. э.». В. Г. Петренко проследила огромную общность культуры поворсклинской и посульской групп, которую она связывает с образованием к этому времени будинского племенного союза. Возникновение малых городищ В. Г. Петренко объяснила процессом отпочкования и расселения новых родоплеменных групп. Основные положения доклада одобрены присутствовавшими, но было высказано пожелание более глубокого изучения связей с последующим периодом культуры левобережья.

М. Х. Садыкова в двух докладах дала сводку и систематизацию археологических памятников на территории Башкирии в I тысячелетии нашей эры.

Два заседания были организованы совместно с Сектором античной археологии. На одном из них заслушан доклад чешского ученого Л. Згуста о проблемах ономастики Сев. Причерноморья, на другом — Д. Б. Шелов сделал сообщение о результатах раскопок Танаиса в 1955 г.

В 1956 г. сотрудниками Сектора проведены следующие экспедиционные работы.

1. Скифская степная экспедиция (нач. Н. Н. Погребова) впервые исследовала территорию Западной Скифии, где проведена разведка от устья р. Ингула вверх по его правому берегу до с. Ново-Петровка Николаевской области. Обнаружено 21 поселение эпохи бронзы, скифского времени и первых веков н. э. На скифском поселении у с. Пересадовка раскопано многокамерное каменное слегка углубленное в землю здание VII—VI вв. до н. э. с кладкой из рядов плит, лежащих плашмя на полигональном цоколе. Датировка подтверждается лепной керамикой, которая представляет дальнейшее развитие посуды сабашиновского этапа поздней бронзы.

2. Чкаловская экспедиция — совместно с Чкаловским музеем (нач. К. Ф. Смирнов) вела разведки в Чкаловской области. Зафиксировано много сотен курганов (некоторые из них раскопаны), главным образом сарматских, хотя впервые в этой местности открыто также погребение, относящееся к ямной культуре. Близ с. Н. Белогорка открыт курганный могильник андроновского времени и производственный комплекс с остатками горнов по выплавке железа.

3. Чувашская экспедиция — совместно с Чувашским научно-исследовательским институтом (нач. А. П. Смирнов) проводила раскопки болгарской феодальной усадьбы близ дер. Тигашево, с княжеским замком и металлургическими мастерскими. Кроме того, на территории Чувашии изучено 22 памятника различных эпох. Особенно интересны поздне-фатьяновские погребения и Янмурзинская стоянка срубного времени, устанавливающие генетические связи с абашевской культурой.

4. Северо-Кавказская экспедиция — совместно с Грозненским музеем (нач. Е. И. Крупнов) продолжала исследования Лугового энеолитического поселения и Лугового могильника VI—V вв. до н. э., давшего богатый материал для изучения культуры северо-кавказских племен скифского времени. При разведках в Аргунском ущелье открыт грунтовый могильник северо-кавказской культуры эпохи бронзы.

5. Северо-Донецкий отряд Донской экспедиции (рук. П. Д. Либеров) провел разведку по р. Береке. Открыто 29 последних эпохи бронзы и салтовского времени.

6. Воронежский отряд той же экспедиции (руководитель П. Д. Либеров) закончил раскопки Частых курганов и исследовал в той же местности четыре поселения (два — эпохи бронзы и два — скифского времени).

7. Краснооскольский отряд Оскольской экспедиции Института археологии АН УССР (нач. П. Д. Либеров) проводил работы по р. Осколу. Изучено четыре поселения эпохи поздней бронзы и скифского времени. Особо интересно поселение срубной культуры у хут. Войновка, где раскопана землянка и собран керамический и остеологический материал.

8. Скифский отряд Молдавской экспедиции (нач. А. И. Мелюкова) производил раскопки поселения предскифского времени в окрестностях Кишинева и зольника эпохи поздней бронзы у с. Гиндешты — памятник культуры до сих пор в Молдавии неизвестный. Оба памятника очень важны для выяснения генезиса культуры скифского времени в Молдавии.

9. Ак-Бешимский отряд Киргизской экспедиции совместно с Институтом истории АН Киргизской ССР (нач. Л. П. Зяблин) продолжал раскопки буддийского храма VIII—IX вв. на городище Ак-Бешим. Открыта буддийская глиняная скульптура, фрагменты росписи, выявлена планировка основных частей храма.

10. Мерянский отряд Среднерусской экспедиции (нач. Е. И. Горюнова) продолжал раскопки Попадьянского селища VI—VII вв. н. э. в Ярославской области, давшие богатый материал по культуре древних мерян. В Костромской области завершены раскопки Дурасовского городища. Вскрыто десять жилых и хозяйственных построек в ремесленном поселке; обнаружены остатки ювелирного производства.

11. Мордовская экспедиция, совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом (нач. А. Е. Алихова) вела исследования мордовских памятников в Арзамасской области.

12. Курская экспедиция совместно с Курским музеем (нач. А. Е. Алихова) продолжала раскопки на городище VI—V вв. до н. э. Кузина Гора; исследовались строительные остатки на краю городища.

13. Кроме того, В. Г. Петренко приняла участие в работе Кременчугской экспедиции АН УССР, а Н. Н. Погребова — Крымской экспедиции ИИМК.

В 1956 г. А. И. Мелюкова была командирована совместно с Т. С. Пасек в Румынию.

Помимо участия в Сессии отделения истории и философии и Пленуме ИИМК АН СССР, сотрудники Сектора выступали с докладами на археологических конференциях в Киеве (А. И. Мелюкова и Н. Н. Погребова), Казани (А. П. Смирнов, К. Ф. Смирнов, А. Е. Алихова, Е. И. Горюнова), Ереване (А. П. Смирнов, Е. И. Крупнов).

Г. А. ЦВЕТАЕВА

СООБЩЕНИЕ О ДОКЛАДАХ,
ПРОЧИТАННЫХ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕКТОРА АНТИЧНОЙ
АРХЕОЛОГИИ ИИМК АН СССР В 1956 г.

Сектор античной археологии состоит из десяти человек: зав. Сектором доктор исторических наук В. Д. Блаватский, доктор искусствоведческих наук М. М. Кобылина, кандидаты исторических наук, старшие научные сотрудники А. И. Болтунова, И. Б. Зеест, И. Т. Кругликова, Д. Б. Шелов; кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники: Н. А. Онайко, Н. И. Сокольский, Г. А. Цветаева.

В 1956 г. на Секторе заслушаны доклады на разнообразные темы. Одни из них были посвящены общим проблемам, касающимся основных этапов экономического и социального развития античных государств Сев. Причерноморья, рассмотренных в связи с общей историей Средиземноморья; другие — вопросам ремесла, этнического и социального состава городов Боспора.

Отдельные доклады были посвящены обработке новейшего археологического материала, информационным сообщениям об экспедициях сотрудников Сектора и раскопках в городах Средиземноморья¹.

В докладе В. Д. Блаватского «Вопрос о периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье» выдвинута гипотеза о том, что на Боспоре монархия, близкая по типу эллинистической, возникла на половину столетия раньше, чем в Средиземноморье, хотя и представляла собой менее развитое государственное объединение. Государство Левкона I правильнее называть не эллинистическим, а протоэллинистическим.

В прениях отмечалась важность постановки нового вопроса о периоде протоэллинизма на Боспоре, однако указано (Д. Б. Шелов), что необходимо проследить черты протоэллинизма в отношении других центров Сев. Причерноморья, и заострить внимание (И. Б. Зеест) на различной роли городов, возникавших в период протоэллинизма на Боспоре и в эллинистических городах Средиземноморья.

В докладе И. Б. Зеест «Экономические связи Боспора с племенами Придонья» прослежены основные торговые пути и характер торговли в различные периоды (VI в. до н. э. — IV в. н. э. включительно).

Выступавшие в прениях отмечали значительный интерес к началу исследования поставленной проблемы и сделали указания на необходимость координирования работы со смежными Секторами. Подчеркивалась желательность картографирования материала.

¹ В настоящем обзоре не учтены те доклады сотрудников Сектора, которые зачитаны на конференции 1956 г. по истории и археологии Сев. Причерноморья в античную эпоху, а также на годовом пленуме ИИМК АН СССР.

Обработке новейшего археологического материала посвящены два доклада: Д. Б. Шелова и М. М. Кобылиной. В первом (Д. Б. Шелова) говорилось об исследовании анапского клада (1954 г.), состоящего из медных монет Левкона II и монет первой половины и середины III в. до н. э. Клад отражает состав денежного обращения Боспора во время денежной реформы Левкона II.

Второй доклад (М. М. Кобылиной) — «Амфоры из раскопок Танаиса» — посвящен подробной демонстрации амфор, найденных в 1955 г.; дана интересная классификация и обоснованная датировка материала.

Темой другого доклада М. М. Кобылиной был «Фанагорийский склеп 1955 г.», который восстанавливается как склеп типа Тарасовского склепа IV в. до н. э. — это новый вариант среди уже известных конструкций склепов Фанагории.

Сообщение Н. П. Сорокиной «Некрополь IV в. до н. э. — IV в. н. э. у мыса Тузла» содержало итоги исследования ранее опубликованного материала из раскопок на Тузле. Выявлены характерные черты погребального обряда различных периодов. Особенно интересно суммирование отдельных черт местного синдского обряда и подтвержденная рядом аргументов гипотеза о принадлежности некрополя городу Корокондамы.

В докладе А. К. Коровиной «Семибратние курганы» основной задачей было определение наиболее точной датировки знаменитых курганов, а также выявление специфики местной культуры. Центральные погребения курганов № 2, 4, 5 датированы А. К. Коровиной серединой V в. до н. э., а № 1, 3, 6 и № 7 — IV в. до н. э.

Выступавшие по докладу, не возражая против основных положений датировок, обратили внимание на необходимость их уточнений в отдельных случаях. К. Ф. Смирнов заметил, что в собранном инвентаре есть единичные предметы VII—VI вв. до н. э. В. Д. Блаватский оспаривал отдельные датировки керамики. Высказано пожелание о постановке вопросов генезиса погребальных сооружений Семибратних курганов, освещении вопросов торговых связей.

В другом докладе А. К. Коровиной — «Архаический могильник на Таманском полуострове» — дано определение местных черт погребального обряда древнейшего периода и констатирован большой процент погребений с оружием. Наиболее ярко синдские черты выражены в материалах некрополя у с. Пятиколодезного.

Как первый этап работы над вопросом, доклад был оценен положительно. Однако выступавшими в прениях (особенно Д. Б. Шеловым и Г. А. Цветаевой) была подчеркнута односторонность работы в стремлении выделить только «местное» и отсутствие должных сопоставлений с центрами греческой, эгейской культуры. Неудачно употребление термина «местный» вместо «варварский», туземный.

Два доклада Н. И. Сокольского посвящены исследованию боспорских деревянных саркофагов. В первом, касающемся типологии саркофагов IV—III вв. до н. э., подвергнута критике классификация К. Ватцингера. Главным критерием для выделения основных типов саркофагов, по мнению докладчика, является форма крышки. Докладчиком предложена следующая классификация: 1) саркофаги с плоской крышкой, 2) с двускатной, 3) с выпуклой или полуцилиндрической крышкой.

Выдвинутая классификация не встретила одобрения в прениях. Указывалось на необходимость учета всей конструкции, сопоставления с саркофагами других типов (каменными и т. д.). М. М. Кобылина обратила внимание на необходимость учитывать связь формы саркофага с погребальным культом.

Второй доклад Н. И. Сокольского посвящен саркофагу из Змеиного кургана. Подробному анализу подвергнуты стиль и технология изготовле-

ния саркофага и высказано предположение о том, что он привезен из Афин.

В прениях по докладу были признаны убедительными анализ техники и реконструкция саркофага. Тезис об аттическом происхождении его рядом выступавших (М. М. Кобылиной, Г. А. Цветаевой, А. К. Коровиной) признан недоказанным.

В докладе В. И. Кузищина «Хозяйство латифундий по Варрону» дан широкий обзор литературы и источников. Разобраны вопросы об основах хозяйства латифундии, ее товарности и рабочем персонале.

В прениях наибольшие возражения вызвала датировка виллы Боскореале. Следует учесть росписи виллы, которые относятся к третьей четверти I в. до н. э. (В. Д. Блаватский и М. М. Кобылина).

Сообщениям о полевых исследованиях в 1955 г. посвящены доклады Н. А. Онайко «Раскопки Раевского городища» и Н. И. Сокольского «Раскопки поселения у Лысой Горы».

Доклад Н. А. Сидоровой «О новейших открытиях в Средиземноморье», носивший характер информационного сообщения, прослушан с большим вниманием и вызвал ряд критических замечаний по поводу интерпретации памятников иностранными археологами.

На совместном заседании Секторов скифо-сарматской и античной археологии был заслушан доклад Л. Згуста (Прага) «Проблемы ономастики Северного Причерноморья». Доклад вызвал большой интерес и живой обмен мнениями. Особенное внимание было уделено вопросу связей древних имен Северного Причерноморья с языками северо-кавказских племен.

Н. Н. ГУРИНА

О РАБОТЕ ГРУППЫ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИИМК
АН СССР В 1956 г.

Группа античной археологии ЛОИИМК состоит из девяти человек: зав. группой доктор исторических наук В. Ф. Гайдукевич, доктора исторических наук Т. Н. Книпович, М. И. Максимова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник А. Л. Якобсон; кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники: С. И. Капошина, Е. И. Леви; младшие научные сотрудники: А. Н. Карасев, Е. Г. Кастанаян, М. А. Наливкина.

1. **П л а н о в ы е р а б о т ы.** Группой разработан ряд важных вопросов по истории экономики и культуры античных и средневековых городов и поселений Северного Причерноморья, а также их взаимосвязей с местным населением.

Совместно с Ленинградским отделением Института истории проводилась работа по подготовке Корпуса надписей Боспора, осуществляющаяся специальной группой, в состав которой от ЛОИИМК входят Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевич. Ими проведена работа по 400-м надписям (уточнение текстов надписей, эпиграфический и исторический комментарий и т. д.).

Продолжались исследования по следующим темам:

1) К истории Боспора в эллинистическую эпоху (В. Ф. Гайдукевич). Написан очерк об основных особенностях социально-политической истории Боспорского государства в эллинистическое время.

2) Курганные комплексы ранне-эллинистического Боспора (М. И. Максимова). Написан раздел, посвященный исследованию комплекса Зеленского кургана.

3) Местная керамика эллинистической эпохи малых городов Боспора (С. И. Капошина). Написан раздел, посвященный выявлению среди найденной при раскопках Мирмекия керамики продукции местных гончаров и характерных особенностей местного керамического производства.

4) Из истории ремесла Боспора (Е. Г. Кастанаян). Написан раздел об исследовании металлических изделий из раскопок Боспорской экспедиции.

5) Территория римской цитадели в Ольвии в свете новейших исследований (Т. Н. Книпович). Написана часть главы III, посвященная исследованию наслоений первых веков н. э. на территории римской цитадели Ольвии по материалам 1953 и 1954 гг.

6) Ольвийская агора по новейшим данным (Е. И. Леви). Написан раздел, посвященный изучению комплекса керамической эпиграфики (родоская группа) из раскопок водоема Ольвийской агоры.

7) Памятники монументальной архитектуры Ольвийской агоры

(А. Н. Карасев). В 1956 г. написана глава, посвященная исследованию мраморного алтаря.

8) Ремесло и торговля Херсонеса первых веков н. э. (М. А. Наливкина).

9) Культура Северного Причерноморья в средние века (А. Л. Яковсон). Написана глава, посвященная основным этапам исторического развития Северного Причерноморья и культуре ранне-средневекового Крыма.

II. Экспедиционные работы. При проведении полевых исследований были открыты памятники, характеризующие культуру Северного Причерноморья до греческой колонизации и исследованы некоторые античные города на Керченском полуострове. Получен новый обширный материал, характеризующий историю материальной и духовной культуры античных городов Северного Причерноморья. Впервые начаты исследования раннесредневековых сельских поселений в Крыму.

Работы проводились совместно с научными учреждениями Польской Народной Республики: Институтом истории материальной культуры Польской Академии наук, Варшавским и Краковским университетами и Варшавским музеем.

Боспорская экспедиция (нач. В. Ф. Гайдукевич) продолжала археологические раскопки античных городов на территории древнего Боспорского царства на Керченском полуострове. Раскрыты новые жилые кварталы на городище Илурад и крепостная башня. Исследовался строительный комплекс эллинистической эпохи в центральной части городища Мирмекий. Вскрыта эллинистическая винодельня. Доследована винодельня эллинистического времени в районе поселка «Партизаны». Продолжались раскопки Нимфея. Разведками обнаружен ряд неизвестных до последнего времени поселений античной эпохи на Керченском полуострове.

Ольвийская экспедиция (нач. Е. И. Леви) продолжала раскопки на территории Ольвийской агоры, собраны новые важные данные по градостроительству античных городов Северного Причерноморья и в частности Ольвии, а также по экономическим связям Ольвии с другими областями античного мира. Найдены эпиграфические документы по политической истории Ольвии, ее торговым связям и существовавшим в ней религиозным культам.

Кобяковская экспедиция (нач. С. И. Капошина) получила ценные результаты по истории материальной культуры населения нижнего Дона в эпоху бронзы и первых веков н. э. (Кобяково городище).

III. Доклады. В группе античной археологии заслушано и обсуждено 20 докладов сотрудников ИИМК и других научных учреждений:

1. Боспор и скифы. (В. Ф. Гайдукевич).

2. Период позднего эллинизма в истории боспорских городов (Е. Г. Кастанаян).

3. Торговые связи античных городов северо-западного Причерноморья (М. А. Наливкина).

4. Раннесредневековые мозаические полы Херсонеса (А. Л. Яковсон).

5. Зеленский курган (М. И. Максимова).

6. К истории Боспора в эллинистическую эпоху (В. Ф. Гайдукевич).

7. Металлические изделия из раскопок Боспорской экспедиции (Е. Г. Кастанаян).

8. Наслоения первых веков н. э. на территории римской цитадели в Ольвии (Т. Н. Книпович).

9. Комплекс керамической эпиграфики из раскопок Ольвийской агоры — родосская группа (Е. И. Леви).

10. Культура средневекового Крыма. Раннее средневековье (А. Л. Яковсон).

11. Монументальный алтарь из мрамора. Ольвийская агора (А. Н. Карасев).

12. Введение к работе «Ремесло и торговля Херсонеса первых веков н. э.» (М. А. Наливкина).

13. Местная керамика из Мирмекия, раскоп «И» (С. И. Капошина).

14. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии (А. И. Болтунова).

15. Работы над изданием IOSPE, т. III (Б. Н. Граков, МГУ).

16. Могильник в совхозе № 10 в Инкерманской долине (С. Ф. Стржеleckий, Херсонский музей).

17. О некоторых спорных вопросах в исследовании и датировке памятников средневекового Херсонеса (О. И. Домбровский, Крымский филиал АН УССР).

18. Политический строй эллинистического Родоса (К. М. Колобова, ЛГУ).

19. О некоторых вопросах ономастики Северного Причерноморья (Л. Згуста, Прага).

20. О поездке в Болгарию и Румынию (А. И. Вошинина, Государственный Эрмитаж).

Кроме того, были прочитаны доклады на отчетном пленуме ИИМК АН СССР 1956 г.

1. Раскопки Ольвийской агоры (Е. И. Леви).

2. Раскопки Боспорской экспедиции в 1955 г. (В. Ф. Гайдукевич).

3. Раскопки Неаполя скифского (А. Н. Карасев).

4. О раскопках архитектурного комплекса Ольвийской агоры (А. Н. Карасев).

Н. Н. ГУРИНА

О РАБОТЕ СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА ЛОИИМК
в 1956 г.

В Секторе Средней Азии и Кавказа работало 12 сотрудников. Зав. сектором доктор исторических наук М. П. Грязнов, доктор исторических наук чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер; кандидаты исторических наук, старшие научные сотрудники: А. М. Беленицкий, А. А. Иессен, С. С. Черников; кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники: К. Х. Кушнарева, В. П. Шилов, А. А. Гаврилова, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, В. С. Сорокин, А. М. Мандельштам.

1. П л а н о в ы е р а б о т ы. Сектор Средней Азии и Кавказа разрабатывал проблемы:

1. Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР.

2. Возникновение и характер древнейших государственных образований в Закавказье, Средней Азии и Причерноморье.

Группой сотрудников — специалистов по Средней Азии разрабатывались вопросы древнейших земледельческо-скотоводческих поселений Ферганы и Южной Туркмении, для решения которых получен очень большой новый материал. Много внимания было уделено также вопросам кочевнического мира и проблеме искусства и культуры ранне-средневековых городов Средней Азии.

Был завершен ряд монографических исследований: 1) Культура населения центрального Алтая в скифское время — Туэктинские курганы (С. И. Руденко); 2) Древняя земледельческая культура в дельте Мургаба (В. М. Массон).

Продолжалась работа над монографиями:

1) Археология Закавказья с конца III тысячелетия по VI в. до н. э. (Б. Б. Пиотровский).

2) Культура Кавказа, Средней Азии и Ирана в раннее Средневековье (К. В. Тревер).

3) Древние памятники Новосибирской области (М. П. Грязнов).

4) Древняя история Восточного Казахстана (С. С. Черников).

5) Очерки по истории древних племен Поволжья (В. П. Шилов).

6) Древняя земледельческая культура Ферганы и Южной Киргизии (Ю. А. Заднепровский).

Помимо того, велась работа над темой: Археологические памятники Западного Казахстана (В. С. Сорокин).

Закончена разработка тем:

1) Памятники эпохи ранней бронзы в Восточном Закавказье (К. Х. Кушнарева).

2) К вопросу о древнейших культурах южного склона Большого Кавказа. Древнейшая металлургия железа. (В. П. Любин).

II. Экспедиционная работа в 1956 г. велась, как и в предыдущие годы, на Кавказе, в Средней Азии и Сибири.

1) Раскопки Кармир-блур (Тейшебаини). Работы проводились совместно с экспедицией АН Армянской ССР и Гос. Эрмитажем (нач. экспедиции Б. Б. Пиотровский). Исследовались цитадель и город, расположенный на плато к западу от холма.

В северо-западной части цитадели исследованы три кладовые около коридора, в которых обнаружено большое количество керамики, железных и бронзовых изделий, каменных и керамических печатей (в том числе ассирийские) и бус. Исключительно интересна находка глиняной таблички с клинописью из архива Тейшебаини, касавшейся передела земельных участков. Из ювелирных изделий обращает на себя внимание серебряная крышка сосуда с орнаментированными золотыми поясками и золотой ручкой в виде плода граната. На крышке сохранилась надпись с именем Аргишти I. В центральной части цитадели начата расчистка глубокого помещения. В городе раскопано крупное жилище с жилыми и хозяйственными помещениями.

2) Азербайджанская экспедиция совместно с АН Азербайджанской ССР (нач. А. А. Иессен) вела работы в нескольких пунктах южной части Кура-Араксинского междуречья. Широкие археологические исследования экспедиции, проведенные за последние годы на территории неисследованной ранее Мильской степи, позволили в 1956 г. впервые наметить основные этапы древнейшей истории этой обширной области Кавказа.

Работами четырех отрядов исследовались памятники, начиная с III тысячелетия до н. э. и кончая памятниками средневековья.

3) Таджикская экспедиция совместно с АН Таджикской ССР (нач. А. М. Беленицкий) изучала памятники каменного и бронзового века, городища, курганы и могильники.

а) Пенджикентский отряд этой экспедиции (нач. А. М. Беленицкий) продолжал раскопки городища древнего Пенджикента. Вскрыты помещения с сохранившейся стеной росписью и получены новые данные по истории материальной культуры и архитектуры древнего Согда.

б) Восточно-памирский отряд Таджикской экспедиции (нач. А. Н. Бернштам) провел работы на Акбеитском могильнике. Вскрыто более 20 курганов, собран обильный материал для характеристики культуры сакского времени. Проведена разведка по Западному Памиру, где основное внимание привлекли многочисленные наскальные изображения. Открыто несколько местонахождений каменных орудий на Восточном Памире и в Алайской долине (Киргизская ССР).

4) Южно-киргизский отряд совместно с АН Киргизской ССР (нач. Ю. А. Заднепровский) продолжил изучение городища Шурабашат в Узгенском оазисе. Материал городища позволяет выделить четыре этапа в его развитии. Продолжено обследование и поиски новых памятников на территории Ошской области.

5) Кара-кумский отряд совместно с АН Туркменской ССР (нач. В. М. Массон) продолжал систематическое изучение раннеануских памятников. Вскрыты жилые дома, обнаружена расписная керамика, статуэтки людей и животных, бусы и различные орудия. Материал свидетельствует о связи с одновременными культурами Ирана и северо-западной Индии. Завершено вскрытие монументального здания IX—VII вв. до н. э. на цитадели Яз-депе в дельте Мургаба.

6) Восточно-Казахстанская экспедиция (нач. С. С. Черников) закончила археологическое обследование территории будущего водохранилища Бухтарминской ГЭС и раскопки неолитического поселения (Усть-Нарым),

поселения эпохи бронзы (Трушниково) и двух могильников эпохи ранних кочевников (Кула-Журга и Усть-Буконь).

7) Западно-Казахстанский отряд (нач. В. С. Сорокин) работал в Новороссийском районе Актюбинской области. Исследовался могильник Тасты-Бутак I (андроновской культуры), состоящий из 56 погребальных сооружений в виде так называемых каменных колец, принадлежащих одной культуре. Обнаружен второй могильник (Тасты-Бутак II), относящийся, по-видимому, к заключительной фазе андроновской культуры.

В непосредственной близости от могильников открыто связанное с ними андроновское поселение с остатками жилищ.

8) Астраханская экспедиция (нач. В. П. Шилов) производила раскопки курганного могильника у с. Ленинск, Ленинского района, Сталинградской области. Обнаружено 30 погребений, датирующиеся II тысячелетием до н. э.—XII в. н. э. Они дают новые материалы по истории древних племен Н. Поволжья во II тысячелетии и в позднесарматское время.

III. Доклады. В Секторе заслушаны и обсуждены следующие доклады:

1. Мургабский вариант культуры Намазга VI (В. М. Массон)
2. Поселение Узерлик-тепе около Агдама (К. Х. Кушнарева)
3. Стратиграфия поселения Яз-депе (В. М. Массон)
4. Керамика городища Шурабашат (Ю. А. Заднепровский)
5. Скульптура и живопись древнего Пенджикента (А. М. Беленицкий)
6. Снятие планов, разрезов и профилей при археологических раскопках (В. С. Сорокин)
7. Маргиана в составе Ахеменидской державы (В. М. Массон)
8. Некоторые вопросы раннежелезного века Поволжья (В. П. Шилов)
9. Некоторые вопросы истории бронзового века и перехода к раннему железу в Ферганской долине (Ю. А. Заднепровский)
10. Раскопки могильника Тасты-Бутак I в 1956 г. (В. С. Сорокин)
11. Основные итоги и перспективы изучения Северного Кавказа (А. А. Иессен)
12. Культура эпохи бронзы в Центральном Закавказье (Б. Б. Пиотровский)
13. Туэктинские курганы (С. И. Руденко)
14. Привозные ткани в курганах Горного Алтая (А. А. Гаврилова)
15. Памятники Восточного Закавказья II тысячелетия до н. э. (К. Х. Кушнарева)
16. Скотоводческо-охотничьи племена II тысячелетия до н. э. в Новосибирской области (М. П. Грязнов)
17. Раннеанауское поселение Кара-тепе у Артыка (В. М. Массон)
18. Египетские древности, найденные на территории Советского Союза (Б. Б. Пиотровский)
19. Памятники культуры энеолитической эпохи из Мингечаура (Г. Асланов, Р. Ваидов, Г. Йоне — Баку)
20. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. (Л. Р. Кызласов, МГУ)
21. Эпиграфические данные на сфероконических сосудах Орен-Калы (Л. Г. Гюзальян, Гос. Эрмитаж)
22. Раскопки селища андроновской культуры в Лесном Зауралье летом 1955 г. (Е. М. Берс, Свердловский гос. университет)
23. Опыт периодизации памятников Внутренней Картли и проблема энеолита Кавказа (С. И. Надимашвили, Гори, Грузинская ССР)
24. Об экономике города Байлакана (А. И. Мальцева)
25. Облик раннесредневекового города Средней Азии по данным раскопок древнего Пенджикента (В. Л. Воронина, Академия архитектуры, Москва)

26. История архитектуры Азербайджана (Л. С. Бретаницкий)

27. К вопросу о древней металлургии железа в Юго-Осетии и Имеретии (В. П. Любин).

Кроме того, прочитаны были доклады на отчетном пленуме ИИМК 1956 г.:

1. Раскопки средневекового здания на Красноярской сопке (Н. Н. Забелина)

2. О некоторых находках китайских монет в Приморье (М. В. Воробьев)

3. Итоги изучения Кармир-блур за десять лет (Б. Б. Пиотровский)

4. Основные вопросы изучения памятников энеолита и ранней бронзы (В. М. Массон)

5. Археологические работы в 1955 г. в Западном Казахстане (В. С. Сорокин)

6. Археологические работы в Восточном Казахстане в 1955 г. (С. С. Черников)

7. Раскопки на поселении Узерлик-тепе около Агдама (К. Х. Кушнера)

8. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. (Ю. А. Заднепровский)

9. Археологические работы в Мильской степи в 1955 г. (А. А. Иссен).

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

О РАБОТЕ СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИИМК в 1956 г.

В секторе работало 22 сотрудника. Зав. сектором — доктор исторических наук, чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков. Состав: доктор исторических наук, чл.-корр. АН СССР А. Д. Удадьцов; доктора исторических наук: А. В. Арциховский, Н. Н. Воронин; кандидаты наук, старшие научные сотрудники: А. Ф. Дубынин, Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт, С. А. Тараканова, Г. Б. Федоров; кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники: Л. В. Алексеев (ученый секретарь сектора), А. Е. Алихова, Е. И. Горюнова, А. П. Гуссаковский, В. В. Крпоткин, Ю. В. Кухаренко, А. Ф. Медведев, А. В. Никитин, Т. Н. Никольская, С. А. Плетнева, В. В. Седов; младший научный сотрудник В. П. Петров.

В соответствии с пятилетним планом института сектор разрабатывал следующие проблемы, связанные с разделом «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР»:

1. Древние славяне в I тысячелетии н. э.
2. Русское государство и его культура.
3. Город и деревня в древней Руси.

Сотрудники сектора принимали участие в Славянской, Славяно-болгарской, Среднерусской, Прибалтийской, Новгородской и Московской экспедициях.

На 23 заседаниях сектора зачитано 27 докладов по общим и частным вопросам восточно-славянской археологии, о полевых исследованиях текущего и прошлых сезонов, а также по вопросам, связанным с историческим источниковедением.

Пять докладов посвящено темам более широкого археологического профиля.

С докладом «Смена археологических культур Поднепровья на рубеже III—II тысячелетий до н. э. и историческая обстановка того времени» выступил В. П. Петров, считающий, что появление зарубинецкой культуры в среднем течении Днепра и культуры типа обнаруженной при раскопках близ сс. Гавриловки и Золотой балки на нижнем, не следует связывать с сарматским вторжением, а само вторжение ограничивалось лишь территорией Приазовья. Развитие сети селищ на Нижнем Днепре II—I вв. до н. э., а также возникновение на рубеже III—II в. до н. э. мелкотоварного хозяйства (появление монет Скилура), как считает автор, опровергают мнение о поколебленной мощи скифов, о «царстве Скилура, ослабленном напором сарматов». В прениях по докладу, в которых приняли участие и члены Сектора скифской археологии, отмечено, что несмотря на удачное объединение археологических и письменных материалов, автор стоит на неверных позициях в отношении ряда важных вопросов: мелкотоварное производство

в дочерняховское время (В. В. Кропоткин); тезис о наличии мелких свободных товаропроизводителей, непосредственно торгующих с Ольвией (Н. Н. Погребова) и т. д.

«Социально экономической структуре раннесредневекового Херсонеса» посвящено сообщение аспиранта ГИМ Д. Л. Талиса, в котором автор нарисовал картину развития раннефеодального города на примере Херсонеса.

С интересным докладом об этнической принадлежности милоградской культуры выступила О. Н. Мельниковская, проследившая в ряде случаев типологическую и генетическую близость культур раннего железного века Волини и Житомирщины, в частности, высоцкой, с одной стороны, и подгорской культуры Киевщины и милоградской Юга Белоруссии (VI—III вв. до н. э.) — с другой. Отсутствие у милоградской культуры своей генетической подосновы дает возможность, по мнению автора, выдвинуть гипотезу о передвижении населения из указанных областей в область Верхнего Поднепровья. Возможно, это нашло отражение в известии Геродота о передвижении неуров на восток, а в римскую эпоху — в прямом указании на пребывание их на Верхнем Днепре.

С. А. Тараканова в докладе «О некоторых чертах погребального обряда у северных племен восточного славянства» подвела итог своим работам над курганными древностями в Псковской, Великолукской и Новгородской областях, выдвинув тезис о насыпании курганов в этих местах еще при жизни умершего, что вызвало возражения у слушателей.

С итогами обработки костного материала из прибалтийских раскопок выступил В. И. Цалкин.

Девять докладов посвящались частным вопросам: отдельным памятникам археологии, архитектуры, предметам древнерусского прикладного искусства.

Э. А. Симонович (ГМИИ) прочел доклад о поздних грунтовых погребениях Каменского могильника Запорожской области (предмонгольского времени), представляющих явление весьма редкое в степях юга СССР. По мнению автора, могильник свидетельствует об обитании в степной полосе населения разного этнического происхождения.

Большой интерес вызвал доклад Б. А. Колчина, посвященный типологии и датировке некоторых видов археологических древностей из новгородских раскопок. Четко разработанная стратиграфия культурного слоя древнего Новгорода позволила автору датировать вещи, ранее датировке не подвергавшиеся: различные типы кресал, ножей, ключей, замков и т. д. по их технологическим особенностям производства. Единообразие технологии производства железных предметов во всех городах древней Руси, установленное автором (в более ранних работах), позволит теперь археологам уточнить датировку памятников исходя из хронологии, установленной для новгородских предметов.

Первый опыт массового изучения древних новгородских жилищ освещен в докладе П. И. Засурцева. Автором разработаны принципы классификации древних жилищ, хозяйственных и производственных построек, выделены четыре типа жилищ и установлены их датировки.

Т. Н. Никольская выступила с докладом, посвященным двухлетнему исследованию городища у дер. Николо-Ленивец (Калужской области) III—II вв. до н. э. — III—V вв. н. э., представляющего, по ее предположению, остатки святилища, подобного Благовещенской Горе во Вщиже (раскопки Б. А. Рыбакова) и некоторым городищам Смоленщины. Выступающие (П. Н. Третьяков, Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков) отметили большое значение проведенных работ и высказали ряд полезных советов по методике раскопок такого рода памятников.

Два доклада посвящено остаткам деревянного здания, большей частью

вошедших в раскоп на замчище древнего Минска (раскопки В. Р. Тарасенко 1950 г.)¹, которые автор раскопок неверно интерпретировал как две часовни, построенные последовательно. В первом докладе Л. В. Алексеев, восстанавливая план здания, доказывал, что оно представляло собой деревянную церковь XII в., впервые вскрытую раскопками. Источником ее архитектуры является народное домостроительство (пятистенный дом), а аналогии следует искать в зарисовках Мейерберга XVII в. Во втором докладе Н. Н. Воронин, основываясь на плане церкви, составленном Л. В. Алексеевым, предложил три варианта ее реконструкции, отметив большое сходство памятника с известными каменными храмами западно-русского края (Полоцк, Смоленск, Псков). Выступавшие по докладам историки архитектуры (М. А. Ильин, А. Д. Ополовников, П. Н. Максимов) и археологи (П. И. Засурцев) высказали сомнения в отношении обеих реконструкций, отметив необходимость вскрытия недоследованной части памятника. Было решено выделить специальные средства для продолжения раскопок.

Два доклада посвящались предметам прикладного искусства древней Руси. М. Г. Рабинович (Музей истории и реконструкции Москвы) сообщил о находке, при раскопках Тушкова городка под Москвой, интересного украшения из гарнитура князя А. Д. Можайского (начало XVII в.), которое может быть, по мнению докладчика, сопоставлено с шапкой Мономаха. Л. В. Алексеев сделал сообщение о кресте Ефросинии Полоцкой 1161 г. и его мастере Лазоре Богше. Фотографии этого неопубликованного и исчезнувшего предмета были им обнаружены в архиве Шляпкина.

Прослушано пять сообщений о полевых работах 1955 г.: А. Е. Алихой — об обследовании шести городищ юхновской культуры в Курской области и раскопках двух из них: Моисеевского и Кузиной горы; В. В. Седова — о разведках древнерусских селищ Смоленщины. Несмотря на крайнюю ограниченность средств, работы дали значительные результаты для изучения характера древнерусской деревни домонгольского времени. Интересны наблюдения автора над распространением определенных видов гончарных клейм в пределах одного жилища; Т. В. Равдиной — о реконструктивных раскопках в древнем Пинске. Особый интерес вызвали древние поливные плитки пола, заставляющие предполагать наличие вблизи от раскопа остатков домонгольского здания и фрагмент древнерусской корчаги XII в. с надписью «Ярополче Вино». Интересные сведения о раскопках городищ в Брянской области сообщила Л. В. Артишевская и Е. И. Горюнова об исследовании Дурасовского городища с остатками наземных домов.

Кроме археологических тем, сектор заслушал пять докладов исторического и историко-источниковедческого содержания.

Б. А. Рыбаков («Нестор о древних славянах и Русь IX в.») сделал интересную попытку восстановления первоначального вида вводной части «Повести временных лет», принадлежащей Нестору. Правильность восстановления текста подтверждается, по мнению автора, сопоставлением его с византийскими, арабскими, среднеазиатскими, персидскими, западно-европейскими источниками, а также и с археологическим материалом. В ходе обсуждения доклада были отмечены удачные приемы в реконструкции летописного текста (А. А. Зимин, Институт истории АН СССР) и указывалось, что исследование автора, стоящего на пути, начатом А. А. Шахматовым (Н. Н. Воронин), дает много нового для науки.

Н. Н. Воронин прочел два историко-источниковедческих доклада. В одном («Анонимное сказание о Борисе и Глебе»), присоединяясь к взгляду А. А. Шахматова на «сказание» (дошедшая до нас редакция относится к 1115 г.), докладчик показал, что автором этого, как он считает,

¹ КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 127, рис. 42

единого и стройного по идейному замыслу произведения был поп Лазарь, поставленный около 1088 г. Выдубецким игуменом, участвовавший в вышгородских торжествах 1115 г. и умерший через два года. Лазарь, по мнению докладчика, — один из крупнейших русских писателей времени Мономаха. В другом докладе («К характеристике Владимирской литературы») Н. Н. Воронин проанализировал церковно-литературные произведения 60-х гг. XII в. («Сказание о чудесах Владимирской иконы», «Слова и службы на Покров» и «Сказание об убийстве Андрея Боголюбского») и высказал гипотезу о работе над ними группы авторов во главе с вышгородским выходцем попом Микулой, который был автором «Сказания о чудесах...» и «Сказания об убийстве Андрея Боголюбского».

А. Д. Удадьцов прочел доклад «Князь Олег», основные положения которого вызвали ряд возражений присутствующих (Б. А. Рыбаков, Н. Н. Воронин и др.). В небольшом сообщении «Русь и Андалузия» Б. А. Рыбаков указал на ошибочность традиции связывать упоминания восточных авторов о пребывании русов в Андалузии с Испанией. Новое чтение этих текстов, предпринятое востоковедами, заставляет, по мнению докладчика, под Андалузией понимать страну Анатолус в Малой Азии, куда русы в действительности ездили.

Сектор заслушал также информации двух аспирантов о проделанной ими работе по диссертационным темам.

И. П. Русанова («Погребальные памятники древлян») дала общий обзор археологических памятников этих племен, сделав ряд важных выводов. Доклад получил высокую оценку сектора. П. П. Бырня («Краткий обзор археологических памятников молдавского средневековья») коснулся вопросов, связанных с проблемами молдавской средневековой археологии.

Несколько заседаний сектора уделено организационно-издательским вопросам, на которых был рассмотрен и одобрен предложенный Б. А. Рыбаковым план издания «Корпуса археологических источников», а также зачитаны главы II тома очерков по истории СССР (авторы — Б. А. Рыбаков, Ю. В. Кухаренко и др.), вызвавшие оживленные прения. Одно заседание сектора (первое после летнего сезона) было посвящено краткой информации всеми его членами о проделанных раскопочных работах в 1956 г.

Большая работа проведена сектором по редактированию и подготовке к печати II тома очерков по истории СССР, нескольких томов в серии МИА СССР («Труды Новгородской экспедиции», т. II и др.), по рецензированию статей (для «Прибалтийского сборника», т. I и др.).

В 1956 г. были выпущены в свет: монография А. Л. Монгайта «Старая Рязань» (МИА № 49) и сборник «Труды Новгородской экспедиции», т. 1 (МИА № 55); издано 17 статей, сдано в печать 46.

Н. Н. ГУРИНА

О РАБОТЕ ГРУППЫ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ЛОИИМК в 1956 г.

Группа славяно-русской археологии состояла из девяти человек. Зав. группой М. К. Каргер, доктор исторических наук М. И. Артамонов, ст. научный сотрудник чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникас, кандидаты исторических наук, старшие научные сотрудники: И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, М. А. Тиханова; кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники: Ф. Д. Гуревич, П. А. Раппопорт, Я. В. Станкевич.

I. П л а н о в ы е р а б о т ы

В 1956 г. группа работала над темами, объединяющимися в две основные проблемы:

1. Ранняя история восточных славян.
2. Культура древнерусских городов.

По ранней истории восточных славян работа производилась над материалами северной, лесной полосы, и южной, лесостепной. Особое внимание уделялось проблеме выделения наиболее ранних безусловно славянских памятников.

В области изучения культуры древнерусских городов разрабатывались вопросы, связанные с техникой древнерусского монументального строительства и организацией обороны древнерусских городов.

Было завершено монографическое исследование: «Днепровское левобережье в I тысячелетии н. э.» (И. И. Ляпушкин).

Продолжались работы над монографиями:

- 1) Строительная техника древней Руси XIV—XV вв. (М. К. Каргер).
- 2) Русские оборонительные сооружения XIV—XV вв. (П. А. Раппопорт).
- 3) Очерки по истории художественного ремесла среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. (Г. Ф. Корзухина).
- 4) Южная Волянь в I—V вв. н. э. и ее место в истории славянства (М. А. Тиханова).
- 5) Ранние славяне междуречья Западной Двины и Днепра (Я. В. Станкевич).
- 6) Славяно-литовские отношения в I тысячелетии н. э. (Ф. Д. Гуревич).

II. Э к с п е д и ц и о н н ы е р а б о т ы

Галицко-Волынская экспедиция (нач. М. К. Каргер) проводила раскопки в г. Владимире-Волынском. Вскрыты два кирпичных храма XII—XIII вв., имеющие очень большое значение для изучения истории русской

архитектуры. При раскопках в г. Переяславе-Хмельницком обнаружены остатки «города каменного», известного по летописям.

Отряд Среднерусской экспедиции по изучению крепостей (нач. П. А. Раппопорт) обследовал оборонительные сооружения на городищах в Торопце, Холме, Красногородском, Великолукской области и в с. Велье, Псковской области. Был полностью прорезан и изучен вал Симеонова городища в г. Калуге.

Славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции (нач. Ф. Д. Гуревич) осуществлял разведку археологических памятников в районе г. Новогрудка (Зап. Белоруссия). Откопты 25 памятников литовской и славянской культуры. В Калининградской области отряд провел раскопки на городище у с. Логиново и разведки в его окрестностях.

Днепровский Левобережный отряд Славянской экспедиции (нач. И. И. Ляпушкин) провел раскопки двух поселений и курганного могильника в Брянской области, относящихся к роменско-боршевской культуре.

Великолукский отряд Славянской экспедиции (нач. Я. В. Станкевич) занимался разведочными работами на городище у дер. Рудня, в южной части Великолукской области, а также продолжал раскопки раннеславянского городища у дер. Городище близ г. Великие Луки.

Днепровский отряд Славянской экспедиции (нач. М. А. Тиханова) продолжал раскопки поселения эпохи полей погребений в Луке-Врублевцевой и разведку археологических памятников на Вольни.

III. Доклады. Группой славяно-русской археологии заслушано 20 докладов и сообщений:

1. Обряд погребения Гочевского могильника (К. В. Павлова).
2. Об археологических памятниках Верхнего Понеманья (Ф. Д. Гуревич).
3. Среднее Поднепровье в V—VII вв. (Г. Ф. Корзухина).
4. Занятия населения и общественный строй Новотроицкого городища (И. И. Ляпушкин).
5. Организация обороны территории Северной Руси в период с XI по XV вв. (П. А. Раппопорт).
6. Итоги изучения материалов Новотроицкого городища (И. И. Ляпушкин).
7. Об этническом составе населения верхнего Понеманья по археологическим данным (Ф. Д. Гуревич).
8. Статистика каменных сооружений на Руси (М. К. Каргер).
9. О книге Шмидехельма «Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии» (рецензия, Ф. Д. Гуревич).
10. Новые издания Института археологии АН УССР (рецензия, М. К. Каргер).
- 11—14. Сообщения о методике полевой работы, сделанные П. А. Раппопортом; Ф. Д. Гуревич; М. А. Тихановой; Я. В. Станкевич.
15. О некоторых новых находках в Белостокском воеводстве (Польша). Информация (Ф. Д. Гуревич).
16. Производство изразцов и опыт реконструкции печей по данным раскопок Старого Орхеля (Г. Д. Смирнов, Молдавия).
17. Спорные вопросы «Ледового побоища» (Л. Н. Пунин, Военно-историческая секция Дома Ученых).
18. К истории русско-корсунских связей (А. Л. Якобсон).
19. Жилища Саркела-Белой Вежи (В. Д. Белецкий, Государственный Эрмитаж).
20. Пряслище городища Саркел-Белая Вежа (В. П. Левенок).

Кроме того, были прочитаны доклады на отчетном пленуме ИИМК 1956 г.:

1. Основные итоги работ Галицкой экспедиции в 1955 г. (М. К. Каргер).
 2. Плановая структура городищ северо-восточной Руси (П. А. Раппопорт).
 3. Памятники славянской культуры второй половины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины (Я. В. Станкевич).
 4. Работы средневекового отряда Славянской экспедиции в 1955 г. (М. А. Тиханова).
 5. Разведочные работы славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1955 г. (Ф. Д. Гуревич).
-

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР в 1955 г.

В 1955 г. Отделом полевых исследований ИИМК АН СССР было выдано 155 открытых листов на право производства археологических исследований на территории 58 областей, краев, автономных областей, автономных республик РСФСР: г. Москва и Московская область, г. Новгород и Новгородская область, г. Псков и Псковская область, Ленинградская, Великолукская, Смоленская области и г. Смоленск, Вологодская, Кировская, Калининская, Владимирская области и г. Владимир, Горьковская, Костромская, Ярославская, Рязанская обл. и г. Рязань, Тульская, Калужская, Брянская, Орловская, Курская, Воронежская, Белгородская, Пензенская, Пермская, Челябинская, Свердловская, Оренбургская, Курганская области, Татарская, Башкирская, Чувашская, Удмуртская, Марийская, Мордовская АССР, Арзамасская, Ульяновская, Куйбышевская, Саратовская, Астраханская, Ростовская, Грозненская области, Дагестанская, Кабардинская и Северо-Осетинская АССР, Краснодарский и Ставропольский края, Тюменская, Томская, Кемеровская, Читинская, Иркутская и Магаданская области, Красноярский (в том числе Хакасская автономная область), Хабаровский и Приморский края, Тувинская автономная область, Якутская и Бурят-Монгольская АССР, Сахалинская область.

1955 год был последним годом работ в зонах строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Работы Куйбышевской экспедиции (нач. А. П. Смирнов) производились двумя отрядами.

Первый отряд (нач. А. М. Ефимова) проводил исследования в районе Балымеры—Полянки—Зеленовка и наблюдал за земляными работами на территории с. Болгары. На ручье Ржавец исследована болгарская деревня, а близ дер. Балымеры поселение VIII—XI вв. с землянками. Уникальна находка на нем четырех арабских надписей на пряслице и сосудах. Близ дер. Полянок исследовалась печь для обжига кирпича XVIII—XIX вв., небольшие работы производились на Зеленовском селище VIII—XII вв.

Второй отряд (нач. Н. Я. Мерперт) вел работы в Сусканской низменности. Раскопано поселение, относящееся к эпохе бронзы, и три кургана; один из них у дер. Городище с 20-ю погребениями (срубная культура), там же вскрыты кенотаф с керамикой андроновского типа и три жертвенника. Близ дер. Хрящевка исследован курган с девятью погребениями (срубная культура); под насыпью в центре обнаружен жертвенник с расчлененным погребением, а к югу от него — мужское погребение в могиле со сложным деревянным сооружением.

Сталинградская экспедиция (нач. К. Ф. Смирнов) работала двумя отрядами. Нижне-Волжский отряд (нач. К. Ф. Смирнов) продолжал раскопки курганов у с. Быкова. В двух группах вскрыто 18 курганов, в ко-

торых обнаружено 129 одновременных погребений (от времени ямной культуры и до захоронений кочевников VI—IX вв. н. э.). Кроме этого, производились исследования (Т. Б. Попова, ГИМ) на двух (из пяти открытых) поселениях эпохи бронзы и на грунтовом могильнике срубной культуры, где вскрыто три погребения; инвентарь и обряд погребения те же, что и в курганах того времени.

Основные работы Заволжского отряда (нач. И. В. Синецын) проводились в зоне будущего Сталинградского водохранилища в низовьях р. Еруслана, в окрестностях с.с. Бережновки и Молчановки и на возвышенной береговой террасе р. Волги, в местах новостроек Молчановской МТС и Новой Бережновки. Всего вскрыто 62 кургана, содержащих 166 погребений (с IV—III тысячелетий до н. э. до золотоордынского времени) и закончены раскопки керамической мастерской золотоордынского времени. В савроматском погребении у новой Бережновки найдены кабаньи клыки с прекрасно выполненными изображениями хищных животных.

Красноярская экспедиция (нач. М. П. Грязнов) обследовала долину р. Енисея и его притоков в зоне водохранилища Красноярской ГЭС. Работа производилась тремя отрядами. Открыты две верхнепалеолитические стоянки, произведены разведочные раскопки на трех неолитических стоянках и на могильнике андроновского времени около с. Белоярска. Вскрыто несколько карасукских погребений близ сс. Потрашилова и Батеней и три кургана первого этапа минусинской курганной культуры на рр. Ерге и Таштык. В могильнике афанасьевской культуры близ с. Потрашилова вскрыто намогильное сооружение, частично исследована литейная мастерская второго этапа минусинской курганной культуры и поселение таштыкской культуры на р. Таштык.

Ангарская экспедиция (нач. А. П. Окладников) продолжала исследование древних поселений в долине р. Ангары выше г. Иркутска и начала работы в зоне строительства Братской ГЭС. Неолитические поселения исследовались у с. Патроны и на островах р. Ангары (Варакан, Коноваловский, Кочерга), где велись также раскопки поселений эпохи бронзы и железа. В районе г. Братска обнаружены неолитические погребения и поселение у Монастырского камня, обследованы петроглифы у д. Баля и на каменных островах р. Ангары.

Московская экспедиция (нач. А. Ф. Дубынин) продолжала раскопки на территории Зарядья. Обнаружены остатки 11 жилых и хозяйственных построек, части заборов и плетней, дренажные сооружения. Открыто кладбище XIV—XVII вв., остатки здания конца XV—начала XVI в. из белого камня и маломерного кирпича. В нижних, домонгольских, слоях найдено много стеклянных браслетов и керамики курганного типа.

В Москве, на территории Высоко-Петровского монастыря, под руководством В. И. Матвеевой продолжались работы, предпринятые Республиканской реставрационной мастерской. Исследовалась юго-западная часть монастыря у задних проезжих ворот и в галлерей братских келий.

М. Г. Рабинович (Музей истории и реконструкции Москвы) исследовал в Московской области древний город Перемышль (городище Городок). Обнаружены жилища типа полуземлянок с глинобитными печами. Город существовал в домонгольское время, расцвет его относится к XIV—XV вв. Исследовано устройство вала, открыты остатки металлургического горна, крупного гончарного горна, каменного фундамента небольшой церкви и кладбище при ней.

Л. Я. Астржембский (Музей истории и реконструкции Москвы) раскопал три кургана XIII—XIV вв. у ст. Истра.

Г. П. Латышева (Музей истории и реконструкции Москвы) вскрыла семь курганов с кривичскими погребениями XIII—начала XIV в. в группе Поваровка III у ст. Поваровка, Октябрьской ж. д., Московской области.

А. В. Успенская производила исследования в Звенигородском районе Московской области. На «Городке» в г. Звенигороде зачищен вал, открыт развал большой глинобитной печи XII—XIII вв. Обследованы селище у д. Бушарово, Каринское городище, стоянка льяловской культуры. Кроме того, велись наблюдения за архитектурными работами на территории Саввино-Сторожевского монастыря.

При наблюдениях за земляными работами на территории Загорского монастыря Т. В. Николаевой обнаружены две белокаменные надгробных плиты — 1582 г. (И. Ростовской) и 1578 г. (Б. И. Сукина).

Новгородская экспедиция (нач. А. В. Арциховский) продолжала раскопки на Неревском конце древнего Новгорода. Закончены три раскопа, начатые в 1954 г., а четыре новых доведены до уровня XIII в. На старых раскопах вскрыта целиком большая усадьба на углу Великой и Холопьевой улиц; на новых — перекресток Великой и Кузьмодемьянской улиц и части усадеб, расположенных на его углах. Найдены 57 берестяных грамот от первой половины XI до первой половины XV вв. (из них целых 19). Наибольшее количество грамот приходится на XIII и XIV вв. Находки как всегда обильны: среди них много деревянных вещей, изделий из железа, цветного металла, кости, камня, стекла и т. д.¹

М. К. Каргер (по поручению Новгородского областного отдела по делам архитектуры) вел архитектурно-археологическое исследование Новгородского Софийского собора. В Мартирьевской паперти под современным полом и строительным мусором открыто шесть поздних кирпичных склепов и под ними восемь древних каменных саркофагов и склепов, оставшихся невскрытыми. На поверхности стены открыты фрагменты древней фресковой росписи, на небольшом участке вскрыт хорошо сохранившийся фрагмент древнего пола в виде крупных каменных плит. На южной поверхности северо-восточного столпа в южном нефе собора обнаружено граффити с изображением пятиглавого храма.

Г. П. Гроздилов (Гос. Эрмитаж и Псковский областной краеведческий музей) продолжал раскопки древнего Пскова в Старом Застенье и в Окольном городе (на Новом торге XV—XVI вв.). В первом пункте выявлено восемь строительных периодов XI—XV вв. с 26 строительными комплексами. Сохранились основания бревенчатых срубов в один—три венца, остатки полов и печей из крупных валунов. В Окольном городе выявлена широкая замощенная улица и часть другой, ей перпендикулярной.

Прибалтийская экспедиция (ИИМК, ИЭ АН СССР, нач. Н. Н. Чебоксаров) работала несколькими отрядами. Неолитический отряд (нач. Н. Н. Гурина) обследовал археологические памятники на территории Псковской, Великолукской и частично Калининской областей. Обнаружено свыше 80 памятников, в основном неолитических стоянок и славянских селищ. Неолитические стоянки сконцентрированы на территории Великолукской и Калининской областей, в Псковской области они почти отсутствуют. Находки сходны с материалами эпохи неолита в Новгородской области и в районе Вышнего Волочка, что позволяет предполагать здесь наличие особой неолитической культуры.

Славянский отряд (нач. С. А. Тараканова) вел раскопки в Великолукской области. Исследовались Язбовское и Себежское городища (последние века до н. э.—начало н. э.). Вскрыто 13 курганов с трупосожжением и труположением.

Западно-Двинский отряд Славянской экспедиции (нач. Я. В. Станкевич) продолжал начатые в 1954 г. раскопки городища у дер. Городище (Великолукская область). За два года работ вскрыты остатки пяти дере-

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1955 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1956, № 3.

ванных сооружений, в одном из которых обнаружена костерезная мастерская. Исследовано устройство вала и остатки кузницы.

С. Н. Ильным (г. Шуя, музей им. М. В. Фрунзе) зафиксировано 10 городских каменных надгробных крестов XII—XV вв. в г. Невеле (Великолукская область) и уточнены данные о ранее известных «следовиках» в окрестностях озера Селигер и у с. Новосел (Новгородская область).

Верхнеднепровский отряд Славянской экспедиции (нач. П. Н. Третьяков) исследовал городище «Тушемля» (Смоленская область). Городище двухслойное (VI—III вв. до н. э. и первая половина I тысячелетия н. э.). Обнаружена постройка столбовой конструкции, относящаяся к верхнему слою, и остатки круглого сооружения в нижнем культурном слое. Городище, возможно, представляет собой святилище. Часть подобного круглого сооружения исследована также на городище «Городок» близ г. Починок.

Смоленский отряд Среднерусской экспедиции (нач. В. В. Седов) обследовал берега рр. Дресны, Наготи и частично Россажи. Открыто более 20 селищ IX—XIV вв. Раскопки производились на трех селищах, городище и шести курганах второй половины XII в.

Д. А. Авдусин (Смоленский областной краеведческий музей и МГУ) в г. Смоленске вскрыл остатки стен и столпов церкви XII в., сложенной из плинфы. На обломках штукатурки обнаружены граффити, а на обломке плинфы — изображение человеческого лица. В другом раскопе собран большой материал по истории ремесла, культуры и быта Смоленска XI—XII вв.

Е. А. Шмидт (Смоленский научно-исследовательский институт краеведческой работы) производил разведку в Смоленской области по течению рек Угры, Вори, Жижалы, Волости, Успи. Открыто несколько неолитических стоянок (на р. Угре); обследованы городища, жизнь на которых продолжалась до середины I тысячелетия н. э., и одновременные им селища, а также более поздние городища и курганы. Длинные и удлиненные курганы раскапывались в группах у деревень Васильевщина (три кургана) и Маркатушина (один). Установлено, что остатки сожжения помещались в грунтовые ямки.

В. И. Матвеева (Республиканские реставрационные мастерские) вела небольшие исследования в г. Смоленске в связи с реставрацией Воскресенской церкви XVIII в.

А. Г. Векслер (Смоленский областной краеведческий музей) обследовал археологические памятники в районе Микулинских озер в Смоленской области.

В Вологодской области А. Я. Брюсовым (Северная экспедиция) продолжены раскопки неолитической стоянки Каравайха на р. Еломе. На территории стоянки обнаружено шесть погребений ранее неизвестного здесь типа. На р. Модлоне в местности «Селище» исследовалось двухслойное поселение (слой III тысячелетия до н. э. и конца II тысячелетия до н. э.). В верховьях р. Модлоны против дер. Веретье открыта стоянка с двумя культурными слоями (неолитический и эпохи железа), а на стрелке р. Модлоны остатки еще двух свайных поселений.

И. К. Цветкова (ГИМ и Череповецкий краеведческий музей) исследовала в Вологодской области стоянку Водоба II (слои неолитические и эпохи раннего железа) и вела разведку в районе Унжинского, Роксомского и Шубачского озер. Из находок на стоянке следует отметить бронзовую фигурку рыбы с головой хищной птицы.

Раскопки в г. Вологде (Вологодский областной краеведческий музей, руководитель А. В. Никитин) позволили доказать домонгольское происхождение города (найдено около 20 стеклянных браслетов, предметы XII—XVII вв.). Обнаружены постройки и замощение улиц.

В Калининской области А. Х. Репман (Вышневолоцкий краеведческий музей) обследовал археологические памятники в Вышневолоцком и Спировском районах. Обнаружены отдельные курганы и курганные группы. Кроме того, продолжались раскопки на ручье Чамка, где вскрыто семь курганов. Обряд погребения — трупосожжение на стороне (VIII—IX вв.).

В окрестностях г. Калинина О. Н. Бадер (ИИМК, Калининский областной краеведческий музей) обследовал семь мезолитических стоянок, открытых ранее Ф. И. Ивановым.

Владимирским отрядом Среднерусской экспедиции (нач. Н. Н. Воронин) во время работ в г. Владимире установлена первоначальная трасса Мономахова вала, выявлены следы заселения склона городской горы в XII—XIII вв. и гончарная печь XIV—XV вв. В Боголюбове установлено искусственное происхождение холма, на котором построен храм Покрова на Нерли. Площадка холма была одета панцирем из плит туфа и белого камня. Найден прекрасный фрагмент камня с полуколонной и частью растительного орнамента, скорее всего принадлежавшего галерее храма.

Юрьев-Польский отряд этой же экспедиции (нач. П. А. Раппопорт) исследовал укрепления г. Юрьева-Польского, Числовского городища и Харабова городка.

В Горьковской области, на Оленьей горе, близ г. Лыскова И. А. Кирьянов (Горьковский областной краеведческий музей) исследовал остатки крепости XIV—XVI вв. и поселения XII—XIV вв., существовавшего ранее на этом месте.

Волжский отряд Среднерусской экспедиции (нач. Е. И. Горюнова) исследовал два мерянских поселения: Попадьинское селище (Ярославская область) и Дурасовское городище (Костромская область); на обоих открыты остатки наземных деревянных домов.

М. И. Матасов (Буйский краеведческий музей) обследовал неолитическую стоянку в районе озера Святого и место находки неолитических предметов около г. Буя (Костромская область).

Экспедиция ГИМ (нач. М. В. Фехнер) провела раскопки четырех древнерусских селищ в Угличском районе Ярославской области. На селище у дер. Золоторучье открыты остатки двух жилищ с фундаментами в виде сплошной вымостки из камней и прослежены остатки металлургического производства.

Д. А. Крайнов (ИИМК, ГИМ, Ярославский областной краеведческий музей) обследовал Карашский торфяник и провел исследования на стоянках Караш I и Караш II. На первой обнаружена конструкция из пяти бревен с поперечными слегами и идущие ниже них «кладки». Нижний слой второй стоянки датируется ранним неолитом.

Исследованиями Ростовского отряда Среднерусской экспедиции (нач. Н. Н. Воронин) в г. Ростове установлено, что первоначально на берегу озера Неро было мерянское поселение VIII—IX вв. Следующий слой принадлежит русскому поселению X—XIII вв. Интересна находка массивных шпангоутов большой ладьи, гнутых из дуба. Подтвердилось известное по преданию местоположение княжеского двора при устье р. Пижермы. Исследован земляной вал, а к югу от Кремля остатки палаты конца XVI в.

Рязанский отряд Среднерусской экспедиции (нач. А. Л. Монгайт) работал на городищах и селищах Казарь и Льгово (Солотчинский район) и в г. Рязани. Городища многослойные (с V в. до н. э. по XVIII в.); обнаружены жилища полуземляночного типа и наземные. В Кремле г. Рязани (Переяславля-Рязанского) открыты остатки архитектурных памятников XV—XVII вв. и домонгольский культурный слой.

С. А. Изюмова (МГУ и Тульский областной краеведческий музей) продолжала раскопки Супрутского городища (Тульская область). Памят-

ник многослойный (слои IV—V, VIII—XIII вв.). Вскрыты различные сооружения: жертвенники, жилища земляночного типа и столбовые, очаги, ямы от столбов и т. д., несколько погребений внутри жилищ и вне их.

Подмосковный отряд Среднерусской экспедиции (нач. П. А. Раппопорт) обследовал остатки известных по письменным источникам XIV—XV вв. древнерусских городов и их оборонительных конструкций в Калужской области (в г. Малоярославце, в с. с. Кременском, Оболенском, Воротынске, у с. Спас, в урочище Любутское, в с. Панском, у с. Тинькова). На некоторых из городищ обнаружены слои первых вв. н. э.

Верхнеокский отряд Славянской экспедиции (нач. Т. Н. Никольская) продолжал раскопки городища у дер. Николо-Ленивец (Калужская область). Обнаружено три подковообразных рва — остатки столбовых построек полуземляночного типа. Одно из сооружений относится к III—II вв. до н. э., два других — к III—V вв. н. э. Кроме того, обследованы городища: Мещевское, Серенское, Мосальское, Серпейское, Мощинское и Воротынское; на большинстве из них отмечены слои середины I тысячелетия н. э. и эпохи древней Руси.

В Орловской области Т. Н. Никольская произвела небольшие раскопки на Воротынцевском городище, культурные напластования которого относятся к IV—II вв. до н. э. и к середине I тысячелетия н. э.

Работа Деснинской группы Верхнеднепровского отряда Славянской экспедиции (руководитель Л. В. Артишевская) производилась по правому берегу р. Десны и ее притокам (Брянская область)².

В. А. Падин (Трубчевский краеведческий музей) вел археологические разведки в бассейнах рр. Навли и Ипути (Брянская и Орловская области). Обследованы городища и селища со второй половины I тысячелетия до н. э. — начала II тысячелетия н. э. Вскрыт курган в группе «Кудеяры» (X в.), осмотрено место находки материалов среднеднепровской культуры у поселка Белые Берега.

Ф. М. Заверняев (Брянский областной музей) проводил археологическую разведку в Жирятинском, Почепском и Погарском районах. Открыто и обследовано 22 стоянки, 15 городищ, 20 селищ и три курганные группы. Памятники различных эпох — от неолита до XIII в. н. э.

А. Е. Алихова (ИИМК и Курский областной музей) исследовала берега р. Сейм и его правого притока р. Свапа (Курская область). Начаты раскопки на городищах Моисеевском (слои IV—III вв. до н. э. и начала II тысячелетия н. э.) и Кузина Гора (слои VI—IV вв. до н. э.). На последнем обнаружены остатки длинного дома столбового типа, амфоры, чернофигурная керамика.

На окраине г. Воронежа П. Д. Либеров (ИИМК) продолжал раскопки «Частых курганов». Исследовано полностью и доисследовано семь курганов. Впервые удалось обнаружить погребения эпохи бронзы. В одном большом кургане найдены обломки чешуйчатого панциря, в другом — несколько железных наконечников стрел и две золотые бляшки. При разведках по левому берегу старицы р. Дона обнаружено пять поселений.

Палеолитическая экспедиция (ИИМК, Воронежский областной краеведческий музей, нач. А. Н. Рогачев) совместно с Геоморфологической экспедицией Института географии АН СССР исследовала геологические и геоморфологические условия палеолитических стоянок в бассейнах Десны и Дона (Воронежская, Курская и Брянская области). Кроме того, изучались геологические условия стоянки Костенки XVII, осмотрена Мезинская палеолитическая стоянка, открыты следы палеолитических стоянок под г. Трубчевском и близ с. Боршева.

² Л. В. Артишевская. Разведки в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957.

Основным объектом работ Костенковского отряда Палеолитической экспедиции (нач. П. И. Борисовский) было многослойное палеолитическое поселение Костенки XVII, на котором два верхнепалеолитических культурных слоя разделены прослойкой вулканического пепла. В нижнем слое обнаружено два очага и много остатков фауны. Впервые на палеолитическом памятнике найдены подвески из белемнитов. Производились также рекогносцировочные раскопки на поселении Костенки II.

А. Н. Москаленко (Воронежский гос. университет) продолжала раскопки городища боршевского типа у хут. Титчиха. Вскрыто четыре полуземлянки с печами-каменками на мысу городища и одна на плато. Исследовано устройство вала и рва.

А. В. Никитин (ИИМК) на территории Белгородской крепости (г. Белгород) в основном исследовал оборонительные сооружения и жилые комплексы. Обнаружено три ряда крепостных стен разнообразной конструкции. Среди жилых построек преобладают глинобитные жилища, около них часто устраивались погреба.

В Пензенской области М. Р. Полесских (Пензенский музей) обследовал селища и городища XIII—XV вв. Кроме того, вскрыто мордовское погребение XIII в. на Кармалейском могильнике и девять погребений (из них три кошибеевского и шесть армиевского типа) в могильнике у с. Селиксы.

Работами Камской археологической экспедиции (КАЭ), как и раньше, руководил О. Н. Бадер. Отряд под его руководством продолжал исследование Заозерской и Верхнераздорской стоянок (Пермская область).

Отряд А. И. Чистина обследовал стоянки эпохи бронзы Бор I, Бор II, Бор III. На двух последних открыты остатки длинных жилищ.

Отряд В. А. Оборина участвовал в раскопках стоянок Бор II и Бор III и, кроме того, продолжал работы на Кыласовом городище.

А. Д. Вечтомов (КАЭ) провел обследование на Подгремачинской горе в г. Перми.

И. А. Лунегов (Чердынский краеведческий музей) обследовал Покчинское селище родановской культуры (Чердынский район, Пермской области).

Работы экспедиции Челябинского областного краеведческого музея (нач. Н. П. Кипарисова) сосредоточены были на двух многослойных стоянках на берегу озера Иткуль и на подобной же стоянке на озере Черкаскуль. Время возникновения стоянок — конец эпохи неолита; основной слой относится к эпохе энеолита и ранней (доандроновской) бронзе.

Уральская экспедиция ГИМ (нач. В. М. Раушенбах) исследовала древнюю мастерскую каменных орудий Гольй Камень I (в районе г. Н. Тагил), где найдено огромное количество предметов из кремнистого туфа и отщепов. Мастерская существовала, очевидно, со времени, близкого к мезолиту и до второй половины II тысячелетия до н. э. Небольшие работы проводились также на поселении конца эпохи бронзы у Черноисточенского пруда в местности «Тимина пашня».

Средне-Уральская археологическая экспедиция (Уральский гос. университет, нач. Е. М. Берс) производила раскопки стоянок Новая I и Новая II (шигирская культура и эпоха бронзы) в Верхне-Пышминском районе Свердловской области и разведки на озере Аять, где обследовались некоторые стоянки (от неолита до эпохи раннего железа).

В. С. Стоколос (экспедиция Каменского краеведческого музея) обследовал археологические памятники в Каменском и Катайском районах Свердловской области по рр. Исети, Синаре и Истоку. Обнаружено десять разновременных памятников (от энеолита до эпохи железа).

Экспедиция Нижнегагильского краеведческого музея (нач. А. И. Россадович) охватила разведкой территорию левого берега нижнего течения р. Тагила и берега Юринского озера. Обследовано 14 археологических памятников (от неолита до позднего средневековья).

Экспедиция Чкаловского областного краеведческого музея (во главе с С. А. Поповым и при участии М. А. Ланько) производила разведки в Адамовском районе. Среди зафиксированных памятников — стоянки эпохи бронзы, курганные могильники и отдельные курганы, места находок археологических предметов. Раскопан один курган андроновской культуры у с. Адамовка и обследована стоянка срубной культуры у с. Гавриловка, Гавриловского района.

Экспедиция Казанского филиала АН СССР работала четырьмя отрядами под руководством Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова. Разведками охвачены течения рек Меши с притоками, частично Вятки и Камы с притоками, в пределах Пестречинского, Тюлячинского, Мамадышского, Кызыл-Юлдузского и Рыбно-Слободского районов Татарской АССР. Обследовано 82 памятника. Среди них — стоянки эпохи неолита и бронзы, городища и селища эпохи железа (от раннего до XV—XVI вв.), древние кладбища, надгробия, места находок археологических предметов и кладов.

Южно-Уральская экспедиция Уральского гос. университета работала двумя отрядами под общим руководством К. В. Сальникова. Один отряд вел разведки в юго-западных районах Башкирской АССР и выявил ряд поселений и курганов эпохи бронзы и раннего железа. Вторым отрядом на селище Береговское I (с двумя культурными слоями — абашевским и срубным) вскрыты две землянки с очажными ямами и очагами из камней. На межземляночном пространстве найдена срубная керамика в сочетании с абашевской.

Башкирская экспедиция (ИИМК и Башкирский филиал АН СССР, нач. А. В. Эбруева) производила исследования четырьмя отрядами. Один отряд (нач. А. В. Эбруева) вел раскопки стоянки и могильника эпохи бронзы у с. Тукмаклы (Кушнаренковский район) и могильника этого же времени у с. Метев-Томак (Кандринский район)³.

Карадельский отряд (нач. Л. Я. Крижевская) закончил раскопки двухслойного памятника в устье р. Юрюзани. В верхнем слое, относимом к эпохе железа, обнаружено еще два очага, в нижнем — мастерская по обработке кремня (эпоха раннего неолита), в которой найден обильный материал — различные кремневые орудия и оружие. При разведках по среднему течению р. Уфы обнаружены три неолитических местонахождения.

Гафуринский отряд (нач. Г. В. Юсупов) исследовал памятники IV—III вв. до н. э. — селище Курман-Тау, Касьяновское и Михайловское городища. Большинство находок аналогичны ананьинским, но своеобразная керамика позволяет выделить юго-восточный вариант этой культуры.

Бельский отряд (нач. А. П. Шокуров) проводил разведки в Кушнаренковском, частично в Бирском и Чекмагушевском районах, обнаружив более 50 разновременных археологических памятников, среди которых — 22 стоянки эпохи бронзы, три городища, десять селищ, пять могильников, две курганных группы, 12 мест находок костей вымерших животных, отдельные курганы, надгробные камни.

О. Н. Бадер (от Удмуртского республиканского музея) вел небольшие раскопки стоянок Сауз I и Сауз II в Краснокамском районе. Памятники многослойные (неолит и бронза); на первом вскрыто жилище.

Н. В. Трубникова (ГИМ) на дюне у дер. Криуши (Козловский район Чувашской АССР) вскрыла остатки нескольких разновременных памятников эпохи бронзы и раннего железа.

Работы большого масштаба развернула Удмуртская археологическая экспедиция (Удмуртский научно-исследовательский институт и Удмуртский республиканский музей, нач. В. Ф. Генинг) на территории Удмурт-

³ А. В. Эбруева. Могильник Метев-Томак (см. в настоящем выпуске).

ской АССР, Кировской области и отчасти Башкирии. Отряд под руководством В. Ф. Генинга производил раскопки могильников: Чеганда II (за два года вскрыто 187 погребений пьяноборского времени), Мазунинского (40 погребений IV—VII вв. н. э.), Сунцевского (два погребения V—VI вв.). На городище Чеганда I обнаружено шесть хронологических горизонтов, пять из них относятся к пьяноборскому времени.

Разведочный отряд (нач. В. П. Денисов) проводил поиски ранних памятников в Кировской области. У дер. Буйский Перевоз отмечены следы памятников эпохи неолита. Раскапывались Буйская и Малмыжская стоянки эпохи бронзы, ананьинское городище у дер. Буйский Перевоз, могильник V в. н. э. у дер. Суворовой, Азелинский могильник VI в. н. э. (вскрыто 20 могил, в том числе погребения кузнеца, воина и охотника). Открыты три стоянки эпохи бронзы у Ноживинска. В результате работ устанавливается район распространения пьяноборской и азелинской культур.

М. С. Акимова (Институт антропологии МГУ, Удмуртский научно-исследовательский институт и Удмуртский республиканский музей) исследовала поздние могильники XVIII—XIX вв. у дер. Аксакшур (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР), где вскрыто 102 могилы.

Экспедиция Мордовского научно-исследовательского института во главе с А. Е. Алиховой (ИИМК) исследовала мордовские городища и селище у дер. Саконы (на берегу р. Теши). На городище обнаружены следы стены, на селище — часть землянки с остатками очагов, с кремневыми изделиями и ямочно-гребенчатой керамикой. Эти находки позволили определить памятник как неолитическое поселение.

Отряд этой же экспедиции (под рук. М. Ф. Жиганова) проводил разведки по среднему течению р. Теши (Арзамасская область). Обследовано семь памятников (часть открыта вновь). Вскрыто по несколько погребений на могильниках, в основном принадлежавших мордве-эрзе: на Старшем Кужендеевском (VII—VIII вв.), на Младшем Кужендеевском (XII—XIII вв.), на Погибловском и Тоторжевском.

Экспедицией ИИМК и Ростовского областного краеведческого музея (нач. Д. Б. Шелов) возобновлены раскопки античного города Танаиса (хут. Недвиговка, Ростовская область). Наиболее интересным оказался участок в северо-восточной части городища, где обнаружены остатки оборонительной стены, сложной из огромных глыб известняка. Вскрыт также комплекс сооружений III в. н. э. Город возник в III в. до н. э., расцвет его относится ко II—III вв. н. э. В некрополе за пределами города исследовано несколько погребений, среди которых часть детских.

И. С. Каменецкий (Таганрогский краеведческий музей) проводил раскопки на Нижне-Гниловском городище (г. Ростов-на Дону), где залегают мощные слои, датируемые эпохой бронзы и римским временем (до IV в. н. э.). Открыты остатки жилища — постройки с глинобитным полом, лежанками вдоль камышовых стен, очагом и хозяйственной ямой (вторая половина I в. н. э.). В слое эпохи бронзы встречены скорченные погребения и углубленная в материк полуземлянка. Разведками охвачены памятники по побережью Таганрогского залива, дельты Дона, Самбекское городище и древняя стоянка у Каменной лестницы в г. Таганроге.

Прикаспийская экспедиция (нач. Е. И. Крупнов) работала в Грозненской области и отчасти в Ставропольском крае. Продолжались раскопки Лугового могильника (вскрыто 37 могил); основной материал датируется VI—V вв. до н. э., но имеются и находки эпохи неолита (III тысячелетия до н. э.). У с. Ачикулак раскопано шесть курганов, из которых наиболее интересен «Большой курган», содержащий 19 погребений, начиная с эпохи бронзы и кончая XII—XIII вв. н. э. Велись разведки в Сунженском, Ачикулакском и Кизлярском районах Грозненской области. Осмотрены остатки большого средневекового г. Маджары (Ставропольский край).

Экспедиция ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР проводила исследования в зоне строительства Чирюртовской ГЭС тремя отрядами под общим руководством В. И. Канивца. Отрядом под его руководством на Миатлинском курганном поле вскрыты 12 курганов с 36-ю разновременными погребениями от начала эпохи бронзы и до раннего периода каякентско-хорочоевской культуры. При разведках по среднему течению р. Сулака открыто более десяти поселений разного времени, на одном из них (у с. Миатлы) исследован двухкамерный наземный дом и часть двора.

Отряд, возглавляемый М. И. Пикуль, работал в предгорной части Дагестана между селениями Верхний Чирюрт и Миатлы. Исследовались Кабартыкутанский могильник эпохи бронзы (вскрыто 12 каменных ящиков), Миатлинский грунтовой могильник XII—XIII вв. (вскрыто 19 погребений), второй Притулакский могильник раннего железного века (вскрыто два каменных ящика).

Горный отряд (руководитель В. Г. Котович) проводил разведки в Лакском, Акушинском, Кахибском, Хунзахском и Гунибском районах Дагестанской АССР; открыты средневековые памятники (могильники, поселения, надмогильные кресты). Проведены раскопки у с. Чох, где ранее обнаружена стоянка эпохи мезолита; на могильнике конца энеолита — начала эпохи бронзы у хут. Гоно (вскрыто десять погребений); на средневековых памятниках (склеп с коллективными захоронениями) у с. Гапшима; раскопано шесть погребений в могильнике у с. Урада.

Экспедиция Кабардинского научно-исследовательского института (нач. С. Н. Замятнин) исследовала грот Сосуко на правом берегу р. Баксан. Вскрыт культурный слой мощностью 7 м, но материк не был достигнут. Верхние слои — отложения эпохи средневековья и раннего железа; нижние 5 м содержали семь культурных слоев эпохи мезолита, разделенных мощными стерильными прослойками. Наиболее богат находками верхний мезолитический слой.

В Северо-Осетинской АССР С. С. Куссаева продолжала охранные раскопки катакомбного могильника в станице Змейской, относящегося к X— началу XIII в. н. э. и принадлежащего аланам.

Большое количество экспедиций производило исследования на территории Краснодарского края.

Работы Славянского отряда Таманской экспедиции (нач. Б. А. Рыбаков) были сосредоточены в центральной части Таманского городища (Тмутаракань). Вскрывались, обнаруженные в предыдущем году, остатки храма, воздвигнутого в 1023 г. князем Мстиславом. Сохранились мощные фундаменты, уходящие в землю на глубину 1,75 м.

Второй отряд (нач. И. Б. Зеест) вскрыл нижние слои городища, связанные с историей античного города Гермонассы и слои более поздние (IV—VIII вв. н. э.). На восточном раскопе исследовался жилой квартал I в. до н. э.—I в. н. э. и IV—VIII вв. н. э.; в юго-западном районе — участок с остатками строений VII—VIII вв.

Отряд под рук. Н. П. Сорокиной исследовал некрополь Гермонассы к западу и к югу от городища. Вскрыто девять погребений (пять из них датируются с VI по III вв. до н. э.).

Разведочный отряд (нач. Н. И. Сокольский) раскапывал поселение второй половины IV—III вв. до н. э. у Лысой Горы. Обнаружено несколько строительных комплексов, вымостки, три круглых печи.

Работы Фанагорийской экспедиции (ИИМК, ГМИИ, Институт истории искусств АН СССР, рук. М. М. Кобылина) производились в четырех пунктах городища. В районе «Керамика» обнаружены новые части крепостных сооружений III в. до н. э., остатки здания IV в. до н. э., найдены несколько изображений Деметры VI—V вв. до н. э. На северном раскопе открыт каменный фундамент дома II в. до н. э., развалы сырцовых стен и рас-

писная штукатурка; на побережье — часть монументального здания III в. до н. э., развалы сырцової стены, винодельня I—II вв. н. э. Исследован каменный склеп IV—III вв. до н. э.⁴

Н. А. Онайко (ИИМК и Новоросийский краеведческий музей) проведены разведочные раскопки на Раевском городище. Вскрыты остатки фундаментов и стен, частично выявлена стена с расписной штукатуркой и полы. Жизнь на городище продолжалась с конца IV—начала III вв. до н. э. в течение всего античного и частично средневекового времени.

Н. В. Анфимов возглавлял работу нескольких экспедиций. Восточно-Синдская экспедиция (Краснодарский краеведческий музей и Краснодарский государственный педагогический институт) продолжала раскопки Семибратнего городища — исследовались остатки крепостных стен III в. до н. э. и V—IV вв. до н. э.

Адыгейская экспедиция (Адыгейский областной музей и Адыгейский научно-исследовательский институт) вела работы в Теучежском районе Адыгейской автономной области на городищах: у с. Красное (слои III—IV и V—VII вв. н. э.), Гатлукаевском I-м (III—IV и V—VII вв. н. э.) и Гатлукаевском II-м (III—IV вв. н. э.).

Туапсинская экспедиция (Туапсинский краеведческий музей) вскрыла четыре адыгейских кургана XV—XVI вв. у с. Куйбышевка. Кроме того, Н. В. Анфимовым в порядке охранных выездов обследованы Хорольское и Казубское городища, городища у станицы Пашковской и г. Усть-Лабинска, древние погребения близ Усть-Лабинска, места археологических находок в г. Краснодаре и на строительстве Белореченской ГЭС.

И. В. Поздеева (МГУ и Анапский краеведческий музей) продолжала начатые в 1954 г. охранные раскопки некрополя Горгиппии. Из 32-х открытых погребений семь относятся к эллинистическому времени; большинство погребений датируется первыми вв. н. э. Инвентарь — преимущественно местная керамика, предметы вооружения, украшения из металла и стекла, монеты. Интересны надгробные стелы.

В. В. Бобин (Симферополь) раскопал на Барановской горе в г. Кисловодске четыре каменных ящика со скорченными погребениями (VI в. до н. э.).

Т. М. Минаева (Ставропольский областной краеведческий музей) продолжала раскопки аланского городища в балке Адиух (Черкесская автономная область). Работы велись на первой и второй частях городища. В первой вскрыты 24 могилы, обряд погребения — христианский, на второй открыты жилые комплексы, известково-обжигательная печь.

Д. Е. Щеглов (Геленджикский краеведческий музей) доисследовал четыре разрушенных каменных гробницы эпохи бронзы в районе г. Геленджика.

Западно-Сибирская экспедиция (нач. В. Н. Чернецов) продолжала работы на Андреевском озере близ г. Тюмени. На Козловском могильнике вскрыто 17 захоронений, относящихся к первым вв. н. э. Кроме того, на стоянке Козлов Мыс исследовались остатки землянки, а на Андреевском городище «5-А» и на 3-м Андреевском — остатки жилищ.

Следует отметить оживление в 1955 г. археологической деятельности в Сибири, на Алтае и Дальнем Востоке, где работало значительное количество экспедиций.

В. И. Матющенко (Музей истории материальной культуры Томского государственного университета) проводились разведки и раскопки в Томской и Кемеровской областях по берегам рр. Томи, Яи и Кии. У с. Колеул обнаружено селище, стоянка и курганный могильник (вскрыто ограбленное погребение). Одно погребение вскрыто также в могильнике у ст. Яя.

⁴ М. М. К о б ы л и н а. Фанагорийский склеп. КСИМК, вып. 70, 1957.

Продолжались раскопки Самусьского могильника и установлено, что в более позднее время (в эпоху раннего железа) на этом месте существовало поселение. Продолжались раскопки стоянки андроновской культуры в г. Томске. Там же обследована стоянка тагарской культуры.

А. П. Дульзон (Томский областной краеведческий музей и Томский государственный педагогический институт) производил раскопки старого мусульманского кладбища на окраине г. Томска. Вскрыто 39 погребений. На месте кладбища был могильник более раннего времени. Из 20 погребений одно относится к карасукскому времени, два к раннему железному веку, остальные, возможно, к эпохе неолита.

Г. В. Трухин (Томский педагогический институт) проводил разведки в Кривошеинском, Шегарском, Кожевниковском, Томском, Асиновском и Туганском районах Томской области. Обследованы городища, курганные могильники, старые кладбища, холмики в виде вытянутых курганов (так называемые Шеломки).

Р. А. Ураев (Томский областной краеведческий музей) обследовал культовое жертвенное место, относимое к кулайской культуре IV в. до н. э. — I в. н. э. у с. Парабель. Среди находок интересны изображения человеческого лица, птицы, рыбы на медных пластинках и железное оружие.

М. Г. Елькин с группой школьников г. Прокопьевска продолжал раскопки курганов у пос. Ур-Бедари, Гурьевского района, Кемеровской области. Раскопано три кургана, в которых обнаружено десять погребений конца I тысячелетия н. э.

У. Э. Эрдниев (Сталинский краеведческий музей) проводил разведки в Кузнецком районе Кемеровской области. На Есаульском селище обнаружено два круглых жилища полужемляночного типа. У дер. Мокроусово вскрыты два кургана. Продолжались раскопки на городище Маяк (эпоха бронзы и железа).

П. П. Хороших (Иркутский областной краеведческий музей) обследовал памятники по течению р. Ангары у г. Братска в ее верховьях (в основном памятники эпохи неолита). Особенно интересны палеолитические и неолитические стоянки у горы Монастырской, в районе г. Братска.

Э. Р. Рыгдылон (Иркутский государственный университет) вел обследование в Аларском, Нукутском, Боханском и Эхирит-Булагатском районах Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа (Иркутская обл.). Осмотрены городища, дюны, могильники, обнажения берегов, места находок палеолитических орудий.

Г. А. Пытляков (ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР и Магаданский краеведческий музей) провел археологические разведки в верховьях р. Индигирки и по берегам Охотского моря к востоку от г. Магадана. Наиболее интересными оказались работы в Ольском районе Магаданской области, где на морском побережье обнаружено 14 неолитических поселений и на каждом из них 10—20 полужемлянок с глиняными полами и очагами из каменных плит. Близ поселений открыты четыре могильника. Установлено, что в каждой могиле было пять—семь захоронений без инвентаря. Исследованные памятники оставлены древними корякскими племенами, вытесненными в XV—XVI вв. племенами орочей (эвенов).

В. Е. Липовский обследовал четыре стойбища в Ольском районе, принадлежавших корякам. Находки: каменные орудия, керамика, железные изделия, орудия из кости и рога.

С. В. Киселев (ИИМК, Хакасский НИЯЛИ) продолжал раскопки Большого Салбыкского кургана в Усть-Абаканском районе Хакасской автономной области. Расчищена внешняя южная стена каменной ограды. Около угловой (юго-восточной) стелы обнаружено разрушенное погребение ребенка и погребение мужчины. В центре кургана в склепе вскрыты остатки семи погребений мужчин и женщин, а у южной стены дромоса — пар-

ное погребение. Найдены большой тагарский сосуд и нож. Раскопки кургана не закончены.

Р. В. Николаев (Красноярский краеведческий музей) раскопал два карасукских погребения в могильниках Оглахты III (Боградский район Хакасской автономной области) и Оглахты IV (тагарское время) четыре погребения.

Тувинским археологическим отрядом Кыргызской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (нач. Л. Р. Кызласов) раскопано 29 поминальных и могильных памятников в Пий-Хемском, Улуг-Хемском, Кызылском, Тес-Хемском, Эрзинском, Барун-Хемчикском районах Тувинской автономной области. Могильник близ с. Сарыг-Булун относится к раннескифскому времени (VII—IV вв. до н. э.); каменные кольца в долине р. Уюк к IV—II вв. до н. э. Погребения в грунтовых могилах и большие каменные кольца с глубокими ямами в центре — II в. до н. э. — IV в. н. э. Две поминальные каменные оградки с изваяниями у Кызыл-Мажалыка и в Тес-Хеме — к тюркскому времени (VI—VIII вв. н. э.). Каменный курган у дер. Малиновка — XI в. Курганы у г. Кызыл и у дер. Малиновки — к XIV—XVI вв.

Кроме того, им же в Хакасии на Сырском чаатасе раскопан последний таштыкский курган.

Н. Л. Членова (ГИМ и Ачинский краеведческий музей) исследовала семь курганов близ г. Ужур; три из них относятся к карасукской, три к тагарской культуре; один к неизвестной до сих пор в Минусинской котловине культуре. Одновременно обследовались две курганные группы в окрестностях г. Ужура.

А. В. Давыдова (ЛГУ и Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт) вела раскопки Иволгинского городища, на котором вскрыто два жилища. Материальная культура находит аналогии в культуре ханьского Китая II в. до н. э. — I в. н. э.

Дальневосточная экспедиция (ИИМК и Дальневосточный филиал АН СССР, нач. А. П. Окладников) работала в районе г. Уссурийск (быв. Ворошилов) в устье р. Тетюхе. Исследовалось палеолитическое поселение на р. Осиповке, где обнаружена мастерская, изготовлявшая орудия архаических форм, и несколько новых памятников эпохи неолита. На Тетюхинском мысу вскрыто два больших полуземляночных сооружения; одно из них имело хозяйственное назначение, другое было «мужским домом». У г. Уссурийска на р. Майхэ открыты памятники континентальной культуры, современной культуре «раковинных куч». Исследовано жилище первых вв. н. э. На Красноярской сопке (в районе г. Уссурийска) изучалось укрепленное средневековое поселение. Начаты раскопки парадных зданий дворцового типа или храмов и поселений сельского типа.

Отряд Г. И. Андреева вел работы по изучению культуры «раковинных куч» в заливе Петра Великого. Изучались также древние рудники на р. Амгу.

Сахалинский отряд (нач. Р. В. Чубарова) исследовал южные (Корсаковский и Долинский) районы острова. Раскопки велись на стоянке Стародубское II, где вскрыта большая землянка, на Сусуйской стоянке с раковинными кучами, на стоянках Верхняя Санносава и у мыса Рорей.

Подводя итоги археологических исследований за 1955 год на территории РСФСР, несходимо отметить большой территориальный охват и особенно обратить внимание на значительное увеличение количества экспедиций на Востоке страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАК — Известия археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
СА — Советская археология
ESA — *Eurasia septentrionalis Antiqua*
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов.</i> Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала	3
<i>Р. В. Федорова.</i> Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях	14
<i>Э. А. Сымонович.</i> Две статуэтки коня из Побужья	22

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. В. Эбруева.</i> Могильник Метев-Томак	28
<i>А. Е. Алихова.</i> Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново	37
<i>Я. В. Станкевич.</i> Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины	46
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии	54
<i>Т. Н. Никольская.</i> Шуклинское городище	66
<i>В. В. Седов.</i> Гончарная печь из раскопок в г. Владимире	78

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

<i>Ю. В. Кухаренко.</i> Из материалов разведок на Вольни	84
<i>Ю. В. Кухаренко.</i> Чаплинские курганы	88
<i>Р. Л. Розенфельдт.</i> Липинский курганный могильник	90
<i>Р. Л. Розенфельдт.</i> Русский ружейный прибор начала XVII в.	93

IV. МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Е. А. Румянцев.</i> Стабилизация насыщенной влагой древесины, найденной при археологических раскопках	96
<i>Е. А. Румянцев.</i> Один из способов консервации кожи	100

V. ХРОНИКА

<i>Н. Н. Погребова.</i> О работе Сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в 1956 г.	103
<i>Г. А. Цветаева.</i> Сообщение о докладах, прочитанных на заседаниях Сектора античной археологии ИИМК АН СССР в 1956 г.	107
<i>Н. Н. Гурина.</i> О работе Группы античной археологии ЛОИИМК АН СССР в 1956 г.	110
<i>Н. Н. Гурина.</i> О работе Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1956 г.	113
<i>Л. В. Алексеев.</i> О работе Сектора славяно-русской археологии ИИМК в 1956 г.	117
<i>Н. Н. Гурина.</i> О работе Группы славяно-русской археологии ЛОИИМК в 1956 г.	121
<i>Н. К. Лисицына.</i> Археологические исследования в РСФСР в 1955 г.	124
Список сокращений	137

**Краткие сообщения
о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры
вып. 72**

*

*Утверждено к печати
Институтом истории
материальной культуры
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Н. Н. Гусева*

*

РИСО АН СССР № 116—83В. Сдано в набор
20/VI 1958 г. Подп. к печати 22/IX 1958 г. Формат
бум. 70 × 108¹/₁₀. Печ. л. 8,75 = 11,99. Уч. изд.
лист. 11,2. Код. вкл. 1. Тираж 1500 экз. Т-09249. Изд.
№ 2948. Тип. зак. 714.
Цена 6 р. 75 к.

*

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.